Григорий Явлинский
Андрей Космынин

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ: народ, страна, реформы

Москва
«Медиум»

УДК 159
ББК 70
Я 20

Явлинский Г.А., Космынин А.В.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ: народ, страна, реформы. – М.: «Медиум», 2015. – 248 с.

ISBN 978-5-85601-082-3

Книга посвящена анализу современной социально-политической реальности в связи с прошлым нашей страны. Авторы рассматривают вопрос о культурно-исторической обусловленности нынешнего положения государства и общества в России и утверждают, что главные причины и истоки происходящего — в политике, активно осуществлявшейся советским и осуществляемой постсоветским руководством нашей страны, а не в исторически сложившейся «русской ментальности» или характере народа. На этом основании ставится задача модернизационной преемственности с исторической Россией как необходимого условия создания современного российского европейского государства. Книга предназначена для широкого круга читателей, не теряющих надежду на европейское будущее России и готовых прилагать усилия для достижения этой цели.

ISBN 978-5-85601-082-3

© Явлинский Г.А.,
Космынин А.В., 2015

© Издательство «Медиум»,
оформление, 2015

Оглавление

Введение 5

Глава 1. Дредноут из разбитого корыта, или Провал постсоветской модернизации и его следствие 8

Что не получилось в реформах 90-х 8

Современное состояние российской политики и экономики 20

Курс 30

Глобальный контекст и вид с периферии 42

Причины сложившегося положения (где их искать) 51

Примечания к 1-й главе 55

Глава 2. История против мифа, или Какой мы народ 68

История 70

Особенности формирования государства 74

Новое русское время (XVI—XVIII вв.) 85

Империя и Великие реформы 94

Исторический характер, крестьянское общинное сознание 100

Коммерсанты, предприниматели, буржуазное сознание 116

«Государевы люди» 122

Образованное общество 125

Советский тупик 129

Что мешает модернизации 154

На что опираться модернизационной альтернативе 172

Гражданский бунт или политическая альтернатива? 178

Глава 3. Европейский путь, или Кто, как и когда будет модернизировать Россию 188

История модернизации в России 189

Постсоветские реформы в историческом контексте 204

Модернизация России в XXI веке 210

Примечания к 3-й главе 229

Заключение 232

Библиография 235

Введение

Эти заметки — реакция на расхожее мнение о том, что главная причина неудачи постсоветских реформ в России — особенности культуры и менталитета народа.

Провал постсоветских реформ очевиден. Если бы они достигли успеха, поворот, произошедший в последние годы во внутренней и внешней политике российского государства, был бы просто невозможен. Его не допустил бы средний класс, если бы он действительно был — обширный, самостоятельный, осознающий свои интересы, а не замещался чиновниками и сотрудниками сырьевых компаний, полностью зависимыми от своего начальства. Его не допустили бы независимые СМИ, если бы они были. Его не допустили бы граждане, объединенные в политические партии и гражданские организации, если бы...

Вот здесь все чаще и звучит готовый ответ: «если бы это были другие граждане, другой народ».

Мы постарались аргументировать альтернативный тезис: нынешнее состояние общества является прямым следствием грубейших ошибок и преступлений, совершенных в ходе реформ, приведших к слиянию бизнеса и власти, созданию олигархической системы в экономике и политике.

В этих заметках, которые мы писали в течение последних 10 лет, мы обосновывали очевидное для нас положение: все образованные европейские народы и народы, которые цивилизационно присоединились к ним в XIX — XX вв., живут по примерно одним и тем же социальным законам. Возможны очень серьезные отклонения, в том числе трагические, такие что произошли с немецким или итальянским народами между двумя мировыми войнами, но они преодолимы. Особое значение при этом имеет состояние элит, политического класса, политический выбор, предлагаемый народу. Иллюстрация к этому тезису — развитие в XX в. «разделенных наций», которые, опираясь на свою историю, культуру, ментальность, в одном случае оказываются

среди лидеров цивилизации, в другом демонстрируют ее абсолютное неприятие. Наиболее показательный пример, конечно, Южная и Северная Корея, но он не единственный[1].

Мы показываем, что с учетом своеобразия страны можно осуществить успешную модернизацию, суть которой для общества – закон, одинаковый для всех, для государства — разделение властей и независимая судебная система, для экономики – неприкосновенность частной собственности и конкуренция.

Так же как человек, наделенный свободой воли, может управлять собой и своими наклонностями, страны и народы могут выстраивать свое политическое будущее, опираясь на политическую волю и ответственное политическое лидерство.

Все сказанное для нас очевидно и даже банально, однако приходится об этом говорить, искать и приводить доказательства, потому что вопреки очевидности широко распространено мнение об обусловленности нынешней российской политической реальности историей и культурой нашей страны.

Мы не претендуем на «закрытие темы», не стремимся ответить на все вопросы, а глубина проникновения в каждый из них разная. При том что в наших рассуждениях мы часто опираемся на научные работы по истории, культурологии, социологии, наше исследование не является академическим ни по форме, ни по сути. Наша книга — результат непростых многолетних размышлений, которые представлены именно как размышления, незавершенный процесс.

Задача, которую мы ставили перед собой — предложить читателям присоединиться к этому процессу, изложив практически не существующую сегодня в публицистической и научной литературе точку зрения: корни проблем развития нашей страны надо искать в отсутствии современной, небольшевисткой, совестливой элиты, а в истории и культуре России надо искать и находить точки опоры для модернизации и строительства современного европейского государства.

Несмотря на крайне сложную и опасную общественно-политическую ситуацию почти (а где-то уже и совсем) граж-

1 Много примеров подобного рода и интересных мыслей о связи национальной культуры, состояния элит и образа жизни нации содержит книга Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона: Daron Acemoglu and James Robinson, Why nations fail. The origins of power, prosperity and poverty. London, Profile books, 2013.

данской войны, мы сознательно не хотим ограничивать круг наших собеседников политическими единомышленниками и сторонниками. Мы обращаемся к российскому обществу в его культурной и исторической целостности, потому что только осознав эту целостность в контексте европейского развития оно сможет достойно жить.

Несколько слов о структуре книги. Основной текст набран крупным кеглем. Это суть наших взглядов и размышлений. Более мелким кеглем даются уточнения и иллюстрации к логике рассуждений.

Справочный аппарат книги состоит из постраничных сносок (нумерация арабскими цифрами) и более пространных примечаний к главам (нумерация римскими цифрами).

◆ ◆ ◆

Мы хотим специально отметить и поблагодарить выдающихся российских историков-современников Татьяну Васильевну Черникову, Андрея Николаевича Медушевского и Андрея Борисовича Зубова — за глубокие профессиональные обсуждения и то значительное влияние, которое оказали на нас их работы по отечественной истории и культуре.

Наша искренняя признательность Ольге Юрьевне Саленко, Татьяне Анатольевне Морозовой, Светлане Игоревне Чурсиной, Виктору Валентиновичу Когану-Ясному, Григорию Авадьевичу Меламедову, Виталию Григорьевичу Швыдко, польскому дипломату госпоже Юстыне Гладысь — за содержательные обсуждения, замечания и предложения, высказанные в ходе многолетней работы над книгой.

За неоценимую сложнейшую работу по подготовке рукописи к печати особо благодарим редактора Юрия Арсеньевича Здоровова.

Глава 1

Дредноут из разбитого корыта, или Провал постсоветской модернизации и его следствие

Попытка подвести итоги первому десятилетию ... века переносит нас в атмосферу известной народной сказки. Сиденье над разбитым корытом всегда предрасполагает к философским размышлениям. Естественно, возникает вопрос, почему оно разбито, почему вообще рухнули одна за другой все наши радужные мечты? Еще так недавно терема и дворцы были близки к осуществлению. Почему же теперь даже светлая и просторная изба кажется нам недосягаемым счастьем?

Евгений Трубецкой[1]

Не дай Господь, чтобы война,
Не то мы правнуков оставим в дураках.

Владимир Высоцкий

Что не получилось в реформах 90-х

Объективная ситуация второй половины 80-х была весьма благоприятной для модернизации, как экономической, так и социокультурной.

В социокультурном плане активной была модель ожидания качественного прорыва, сопровождаемого сближением народа и го-

1 Трубецкой Е.Н. Над разбитым корытом // Русская мысль, год тридцать второй. Кн. II. М., 1911. С. 190–194.

сударства. Последнее особенно важно — общество действительно проявляло готовность доверять власти, начавшей «перестройку», и поддерживать ее начинания. При этом вектор «прорыва» был определенно европейским в том понимании, которое мы вкладываем в это слово и сегодня, а не ограничивался завистливым взглядом на прилавки западных продуктовых магазинов.

Ожидание «прорыва», качественного изменения жизни в России всегда было связано с движением к свободе. Традиционно (для XVIII—XIX вв.) это ожидание «воли», то есть отмены крепостного права и предоставление крестьянам возможности свободно трудиться на земле, в середине XX в. символ «прорыва» — отмена колхозов (которую ждали после добытой кровью народа победы над нацистами), к концу века ожидание нового качества можно сформулировать фразой «жить как в Европе». В это понятие, конечно, входило повышение уровня жизни, но представление об ожидавшихся переменах было гораздо более широким. Они увязывались с такими ценностями, как свобода, демократия, открытость, конкуренция, хозяйственная самостоятельность, творческая независимость.

В обществе присутствовало и нарастало ожидание перемен. Реформы воспринимались как движение вперед, благо, созидание.

> О массовом модернизационном потенциале, в частности, свидетельствует быстрое развитие кооперативного движения, в котором проявлялось стремление к новым формам организации труда, к новым экономическим отношениям. Если была возможность дополнительного заработка, люди ее использовали. Отношение к кооперативам показывало, что корни пресловутого «безделья» советского времени — не в нежелании трудиться, довольствуясь гарантированной зарплатой, а в ограниченности возможностей дополнительного заработка. Как только появилась возможность работать и зарабатывать, люди этой возможностью воспользовались. Безусловно, специфика процесса была. Типичное явление — создание кооперативов на государственных предприятиях с использованием их производственных мощностей. Однако на этой же мотивационной основе могла бы «пойти» массовая «малая» приватизация — человек продолжает делать то же, чем занимался всю жизнь, но уже является собственником своего дела.

Потенциальная база экономических, рыночных реформ в сознании позднесоветского человека — ценность для граждан денежных сбережений (которые наряду с жильем являлись распространенной формой собственности, доступной советским людям).

Эти сбережения могли стать «ключом» к созданию массового слоя частных собственников, мелких, средних, а позднее, на этой основе, и крупных. Особенностью такой собственности было бы понятное происхождение — приобретение за свои «кровные». Вокруг этого можно было создавать правовую и государственную систему. Таким образом, можно было обеспечить необратимость институциональных изменений, для которых создание незыблемого института частной собственности было важнее, чем финансовая стабилизация.

Политически общество было ориентировано не на авторитарно-вождистскую, а на демократическую модель, связанную со свободными плюралистическими выборами, независимым парламентом, выражающим интересы общества.

> Демократическое меньшинство, избранное в 1989 году на первых за годы советской власти выборах с выбором (хотя и ограниченным), было заметнее и авторитетнее «агрессивно-послушного большинства» не только потому, что было представлено яркими людьми, таким как А.Д. Сахаров, но и потому, что именно эти депутаты, избранные вопреки воле власти, воспринимались как по-настоящему легитимные народные представители.
>
> На большей части территории страны выборы продолжали восприниматься традиционно и кандидаты скорее назначались, чем избирались. Однако даже заведомое меньшинство нонконформистских фигур, ставших депутатами в результате этих выборов, обеспечивали новое качество. Главным было не то, что Съезд народных депутатов мог принять какое-то неподконтрольное решение. Названное демократами «агрессивно-послушным» большинство этого бы не допустило. Дело было в другом. Съезд превратился в вершину неформальной вербальной пирамиды. Главным было то, что важнейшие вопросы жизни страны можно было обсуждать на глазах миллионов зрителей. Обсуждать в прямом эфире, без цензуры и изъятий.

Моральным ориентиром при этом был отказ от лжи и насилия как базовых свойств социально-политической системы.

> А.Д. Сахаров в ноябре 1988 г. писал: «О чем же я думаю, что жду от перестройки? Прежде всего — о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Люди... должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как то необходимо обществу. <...> Перестройка должна

способствовать «открытости общества» как одного из условий нравственного и экономического здоровья страны, международного доверия и безопасности. Понятие открытости включает в себя контроль общественности за принятием ключевых решений (повторение ошибки вторжения в Афганистан должно быть невозможным), свободу убеждений, свободу получения и распространения информации, свободу выбора страны проживания и места проживания внутри страны»[2].

А.И. Солженицын сформулировал основную идею перемен, необходимых стране, как «жить не по лжи».

Сегодня «общим местом» стал тезис о «колбасно-витринной» мотивации поддержки перестройки: советские граждане узнали (увидели воочию и по телевизору, тем или иным образом услышали) о содержимом прилавков западноевропейских магазинов и захотели, чтобы у них было так же. Наверное, в какой-то степени и такой ход мыслей имел место. Однако обсуждение содержимого прилавков стало таким актуальным для людей не только потому, что им очень хотелось хорошо поесть, а потому, что правда о западных прилавках стала одним из маркеров тотальной лживости советской системы.

Для этой системы фатальным оказалась даже не свобода слова о настоящем (критики действующего руководства), а свобода слова о прошлом.

Популярные публикации о «белых пятнах истории» показывали масштаб вранья. Государство, которое так врало гражданам, не могло быть правым.

Именно этот потенциал позволил осуществить мирный демонтаж тоталитарной системы, что явилось достижением глобального масштаба, значимость которого с расстояния в десятилетия становится всё более очевидной.

Потенциал демократически ориентированного мышления активной части общества сохранялся и после шоковых событий 1992—1993 гг.

При относительном большинстве ЛДПР на выборах в первую постсоветскую Государственную Думу большинство избирателей проголосовали не за коммунистов и не за Жириновского. Отношение общества к развязыванию войны в Чечне также было негативным. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному 16—19 декабря 1994 г.,

2 Сахаров А.Д. Неизбежность перестройки // Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: ИНТЕР – ВЕРСО, 1990. С. 246–247.

> 36 % граждан были готовы поддержать поиски мирного решения проблем Чечни, 23 % — вывод российских войск из Чечни и только 30 % требовали решительных мер по наведению порядка в мятежной республике. Ответственность за развитие событий в Чечне по пути вооруженного конфликта 31 % опрошенных возлагали на Дудаева, 25 % — на Ельцина и его окружение, 7 % — на российских военных и спецслужбы, 12 % — на чеченскую оппозицию[3].

Однако реалии посткоммунистической России резко разошлись с перестроечными представлениями о них, при том настолько, что проблема, очевидно, не в несовпадении идеалистических ожиданий с грубой практикой. Разошлись векторы чаемых и осуществленных перемен.

Главная надежда перестроечного общества, которая не оправдалась, — выход из большевистского круга лжи и насилия.

Организация постсоветской власти, подбор правительственной команды и выбор пути реформ шли вразрез с демократической моделью, на которую общество ориентировалось в перестроечные годы.

«Команда реформаторов», пришедшая во власть, рассматривала себя не как партнеров президента, а в качестве сотрудников его администрации. Логика взаимодействия с самого начала была не политической, а бюрократической, ориентированной на вертикальное подчинение.

Авторитарная президентская власть воспринималась как необходимый элемент реформ. Принятие радикальных решений не предварялось серьезной общественной дискуссией.

В ходе экономической реформы не был использован потенциал сбережений граждан. Гиперинфляция, неизбежно последовавшая за либерализацией цен 1992 г. в условиях сверхмонополизированной государственной экономики, воспринималась гражданами как конфискация. Она потрясла общественное сознание не менее большевистской национализации, и вектор потрясения был тем же — защищенной собственности нет даже в эрзац-форме, усердный труд и личные способности не ведут к благополучию, жизнь подчиняется закону силы и случая.

> Опросы общественного мнения показывают, что большинство граждан не видело в приватизационных чеках никакой выгоды для себя.

3 Известия, 23.12.1994.

70 % опрошенных указывали на отсутствие информации о том, как распорядиться ваучером[4]. Люди давали такие ответы не потому, что были ленивы и нелюбопытны, а как раз потому, что мыслили вполне рационально и понимали, что схема ваучерной приватизации просто не была на них рассчитана.

Ваучерная приватизация никак не способствовала возвращению в общественное сознание фигуры собственника, легитимного хозяина своего дела. Она базировалась на уравнительном принципе. К тому же, собственность для абсолютного большинства обладателей ваучеров оставалась нереальной, неощутимой, никак не частной.

Продолжение приватизации через залоговые аукционы в 1995—1996 гг. только укрепило убежденность граждан в том, что отношения собственности в России регулируются не законом, а волей власти.

Журналист Пол Хлебников писал о залоговых аукционах как их очевидец: «Покупая у государства активы в ходе такой закулисной сделки и по столь заниженной цене, вы рискуете, что ваши права на новую собственность никогда не будут надежно защищены. Сограждане будут считать вас мошенником, а государство — скорее хранителем активов, чем их подлинным владельцем. Вообразим, что было бы, если бы госкомпания British Petroleum была в 1987 г. продана не за $40 млрд, а за $400 млн, и при этом 78 % акций досталось бы приятелю сына Тэтчер! Разве последующие британские кабинеты смирились бы с этим? А если бы смирились, то что ожидало бы британскую экономику?»[5].

Осторожно относясь к историческим аналогиям, отметим, что раздача собственности через залоговые аукционы действительно была сродни «пожалованиям» Екатериной II обширных поместий и крестьянских душ участникам переворота 1762 г. Эта собственность так и не смогла избавиться от родовых признаков поместья, которое изначально является владением, предоставленным государством в обмен на службу.

При этом участники сделки с обеих сторон не скрывали ее характер и исключительную роль в формировавшейся экономико-политической системе государства, понимаемого не как совокупность всех институтов власти, работающих на основе

4 Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические оценки. М.: Издательство Института Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 73.

5 Wall Street Journal, 17.11.2003, Ведомости, 18.11.2003.

принципа разделения властей, а как закрытая группа, формирующаяся вокруг первого лица.

> Руководитель службы по связи с общественностью банка «Менатеп» Леонид Невзлин в декабре 1995 г. (время проведения первых залоговых аукционов) философствовал: «...Очевидно, что в России традиционно влияние государства будет сильным, и, может быть, оно, извините, будет несколько сильнее влияния закона... Государство выше права, с этим, видимо, придется согласиться, потому что есть традиция, есть ментальность, есть подход к делу, уйти от всего этого мы не сможем»[6].

Принцип «государство выше права» — частный случай более общей закономерности 90-х: увеличился разрыв между законом и легальными институтами, с одной стороны, и повседневной жизнью граждан — с другой.

При этом речь идет не просто об ослаблении государства, которое не могло справиться с криминалом, собрать налоги, «вычистить» коррупционеров. Государство в значительной степени само стало центром и законодателем «теневой моды».

> В частности, вместо разработки работоспособного налогового законодательства, которое стимулировало бы массовую предпринимательскую активность, широкое распространение получила практика налоговых преференций для отдельных структур и групп граждан. В отличие от одинакового для всех и понятного всем закона, система индивидуальных преференций коррупционна по своей сути. Она создавала модель, которой в своих отношениях с гражданами следовал каждый чиновник — от министра до начальника ЖЭКа.
>
> Сформировались такие «правила игры», следование которым, например в бизнесе, стало обязательным для выживания, однако в стратегическом плане стало разрушительным.
>
> Предприниматель С. Недорослев о коррумпировании правоохранительных органов: «Мы разожгли в них *(правоохранительных органах)* желание и ощущение и умение бороться с бизнесом. Мы научили налоговую полицию и науськали и даем ей деньги. Мы то же самое делаем с прокуратурой. Я уж не говорю о том, что мы абсолютно развращаем институты государственной власти. То есть напрочь. Они перестают быть институтами государственной власти. Мы сами растим себе могильщиков. И если сейчас не произойдет осознания пагубности этого пути, и мы не откажемся от ве-

6 Коммерсант, 16.12.1995.

дения конкурентной борьбы с использованием силовых структур... мы просто друг друга уничтожим»[7].

В политике и общественной дискуссии на первый план вышла апелляция к схеме «свой–чужой», сопровождаемая приданием политическому противостоянию эсхатологической окраски (черт финальной битвы Добра со Злом).

«Перестроечная» идея, обращенная к здравому смыслу (люди имеют право и должны жить лучше, иметь больше возможностей для реализации своего творческого потенциала) была заменена типично большевистской «нужно потерпеть ради осуществления великой цели».

Пример торжества логики групповой борьбы — ситуация перед апрельским референдумом 1993 г., который был превращен в голосование «за» или «против» «демократической революции»[8].

По той же схеме «свой–чужой» была построена государственная кампания поддержки Бориса Ельцина в 1996 г. и кампания кремлевского блока «Единство» в 1999 г.

При этом попытки налаживания серьезного медиационного процесса, апеллирующего к договорной культуре, свойственной европейской политике, отторгались или профанировались.

В январе 1993 г. Григорий Явлинский предлагал созвать Круглый стол для решения назревших проблем и принять Конституционный акт,

7 Первый год президентства Путина. Политика. Идеология. Экономика // М.: Фонд «Либеральная миссия», 2001. С. 161–162.

8 9 апреля была организована встреча президента с главными редакторами ведущих СМИ, в ходе которой Ельцин заявил: «Если не будет президента, то власть возьмут самые экстремистские силы. Весь мир дрогнет, поскольку это действительно будет катастрофа для экономики». При такой постановке вопроса на стороне исполнительной власти были ведущие СМИ, общественные деятели, артисты, музыканты – большинство тех, кто поддерживал демократические перемены. В агитационную кампанию «Да-да-нет-да» включились Юрий Любимов, Михаил Ульянов, Константин Кинчев, Андрей Макаревич. Непосредственно перед голосованием все они приняли участие в массовом митинге-концерте на Васильевском Спуске, на который приехал и президент Ельцин. Ельцина поддержали даже те представители демократического лагеря, которые резко критиковали экономические реформы гайдаровского правительства. Например, Гавриил Попов, комментируя вопрос о доверии экономической политике правительства, писал: «Мы все время выступали против политики, провозглашенной в конце 1991 года: против ее подхода к либерализации цен, к приватизации путем аукционов за наличные деньги, против недостаточных мер социальной защиты, против игнорирования аграрной реформы и многого другого. Но не за это сейчас IX съезд выдвинул на референдум второй вопрос. Второй вопрос поставлен именно тогда, когда президент отказался от политики 1992 года и высказал ряд положительных идей о социально-экономической политике на будущее. В свете этого сама постановка вопроса явно выражает надежду большинства съезда хотя бы по одному вопросу добиться дискриминации президента» (Попов Г. Четыре «за» на референдуме // Независимая газета, 07.04. 1993).

закрепляющий положения выработанного им компромисса. Реализация этой линии могла бы привести к российскому варианту «пакта Монклоа»[9], но обе противоборствующие стороны выбрали конфронтационный вариант, приведший к трагедии октября 1993 г.

Идея пакта политического примирения «всплыла» после того, как конфликт между президентом и парламентом был разрешен силой, но была использована совсем не по назначению. Вместо широкого общественного обсуждения стратегии развития страны, подготовительный процесс свелся к разработке текста документа, который и был торжественно подписан 28 апреля 1994 г. в Георгиевском зале Кремля. Ведущие оппозиционные фракции — КПРФ и заявившее себя на роль демократической оппозиции «ЯБЛОКО» в подписании участия не приняли как раз потому, что сочли это мероприятие профанацией общественного диалога.

В дальнейшем механизм договора не использовался для разрешения возникавших политических кризисов.

Заметим, что, хотя ведущая роль в профанации пакта об общественном согласии принадлежала президентской администрации, в ней беспрекословно приняло участие большинство существовавших на тот момент в стране политических структур.

В конце 1994 г. была упущена (или отвергнута) возможность мирного урегулирования конфликта между федеральным центром и руководством Чеченской республики. Попытка политического урегулирования, которая предшествовала вводу войск, была формальной. Уже после начала ввода войск на территорию республики, но до развертывания интенсивных боевых действий роль медиатора мог сыграть парламент[10], однако и его инициативы не были поддержаны президентскими и правительственными структурами.

«Советский средний класс», который был опорой и движущей силой перемен перестроечного времени, пережил катастрофу. Для него как социального слоя реформы обернулись резким снижением уровня жизни и социального статуса вкупе с резким

9 Пакет соглашений между ведущими политическими силами Испании о сотрудничестве в достижении общенациональных целей, взаимном отказе от мести и преследования политических противников. Соглашения подписаны во дворце Монклоа в 1977 г.

10 В начале декабря 1994 г. парламентские делегации, ездившие в Чечню за пленными, могли начать и более широкий переговорный процесс. Так, в ночь на 6 декабря на Кавказ вылетела делегация фракции «ЯБЛОКО» вместе с депутатами В. Лысенко, А. Шабадом и председателем комитета Госдумы по обороне С. Юшенковым. Прибыв в Грозный, Г. Явлинский заявил, что, если переговоры об обмене 5 депутатов на 18 пленных окажутся успешными, следующим шагом будет обсуждение механизма, способного заложить основу политического процесса.

ограничением возможности применить свои знания, умения, таланты, труд во благо своей семьи.

30 октября 1996 г. совершил самоубийство Владимир Нечай — директор Федерального ядерного центра в Снежинске (Челябинск-70), в 1988 г. избранный на эту должность коллективом. Газета «Коммерсант» в краткой заметке о трагедии писала: «Медики установили, что смерть академика наступила от выстрела из пистолета в висок. Именной пистолет Владимира Нечая следователи прокуратуры обнаружили на полу его кабинета. По словам коллег академика, в последние годы он делал все возможное, чтобы сохранить научные кадры и продолжить исследования в области создания новейшего оружия. Нечай постоянно пытался внушить подчиненным, что они работают не для себя, а для повышения обороноспособности России. Однако люди, работающие в Снежинске, не получали зарплату около полугода и призывы к патриотизму воспринимали скептически. Некоторые семьи сотрудников ядерного центра питаются исключительно хлебом, который покупают в долг. Обо всем этом физики говорили Нечаю и требовали у него денег. Однако академик практически ничего не мог сделать, так как элитный в прошлом научный центр лишился государственного финансирования. По мнению коллег академика, постоянная стрессовая ситуация и привела его к решению уйти из жизни. В предсмертной записке Владимир Нечай попросил никого не винить в его смерти и похоронить его в Снежинске»[11].

В 90-е сформировался специфический средний класс переходного периода, представляющий собой ограниченную социальную группу, ориентированную на правящий слой.

Из исследований Московского центра Карнеги:

«Нынешний российский «средний класс» малочисленнее советского, прежде всего за счет перехода в категорию «бедных» огромного количества представителей бывших относительно престижных и доходных профессий». Всего, по оценкам аналитического агентства «Ай-Кью», из «среднего класса» за последние 5—6 лет выпало от 25 до 30 млн человек только на территории России. Конечно, в переходный период было создано почти столько же — до 25 млн новых рабочих мест, однако из них лишь 5—7 млн, на наш взгляд, позволяют иметь доходы на уровне «среднего класса». Экономические условия и социальная ситуация сегодня таковы, что пока гораздо больше оснований для становления финансовой олигархии и закрепляющих этот тип власти институтов президентской

11 Коммерсант, № 187 (1145), 01.11.1996.

республики, нежели для развития представительной демократии и закрепляющих ее институтов парламентской республики»[12].

«Новый же средний класс, особенно в крупных городах, возник не столько в результате свободного развития рыночных отношений, сколько был создан элитами за счет сверхдоходов от продажи природных ресурсов. Поэтому он представлял собой не самостоятельную в экономическом отношении страту, а зависимые от правящего слоя группы, занимавшиеся финансовым, управленческим, информационным и юридическим обслуживанием его интересов. А так как большинство населения воспринимало господство новых элит как вопиющую социальную несправедливость, эти элиты остро ощущали дефицит легитимности и увидели в среднем классе потенциально важного политического союзника. Вследствие особенностей происхождения и положения в социальной структуре общества средний класс тоже высказался за сохранение своего привилегированного статуса и потому занял весьма консервативную позицию по отношению к дальнейшим рыночным переменам»[13].

За первое десятилетие нового века, несмотря на значительные внешние перемены, последствия реформ для общественного сознания не только не были преодолены, но углубились и закрепились.

«Нетронутым» остался источник недовольства, доминирующего и продолжающего усиливаться ощущения социального дискомфорта — отсутствие перспективы, узость круга возможностей абсолютного большинства россиян. Периферийный капитализм[14] в принципе неспособен обеспечить равенство возможностей граждан.

«Средний класс» сегодняшней России по-прежнему формируют профессиональные чиновники, те, кто связан с экспортом сырья, представители сферы обслуживания.

«Укрепление государства» 2000-х — это не изменение сложившихся в первое постсоветское десятилетие взаимоотношений власти и крупного бизнеса, а уничтожение гражданской альтернативы. В начале десятилетия проводилась активная политика

12 Лепехин В. Группы интересов как основной субъект современной российской политической системы // Формирование партийно-политической системы в России. М., 1998. С. 108.

13 Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации. Парадоксы российской политики в постстабилизационную эру. М.: Гэндальф, 2005. С. 11.

14 Подробнее о российском периферийном капитализме как феномене см. работы Г. Явлинского, например: Явлинский Г. А. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже веков. М.: Интеграл-Информ, 2003.

подмены и имитации, которая затем сменилась прямым подавлением.

Перманентная демодернизация внутреннего содержания деятельности власти становится особенно заметной на фоне стремления привести внешний антураж в соответствие с современной модой на гаджеты.

> Пример — экс-президент, Д.А. Медведев — за фасадом использования «твиттера», «ай-пэда» и «Сколкова» скрывается политическое мышление, основанное на модели простых «хромающих решений»[15], свойственное не европейским политикам, а таким фигурам, как Никита Хрущёв и Александр Лукашенко. В частности, Медведев вернул в правила дорожного движения советскую норму о нулевом допустимом уровне алкоголя в крови водителей после нескольких лет действия близкой к европейской практике допустимой нормы алкоголя в 0,3 промиле. Возвращение к советской норме было преподнесено как забота о здоровье нации, на деле решение эксплуатирует архаичный стереотип о народе, которому нельзя давать волю. Объективных предпосылок для такого решения не было.
>
> Многочисленные «правильные» слова недавнего президента о модернизации, демократии, власти закона и т.д., признание в любви к западной музыке, общение с группой «Deep purple» в загородной резиденции на фоне реалий «периферийного капитализма» парадоксально напоминает двоемыслие комсомольских секретарей позднесоветского времени. Только те с трибуны произносили «правильные» слова о ленинском учении и преимуществах социалистического образа жизни.

Таким образом, в результате деятельности ряда правительств эпохи президентов Ельцина и Путина в России сложилась

15 «Общество, где господствуют хромающие решения, существует лишь постоянно опровергая себя, периодически стремясь занять то ту, то другую крайнюю позицию, постоянно «разоблачая» ложь во вчерашней правде и обнаруживая, что вчера «бес глаза отвел», то есть заставил видеть кривду в истинной правде. В любой момент только один полюс отождествляется с научной истиной и одновременно с народной правдой, справедливостью. Хромающее решение возникает в результате неспособности принять целостное синтетическое решение. В этом случае субъект «заглатывает» это решение частями. Однако точно так же, как из множества крыс нельзя сложить одну лошадь, из цепи эклектических решений нельзя сложить одно эффективное решение. Наше общество все пронизано хромающими решениями. Любое значимое решение отменяется, не успев реализоваться, все решается как исключение, разрешенное запрещается, все сказанное и записанное опровергается, чтобы утверждаться, и утверждается, чтобы быть опровергнутым. Каждый акт решения, осмысления принимается лишь на основе учета одного полюса расколотой оппозиции, чтобы потом принять решение на прямо противоположной основе» (Ахиезер А.С. Специфика исторического пути России // http://www.libertarium.ru/l_lib_ahies3).

политико-экономическая система, весьма отличная от современных представлений о рыночной демократии и принципах ее функционирования. При этом речь идет не о некоем переходном этапе от плановой экономики к рыночной, когда все основные механизмы демократического рыночного хозяйства уже созданы, но еще в полной мере не функционируют, а об особом типе хозяйства, имеющем свою собственную логику, которая не сводится к сумме или переплетению черт остатков плановой экономики, с одной стороны, и современного рыночного хозяйства — с другой.

Что касается общественного сознания, то уже к концу 90-х гг. стойким и актуальным для всех социальных групп стало ощущение неудачи реформ. Его наглядным выражением стал кризис августа 1998 г. с одновременным дефолтом по гособязательствам и девальвацией национальной валюты. При этом проблема была не только в падении уровня жизни абсолютного большинства населения по сравнению со временем «входа» в социальную трансформацию. Суть реакции российского общества на 90-е — не отторжение реформ, а разочарование в самой возможности изменения правил жизни, достижения ее нового качества.

Современное состояние российской политики и экономики

Ключевые слова, характеризующие состояние современного общественного сознания в России, — эклектичность, хаотичность, расколотость, противоречивость.

Нет общепризнанного образа будущего, ценностных ориентиров общественной жизни, разделения мейнстрима и маргиналий. Ключевая особенность — отсутствие укорененного в сознании россиян образа своей страны, объединяющего, базового представления о России, в которой мы живем, сегодняшней России как самостоятельной ценности. По большому счету, у современных российских людей нет большой Родины. Есть родные места, есть обширная территория, на которой они сосуществуют, есть различные представления об «идеальной державе». В целом же мы имеем дело с настоящим ментальным рассеянием на земле предков.

Вместо «стержня» общественного сознания — ощущение неудовлетворенности, нереализованности у представителей самых разных социальных групп и идейных платформ. При этом неудовлетворенность и ментальный дискомфорт не связаны прямо с личным благосостоянием.

> Согласно опросу Левада-Центра, проведенному в декабре 2010 г., «довольно ясно» представляли себе направление движения страны 15 % опрошенных. **Никакого представления о происходящем не было у 30 % от числа всех опрошенных.** О том, что дела в стране пущены на самотек, заявили 12 % респондентов, а 6 % затруднились ответить на вопрос. Опрос также показал, что, по мнению трети опрошенных (33 %), в России происходило «наведение порядка» (42 % в 2009 году). Однако почти столько же (28 %), наоборот, говорили о нарастании беспорядка (19 % в 2009 году)[16].

> Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в августе—сентябре 2009 г., наибольшее недовольство жизнью высказывали жители Москвы и Петербурга: «плохой» жизнь в стране считали 38 % жителей столиц по сравнению с 26 % в сельской местности[17].

Еще одна важная характеристика — неверие в положительные изменения, закрепляющее то, что есть, формирующее «порочный круг», из которого не видно выхода. Одна из любимых фраз, ставших идиомой: «У нас всегда так». Стало крылатым высказывание Виктора Черномырдина «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Жизнью правит принцип «случая и силы». Закона, хоть в какой-то степени понятных правил, нет ни для кого. Нет и четкого разделения тех, «кому на Руси жить хорошо» по социальному признаку. В различных ситуациях и конфигурациях к «сильным» могут быть отнесены чиновники, бизнесмены, директоры и ректоры, представители правоохранительных органов, адвокаты и нотариусы, журналисты, поп-звезды, ну и, конечно, криминальные авторитеты разного уровня. Однако для абсолютного большинства таких людей найдется ситуация, в которой у кого-то окажется еще больше денег, власти, связей с властью.

Заметны склонность к замыканию в субкультуре, локализм сознания, высокий уровень недоверия и агрессии по отношению к «чужим». Это чувство пронизывает все общество, только

16 Ситуация в стране по оценкам россиян. Пресс-выпуск Левада-Центра, 14.01.2011 // http://www.levada.ru/press/2011011404.html.

17 См. http://vciom.ru/fileadmin/news/Krizis_region.

для одной его части образ угрозы — ленивое быдло, «пришедший хам», ожидающий подачек от государства и вследствие этого неспособный к созиданию, а для других — ушлые беспринципные «дельцы», ориентированные на то, чтобы «урвать свой кусок», и вследствие этого неспособные к созиданию, в принципе, желая перемен, одни сетуют на такой «фактор отсталости» как ориентация традиционной культуры на «платонический» мир идеалов и невнимание к обустройству материальной жизни, другие видят причину неудачи реформ в излишнем прагматизме, отходе от традиции духовного поиска.

Социальная солидарность стремится к нулю. С этой точки зрения интересны результаты исследования ценностных установок россиян по методике Шалома Шварца. Россияне XXI в. вопреки распространенному стереотипу демонстрируют вполне европейскую открытость миру, но серьезно отстают от европейцев по уровню социальной солидарности[18]. Исследователи считают, что это создает угрозу будущему страны.

> «Итак, у среднего россиянина почти самая высокая в Европе приверженность индивидуалистическим ценностям игры с нулевой суммой. Что касается ценностей альтруизма и солидарности, то места, где они выражены очень сильно, — это Скандинавия и Западная Европа, а вовсе не бывшие социалистические страны. Страны, которые от России статистически значимо не отличаются, — это Украина, Словакия и Турция... Крайне высокие значения ценностей следования личному интересу (повышенного внимания к личным успехам, личному богатству и власти) угрожают самому существованию общества, даже не гражданского, а просто общества — как системы общей жизни и взаимодействия людей. Понятно, что есть причины, по которым произошел сдвиг в сторону этих ценностей, — обычно все вспоминают в этой связи о переходе России к рынку и капитализму. Но мы же видим, что развитие капитализма отнюдь не препятствует развитию альтруистических ценностей и ценностей солидарности в других странах, например в скандинавских и западноевропейских»[19].

> 77 % участников опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в декабре 2013 заявили, что не склонны доверять людям, считая, что в отношениях с ними надо быть осторожными. Только 19 % опрошенных считают, что большинству людей можно до-

18 Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2008, № 1 (93). С. 33–58.

19 Магун В., Руднев М. Наше национальное «Я» // Ведомости, № 198, 20.10.2010.

верять. Даже своему непосредственному окружению не доверяют 36 % опрошенных[20].

Раскол или, скорее, даже разброд общества усугубляется фактическим отсутствием национально-исторической идентичности, более или менее согласованного представления об историческом пути России. Речь, конечно, не о единой концепции или учебнике истории, а о том, продолжением чего является современное российское государство — дониконовской «Святой Руси», самодержавной монархии, советско-большевистской системы или все же чего-то иного?

◆ ◆ ◆

На этом фоне развивается и распространяется феномен «ухода», выпадения людей из общества.

Для части российских граждан это прямо выраженное желание уехать за границу либо на работу, либо на постоянное место жительства. При этом важно отметить, что «экономический» мотив в формировании этого желания присутствует, но не является единственным. Люди уезжают и желают уехать, движимые чувством собственного достоинства, заботой о развитии, свободе и достоинстве своих детей.

> Согласно опросу, проведенному Центром Ю. Левады в мае 2013 г., наряду с лучшими условиями жизни за границей и экономической нестабильностью в России, эмиграция из России обусловлена желанием обеспечить детям достойное и надежное будущее (31 %) и избавиться от произвола отечественных чиновников (18 %). При этом о будущем детей думают, прежде всего, специалисты и люди с высоким потребительским статусом (38 %) — те, у кого есть возможности обеспечить себе материальное благополучие и в России[21].

Буквальный уход (эмиграция) заслуживает внимания потому, что затрагивает, в первую очередь, активную, хорошо образованную, мыслящую часть наших соотечественников. Однако по численности это не основная форма «ухода». Алкоголизм, наркомания, криминал как реакции на сильное ощущение тотальной

20 Доверие в обществе. О социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных действий // http://fom.ru/obshchestvo/11253.

21 Мечты об эмиграции. Пресс-выпуск Центра Ю. Левады 06.06.2013 // http://www.levada.ru/06-06-2013/mechty-ob-emigratsii.

несправедливости современной российской жизни — являются, возможно, наиболее массовыми формами «ухода».

Распространенное явление — уход в частную жизнь. Господствует такое отношение к жизни, когда все недовольны, но все находят ту или иную приемлемую для себя форму существования. При этом всегда — в обход существующих писаных и даже неписаных правил. Это умение найти обходные пути, заменить общее установление частным применением только на первый взгляд может показаться выходом из положения. Внутреннее допущение этого обхода глубоко разрушительно и для человека, пользующегося этим, и для дела, ради которого он это делает, потому что обусловлено это допущение отсутствием иерархии ценностей, системы целеполагания, основного вектора. Прямое следствие — отсутствие перспективы и глубины мышления, сосредоточенность на сиюминутном.

> Майя Кучерская — журналист, писатель, литературный критик о картине жизни, отраженной в произведениях молодых писателей, выдвинутых на премию «Дебют» в 2010 г.:
>
> «Мне досталась «малая проза» — рассказы и повести молодых людей, от 17 до 25, со всей России. Ключевой мотив: он (она) смотрит в окно (вариант — стоит на балконе), курит, а там внизу за стеклом ползет медленная, мышиная жизнь. Бредут алкоголики, измученные тетки, сумасшедшие, наркоманы, ровесники, изнывающие от безделья. На учебу все герои забили, на культуру тем более, какой уж там Толстой, читают они мало — по текстам это очень заметно — и дальше чем за окно не смотрят. Честолюбивые замыслы, карьера? Поиски смысла жизни? Литературный эксперимент? Хотя бы просто энергия, молодая злость или страстная любовь? Вы смеетесь... За редким исключением почти все, кого мне досталось прочесть (а это около 30 лучших работ, отобранных из нескольких тысяч авторов), живут в заколдованном неподвижном и недобром царстве, «в коконе» — так и называется один рассказ, а другой состоит из «бла-бла-бла» на 40 страницах. Смертная вялость, социальная апатия, потерянность, собственная ненужность и абсурдность мира — вот смысловые доминанты этой прозы. Учитывая, что начинающие авторы придумывают с трудом, что обычно они лишь акыны, — это очень полезное чтение, только не в литературном отношении. Толстых среди «дебютантов» пока не проглядывается, зато складывающаяся картинка бьет похлеще всех статистик о настроениях молодежи»[22].

22 Кучерская М. Никому не нужен, никому не нужны // Ведомости, 19.11.2010.

Подчеркнем, что речь идет не о проблемах, которые можно «залить» дополнительным финансированием и полностью ликвидировать с очередным скачком цен на энергоносители. В сложившейся за последние 25 лет социально-политико-экономической системе рост доходов не пропорционален росту качества населения. В отсутствие стратегической перспективы и доступных социальных лифтов, без модернизации образа жизни рост доходов вместо повышения качества жизни в провинции ведет, в частности, к распространению наркомании. Социолог Наталья Зубаревич отмечает: «Принято считать, что корень социальных проблем — в низких доходах, а с ростом доходов повысится и качество населения. В долгосрочной перспективе такая взаимосвязь существует, но нельзя забывать о роли социокультурной среды, которая крайне важна для России. Многие регионы и города страны плохо приспособлены для полноценной жизни, а рост доходов без модернизации образа жизни может привести к снижению качества населения. Например, проблема СПИДа и наркомании как основного канала распространения инфекции наиболее сильна в богатых регионах и городах (особенно ресурсодобывающих) без достаточно развитой социальной среды, таких как Иркутская, Самарская, Свердловская области, Ханты-Мансийский АО и др. Это проблема «потерянного» поколения — молодежи из небедных семей, но без развитых потребностей и мотиваций. Темпы роста численности инфицированных остаются высокими, география расширяется, поэтому качество молодого населения даже в богатых регионах может снижаться»[23].

◆ ◆ ◆

Социальная апатия в национальном сознании сочетается с устойчивым ощущением несправедливости происходящего в политической сфере (в управлении страной) и падением легитимности центральной власти и всей замкнутой на нее политической системы.

23 Зубаревич Н. Социальное пространство России // Отечественные записки, 2008, № 5, http://www.strana-oz.ru/2008/5/socialnoe-prostranstvo-rossii.

Под политической легитимностью мы понимаем не отношение граждан к лидеру в терминах «любим — не любим, доверяем — не доверяем», а отношение к государству:

- считают ли люди, что они сами добровольно и осознанно выбрали именно такое государственное устройство (или сознательно сохраняют верность выбору предыдущих поколений);
- считают ли люди, что они несут ответственность за действия государства, за выбор руководящих персон и за действия этих персон;
- верят ли люди, что государство хотя бы стремится защищать их интересы, даже если делает это неудачно.

В России со времен большевистской революции произошел раскол общества на две группы, и этот раскол снова и снова воспроизводится в разные эпохи.

Первая группа — социальные слои и целые классы, которые по воле властей вообще «исключаются» из жизни: их вынуждают эмигрировать, подвергают репрессиям (в 20-е — 50-е гг. не только репрессиям, но и уничтожению, голодной смерти, заключению в лагеря в качестве рабов).

Вторая группа — те, кого не «исключили». Для этой группы характерно отношение к власти не с позиции «я лично несу ответственность за действия властей», а по принципу «повезло — не повезло». Если повезло, власть ведет себя умно, правильно, но даже в этом случае власть и государство воспринимаются как нечто, не зависящее от людей, выбранное не ими, не подконтрольное им, как будто речь идет о хорошей или плохой погоде.

Таким образом, даже благополучная часть общества не воспринимает государство как свое. Это и есть суть кризиса легитимности в России.

Традиционная покорность существующему ходу вещей и связанная с ней склонность общества к конформизму его смягчает, ретуширует, но не отменяет. Он тлеет как подземный торфяной пожар, готовый вырваться наружу при определенном стечении обстоятельств.

Высокие рейтинги первого лица и еще более высокие рейтинги поддержки его политики не отменяют тот факт, что среди на-

селения (не тех нескольких процентов, которые составляет прозападно настроенная часть интеллигенции и бизнесменов, которые и сегодня представляются властью как ее единственные противники, а среди большей части населения) растет недоверие к власти и, что хуже, к государственным институтам. Люди не верят правительству, не верят судам, прокуратуре, полиции, фискальным органам — и это очень опасно в случае поворота к нестабильности.

Бизнес не верит в долгосрочную перспективу: капитал реально утекает, долгосрочные инвестиции не делаются, если только это не государственные деньги, крупные частные предприниматели фактически сворачивают свою активность в России (беда не в том, что из страны утекут «олигархи», беда в том, что вместе с ними «утечет» большое количество денег и специалистов).

Административная элита ощущает враждебное к себе отношение и неспособность власти обеспечить ее безопасность — как безопасность собственности, так и личную. Высшая политическая власть утрачивает волю к сопротивлению негативным обстоятельствам и способность их правильно оценивать. Своими ошибочными действиями она множит ряды недовольных и разрушает лояльность своих естественных союзников и закрепляет коррупцию как системообразующий институт.

◆ ◆ ◆

Современные экономисты, сторонники институционального подхода, часто склоняются к частичному оправданию коррупции с функциональной точки зрения — как возможности перераспределить ресурсы старой элиты в пользу новой, избегая прямого столкновения между ними. Благодаря такому подходу коррупция предстает не как вариант отклоняющегося поведения, а как расхождение ранее сформированных норм и вызванных новыми условиями моделей поведения. Согласно логике функционалистов, коррупция отмирает сама собой по мере ослабления противостояния двух нормативных систем, когда новые правила вытесняют старые и одна элита сменяет другую.

Но этот вывод не подтверждается фактами развития России в 1990—2000-е гг.

В нашем, российском, случае переход не получается. Коррупционные схемы стали основой экономической деятельности. Они подмяли под себя и механизмы рыночной конкуренции, и государственное регулирование. Происходит институционализация транзита.

Во-первых, при органическом слиянии бизнеса и власти, институционализации конфликта интересов, его повсеместности и всеобъемлющем характере, коррупция приобретает качественно иной характер, нежели отклонение от правил и законов. Она сама неизбежно становится правилом и естественной нормой поведения. Во-вторых, коррупция становится важнейшим инструментом, механизмом управления всей системой. Поскольку допущенные масштабы коррупции практически тотальны, то с помощью исключений, ограничений, «закрывания и открывания» глаз можно держать в состоянии неопределенности и страха практически всю элиту страны, выборочно включая те или иные репрессивные механизмы в отношении тех или иных персон или групп. Этот принцип использовался в сталинской системе планирования, когда планы были заведомо невыполнимыми, но наказания за неисполнение нереальных планов были выборочны в зависимости от политических предпочтений и кампаний.

Коррупция трансформирует все общественное сознание. Налицо парадоксальное устройство общества: законы, предназначенные для того, чтобы их нарушать. Если в коррупции не участвовать, человек в значительной мере лишается доступа к социальным лифтам и может экономически не выжить. Если участвовать, то надо, чтобы человека не поймали. Успешность фактически оценивается по умению нарушить закон и сделать это безнаказанно.

И дело не в иррациональном, архаичном, традиционалистском отрицании «писанного закона». Это как раз наиболее рациональное поведение в предложенных обстоятельствах. С такой коррумпированностью сознания невозможно бороться ни образованием, ни расширением деловых и человеческих связей с развитыми странами.

Сама по себе коррупционная система власти не мешает, она ей выгодна. Государство вынуждает общество быть соучастником преступления (каждый либо участвует активно, либо участвует

время от времени, либо поощряет преступление своей пассивностью). Современная российская политическая система тождественна коррупции. Поэтому борьба нынешней российской политической системы с коррупцией — это «борьба» системы с самой собой с понятным результатом[i].

◆ ◆ ◆

Всё, о чем было сказано — это больше, чем кризис легитимности или политический кризис. Это признаки распада политического пространства, социума, идейно-информационной сферы и утрата вектора направления движения.

Один из ведущих знатоков смуты XVII века историк Руслан Скрынников писал о событиях четырехвековой давности: «Конфликт не был следствием столкновения угнетенного крестьянства с феодальным сословием. Раскол затронул все слои и группы русского общества — дворянство, посадских людей, холопов, крестьян, церковь, войско. С появлением самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, недовольные элементы общества объединились и произошел взрыв»[24].

Суть смуты — падение доверия народа к государству ниже критической отметки, а затем (или вместе с тем) — распад общества, атомизация. Государство при этом не имеет политической воли и ресурса доверия, чтобы противостоять разрушительным процессам, а его рефлекторные действия, направленные на самосохранение, только осложняют ситуацию.

Правда, «классической» русской смуте помимо династического кризиса предшествовали и крайне неблагоприятные природные обстоятельства, приведшие к голодным годам, массовой гибели людей.

Крушению государства 100 лет назад предшествовали два с половиной года Первой мировой войны, потрясшей материальные и ментальные основания всей Европы.

У современной смуты подобных мощных внешних дестабилизирующих факторов не было до самого последнего времени. Однако события вокруг Украины показали, что их способно

24 Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси в IX — XVII вв. СПб: Искусство — СПб, 2000. С. 334.

генерировать само российское государство. При этом помимо внешнеполитических осложнений, связанных с ситуацией вокруг Украины, сохраняется набор других потенциальных источников дестабилизации. Это вероятный хаос в Афганистане и Центральной Азии после ухода союзных войск, обострение ситуации на Кавказе и развитие масштабного конфликта с участием Армении, Азербайджана, Турции и России.

К тому же, российская власть столкнулась с острейшим кризисом «имитационно-управляемой демократии», которая использовалась целое десятилетие. Проект «Медведев» провалился. Вместо мобилизации либерального интеллектуального ресурса на «благо» государства получилось жестокое разочарование с обеих сторон. Те, кто сегодня отождествляет себя с государством (буквально: «государство — это я»), стали искать другую опору.

Однако это уже чревато разрушением даже тех крайне несовершенных конструкций, которые выстраивались в последнее десятилетие.

В предыдущих случаях было так: государство истончается и под влиянием внешних обстоятельств «прорывается». В нашем случае оно просто рассыпается в прах, крошится, потому что истлело, потому что корни нынешних проблем уходят в вопросы, необходимость решения которых назрела сто лет назад, но они так и не были решены.

Курс

То, что сегодня называется российским государством — это власть, не имеющая опыта компромисса. Она сама уходить не собирается и сдавать свои позиции тоже. В глазах ее носителей уступки равны поражению. Из опыта февральской революции они сделали только вывод о недопустимой слабости и нерешительности Николая II, из опыта перестройки — о слабости Горбачёва и т.д.

В первом десятилетии XX в. задачей и сверхцелью правящей группировки было сохранение политической и экономической власти при любых условиях.

Решения, принимавшиеся с конца 2011 г., стали складываться во вполне определенный курс — явление, которое превосходит

сумму шагов, направленных на достижение, казалось бы, сиюминутных, оперативных целей (таких как обуздание гражданской активности после парламентских выборов 2011 года, поиск новых союзников взамен переставшей быть опорой опорой либеральной интеллигенции, очередной симметричный или асимметричный ответ на зарубежную критику нарушений прав человека).

Суть новой государственной доктрины в том, что европейский путь не для России.

Эта мысль не нова, для нее в сознании значительного числа россиян, в том числе и чиновников, вплоть до самых высокопоставленных, всегда находилось место. Теперь она стала системообразующей.

Исторический ориентир — ностальгически-идеализированное представление о советской системе (взять «хорошее» из советского прошлого), жандармский патернализм Николая I, контрреформы и победоносцевское «подмораживание» России в конце XIX века.

Внешний ориентир — такие страны, как Индия и Китай. Их политико-экономическое устройство негласно берется за образец, поскольку лучше всего отвечает идее внутреннего выбора с опорой на традиционные национальные ценности.

Важно ответить не только на вопрос, что происходит, но и почему. Без этого крайне трудно искать эффективные решения, способы противостояния.

Утверждение, что причиной всему стала «гебешная» суть Путина, который продемонстрировал свое истинное лицо, ничего не проясняет. Это ответ из разряда: зло есть зло, потому что оно зло.

Версия о том, что это реакция на протестное движение, имеет под собой определенное основание. Не только в России, но и на постсоветском пространстве в целом действует следующая логика: авторитарная власть делает все возможное для вытеснения с политического поля дееспособной оппозиции, добивается ее маргинализации, сталкивается со всплеском искреннего протеста, остается к нему цинично глухой, получает (или провоцирует) отчаянную вспышку неповиновения, на которую отвечает гораздо большим насилием, в результате чего происходят

необратимые, качественные изменения в самой власти и политической среде в целом[25].

Но главная причина, толкающая власть к столь масштабному повороту, власть если не видит, то чувствует расползающуюся ткань, почву, уходящую из-под ног, и именно этого боится больше, чем вчерашних и сегодняшних протестующих. Глубинный мотив разворота — ощущение нарастания смуты и попытка с ней справиться[ii].

При этом власть исходит из своего знания ситуации. Если предположить, что Путин мыслит рационально, то в начале текущего десятилетия у него должен был появиться вопрос: «Ведь экономическое положение людей все-таки улучшилось. Нет больше многомесячных невыплат зарплат и пенсий, нет массового закрытия предприятий, нет новых дефолтов. Почему же растут протесты?».

А ведь все очень просто: недовольство росло, потому что не удовлетворялись потребности другого порядка. В частности:

- нет ощущения, что человека поддерживают и защищают законы;
- нет ощущения, что человека защищают социальные связи, сети, община, соседи; наоборот, «всем друг на друга наплевать», «государству нет до нас дела», никому нельзя доверять, не на кого положиться;
- сохраняется страх перед социальными болезнями (пьянство, преступность, наркомания и т.д.);
- сохраняется страх перед нищетой в старости;
- накапливается чувство унижения при бытовом общении с чиновниками и даже при обращении в обычные госучреждения (поликлиники, полиция, государственная система образования и т.д.);
- нарастает общее ощущение, что жизнь вокруг некомфортна, непредсказуема, нет никакой защиты от многочисленных опасностей сегодняшнего дня и, тем более, нет уверенности в завтрашнем дне.

25 Подробнее об этой логике см. в статье В. Дубнова, написанной за несколько месяцев до полицейского разгрома демонстрации 6 мая: Дубнов В. Формула провокации//Газета.ру, 20.03.2012 (http://www.gazeta.ru/comments/2012/03/20_a_4097857.shtml).

Власть надеялась удовлетворить эти потребности через апелляцию к «традиционным» ценностям, которые фактически представляют собой смесь ценностей из разных эпох:

- навязанная вера в доброго отца нации;
- «духовность», богобоязненность или боязнь обидеть религиозную общину;
- коллективизм;
- цензура СМИ не только в политических целях, но для удаления из информационного потока всего, что нервирует, вызывает стресс;
- компенсация понимания отсталости России воспоминаниями об исторических победах, культом спортивных побед;
- милитаризм, уверенность в военной мощи нации, способности если не обеспечить безопасность, то нанести непоправимый урон любому врагу;
- привычное чувство, что мы должны быть едины перед лицом внешних врагов...

Прошлое нельзя реанимировать, но активируя его символы, можно оживить реакционные силы общества, запугать нормальных людей и в итоге получить совершенно новую конструкцию тоталитарного, репрессивного типа.

Однако такой курс обостряет у людей неудовлетворенность других потребностей:

- в творческом самовыражении;
- в свободе передвижения, путешествий, что важно для миллионов людей, особенно студентов, молодежи;
- в гражданских свободах, даже если они находятся на уровне «высказать недовольство местному начальству».

Понятно, что эти потребности свойственны разным группам населения в разной степени. Поэтому те группы, для которых они особенно важны, попадают под удар в первую очередь и искусственно противопоставляются «большинству».

То, что мы переживаем сейчас, можно назвать этапом **«патриотического патернализма»**. Его ключевая черта — противопоставление

России западному, европейскому миру, разделение общества на «своих» (патриотов) и «чужих» (иностранных агентов).

Президент — «национальный лидер», чья легитимность базируется на персональной идеологии, а также на общественном и элитном консенсусе, выражающемся в ощущении, что лидер — фигура, скрепляющая все «русское пространство», что без него все рассыплется.

Анализ последних 100 лет российской истории показывает, что чем менее уверенно чувствует себя элита-номенклатура, тем выше роль, которая отводится первому лицу. Когда эта роль особенно велика, глава государства становится почти сакральной фигурой — национальным лидером, чья власть базируется на персональной идеологии, которую обязан разделять каждый житель страны. Когда элита начинает ощущать себя более уверенно, она сама же стремится «принизить» роль лидера или, если боится это сделать, то с нетерпением ждет его падения. Достаточно вспомнить судьбу лидеров советской эпохи.

Однако на сегодняшний момент лидер государства — образ и символ, транслирующий: «не забудем, не простим, с нами так нельзя» (для ностальгирующих по СССР масс); «усидим столько, сколько захотим» (для «элиты»).

При этом патриоты априори лояльны действующей власти и идентифицируют ее с российским государством как таковым, а в число иностранных агентов и их пособников, фактически, попадает вся оппозиция, все критики власти[iii]. Они воспринимаются сверху (и теми, кто лоялен) не как часть общества, а как антиобщественная, антигосударственная, деструктивная сила. Она не разделяет целей и ценностей власти, отождествляющей себя с государством, не может быть полезной для его воплощения, она должна быть нейтрализована.

Следующий этап, к которому мы переходим — **национал-патернализм**.

Национализм — реально существующий и наиболее доступный резервуар общественной активности, который просто и соблазнительно использовать.

Сейчас в связи с острой объективной ситуацией он направлен против Украины, но точки приложения могут быть и другими.

Проблему миграции и распространения «чуждой» культуры легко связать с распространением ваххабизма и террористической угрозой, а это уже основа для дальнейшего движения навстречу националистическим настроениям.

На этом этапе часть общества, не вписывающаяся в формат нового курса, предстанет уже как национально чуждая.

Этому этапу, вероятно, будет соответствовать формальная консолидация политической системы вокруг национального центра. Модель — «Народный фронт», куда входят всевозможные марионеточные ветеранские, женские, молодежные организации. Профсоюзы на предприятиях будут созданы «сверху», их сольют с объединениями промышленников и предпринимателей. Таким образом, будет проводиться идея, что все слои общества представлены во власти.

В экономике проявлением этого этапа будет разделение предпринимателей на национально ориентированных и космополитичных. Основной критерий — возвращают ли они деньги из-за рубежа. Будет происходить «ползучая» экспроприация капитала у «нелояльных» предпринимателей. Это станет еще одной удавкой, с помощью которой власть держит в повиновении крупный бизнес (наряду с нерешенным вопросом о законности и легитимности приватизации).

Третий этап — аналог национал-социализма: не воспроизведение тезиса о расовом превосходстве и не прямое повторение германских событий 30-х гг. XX в., а формирование и закрепление системы, противопоставленной европейской буржуазно-демократической цивилизации, отказывающейся от трудного, но реального европейского опыта в пользу смутных представлений о прошлом и будущем величии и маргинальных социально-политических и социально-экономических теорий[iv].

◆ ◆ ◆

Конечно, полная изоляция сегодняшней России вряд ли возможна, поэтому многие считают, что тоталитарное «обновление» в духе Ким Чен Ына, только в гораздо большем масштабе (по территории, населению, запасам ядерного оружия), невыполнимо. Сохранение и углубление социально-экономических

проблем будет всем очевидно, власть быстро потеряет поддержку, и ничего тоталитарного не получится.

Однако от власти 90-х режим унаследовал некую логику: неадекватное и даже абсурдное решение вполне приемлемо, если ему нет альтернативы[v].

Сначала этот прием использовался только как политтехнология, убеждающая в безальтернативности президента. Была создана система организационных механизмов, которые не позволяли расти новым политикам. Всячески культивировалось возникшее в обществе мнение, что политика — грязное дело, что даже порядочный человек в своем продвижении на политический «верх» вынужден так замараться, что от его изначальной честности ничего не останется.

Затем естественным следствием безальтернативности и абсолютного отсутствия конкурентов стала убежденность самой элиты в своей незаменимости и особой миссии. Забывается факт, что безальтернативность создана искусственно; она начинает восприниматься как норма и как основа порядка. Соответственно, любая, даже слабая и неопасная оппозиция, инакомыслие представляются нарушением порядка и даже предательством национальных интересов.

Сейчас происходит важнейший скачок. Принцип безальтернативности власти и ее решений в чисто политической сфере начинает распространяться на все: культуру, нормы воспитания, господствующее мировоззрение. Механизм тот же: абсурд не является абсурдом, если нет альтернативы.

Чтобы общество приняло тоталитаризм, его нужно сделать «немножко сумасшедшим». Оно должно потерять чувствительность к демагогии, к чужой боли, к абсурдным высказываниям, решениям и проектам. Именно этот переход сейчас осуществляется.

Общество привыкает, что глупые решения, жестокие решения вполне допустимы. Так же как люди привыкли регулярно наблюдать насилие, коррупцию и не ужасаться, так же привыкли не удивляться и не возмущаться любым абсурдным решениям власти во всех сферах.

Сначала — запрет на усыновление российских сирот американскими семьями. Это нерационально, абсурдно, не имеет никакого отношения ни к «делу Магнитского», ни к «акту Маг-

нитского», но это принято. Затем — превращение Украины во вражескую страну.

В дальнейшем обществу, например, можно внушить следующее:

- из-за внешнеполитической угрозы и внутренних врагов власть вынуждена тратить огромные средства на оборону и безопасность;
- поэтому имеющийся уровень жизни — это максимально достижимый результат в сложившихся условиях;
- те, кто утверждает обратное, фактически призывают снизить обороноспособность и безопасность;
- тем самым они становятся внутренними врагами.

Еще один фундаментальный ресурс режима — новая стадия коррупционного проекта. Сохраняя основы коррупционной системы, власть пытается поменять правила игры и использовать коррупционную основу для обслуживания своего курса.

Безнаказанность коррупционеров все больше зависит не от «таланта к преступлению», а от политической лояльности.

Всеобщность участия в коррупции позволяет властям при одобрительной реакции населения в любой момент предъявить соответствующие обвинения любому неугодному. Таким образом, коррупционное устройство государства и общества превращается в надежную предпосылку и механизм борьбы с политической оппозицией.

Сейчас в общественном мнении прослеживаются три опасные точки зрения на проблему коррупции.

Первая. Хотя коррупция была в России всегда, она значительно снижалась, когда

- в стране была жесткая диктатура;
- в стране была идеология полного подчинения личности интересам государства.

Вторая. Коррупция обусловлена крайним эгоизмом, индивидуализмом, отсутствием патриотизма, культом наживы. Вина за эти явления возлагается на либерализм. При этом либеральная демократия провозглашается:

- чуждой российскому менталитету и искусственно привнесенной с Запада;

- орудием влияния Запада, которое используется антироссийскими силами намеренно с целью системного разрушения нашего общества.

Далее следует идеологический кульбит: неприятие коррупции означает неприятие таких ценностей либерализма, как демократия и права человека.

Третья. Власть сама поддерживает либерализм и сама является орудием разрушения России. Затем у части оппозиции, например, националистов, популистов, леваков происходит демонизация власти по этому параметру.

На самом деле, власть не понимает и потому не верит в демократические и рыночные рецепты. Не понимает идеи разграничения власти и бизнеса, разделения властей, равенства перед законом. Она, вне зависимости от того, искренне ее желание бороться с коррупцией или нет, видит только два пути:

- публичные скандалы относительно коррупционеров, которых решено наказать;
- борьба с «ложными идеями», которые, по ее мнению, лежат в основе коррупции, то есть с либерализмом, индивидуализмом, бездуховностью.

Машина по подавлению инакомыслия набирает обороты. Готовятся и будут приниматься новые законы, формально антикоррупционные, а по сути популистские, только усиливающие коррупцию и дестабилизирующие весь управленческий аппарат. Лозунг борьбы с коррупцией будет использоваться как предлог для разного рода чрезвычайных мер. Будет усиливаться линия на «национальные ценности» как альтернативу «либерализму-западничеству-демократии», укрепляться культ личности в рамках официальной идеологии.

Вероятно, самое главное в этих тенденциях — переход к режиму «чрезвычайщины». Источником права становится сиюминутная необходимость.

Соответственно, в обществе будут расти противоположные настроения: те граждане, которые не признают, что необходимость ЧП существует, не будут воспринимать чрезвычайные законы как легитимные (как, например, НКО по вопросу об иностранных агентах). А это будет вынуждать власть принимать еще более жесткие меры и законы.

◆ ◆ ◆

Кроме того, на обеспечение поддержки «нового курса» будут направлены дополнительные финансовые вливания, увеличение социальных расходов, господдержка лояльных бизнес-групп, военные программы, удовлетворяющие силовиков и националистов, финансирование полицейских и информационных кампаний против оппозиции, пропагандистская демонстрация обществу защищенности от внешних врагов — Запада, исламистов и т.д.

Целой группе собственников в России выгоден плохой инвестиционный климат, которым можно оправдывать временщическое отношение к своим активам[26]. И выгодна позиция руководства страны, создающего условия для политического шантажа и вымогательства госсредств.

В связи с наступившей рецессией в обозримом будущем вероятна экономическая политика так называемого «более рационального хищничества», т.е. принуждения элиты временно поделиться доходами с остальной частью общества ради улучшения экономической ситуации сейчас, с тем чтобы в будущем осуществить перераспределение в свою пользу в еще более крупном масштабе.

Для этого нужно:

- найти часть бизнеса, с которой можно заключить подобный договор;
- институционализировать такой договор;
- гарантировать элите, что будущие доходы намного превысят временные потери от договора;
- решить, как поступить с той частью бизнеса, которая не верит и ни на какую сделку уже не пойдет;

26 Редакционная статья газеты «Ведомости» (10 сентября 2012 г.): «Стало очевидно, что предприятия, построенные в советское время, выработали свой ресурс. Чтобы конкурировать — даже на внутреннем рынке, — им необходима радикальная дорогостоящая модернизация. Но собственники, не доверяющие политическому режиму, все эти годы не вкладывали в них деньги, даже когда зарабатывали огромные прибыли на пике цен. Кризис обнажил все проблемы этих заводов, а также моногородов, в которых они находятся, плюс обременил их серьезными долгами. Эти долги никуда не делись, а на пороге уже новый кризис» (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/307441/delo_ruk_vladelcev#ixzz265Up4huE).

- наконец, нужно сделать так, чтобы временные «инвестиции» в народ (под видом справедливого распределения доходов) действительно дали в будущем такую прибыль, которая удовлетворит правящий класс[27].

Вообще, для поиска опоры в левопопулистских, националистических настроениях, а также в жажде мести за наши неудачи, у власти широкие возможности[28].

На октябрьском 2012 г. пленуме ЦК КПРФ будто специально была предложена развернутая идеологическая программа в русле нового кремлевского видения ситуации: сталинский социализм + русский национализм + коммунистическое православие + ленинская теория и внешняя политика[vi].

Здесь надо с сожалением заметить, что пополнению этого ресурса способствовала переориентация энергии гражданского протеста с нравственного противопоставления ложь-правда, на левацкое мщение и перераспределение общественного богатства. Плюс введение в политику национализма и левачества, адепты которых к европейскому либерализму относятся так же, как режим[vii].

• • •

Дополнительный ресурс легитимности власть видит в поддержке и благословении традиционных религий, прежде всего, Русской православной церкви. Не раскаиваясь, не меняя своей сути, не признавая своей ответственности за нравственную деградацию общества, она хочет получить от Церкви своего рода «помазание на царство» или хотя бы статус защитника православия, наследующего Александру Невскому и другим благоверным князьям.

27 На эту тему подробнее см. статью Д. Асемоглу. Он исследует проблему «гибнущих государств», в частности тех, где власть осознанно проводит неэффективную экономическую политику, потому что ее единственная цель — ограбление общества: Acemoglu D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics // Journal of Comparative Economics 31 (2003), p. 620–652 http://economics.mit.edu/files/4461.

28 Согласно опросу, проведенному в августе 2012 г., уже тогда, до крупномасштабного конфликта с Западом, на подъеме протестного движения 42 % россиян заявляли, что Россия для того, чтобы быть успешной, должна стать закрытой страной. Довольно хорошие стартовые условия для курса на закрытое корпоративное государство (http://news.mail.ru/society/10065563/?frommail=1).

Для достижения данной цели власть применила следующую комбинацию:

- организовала кампании по стравливанию руководства РПЦ и части верующих с либеральной общественностью, которая по своей недальновидности позволила использовать себя в этой провокации;
- затем власть, фактически, предложила руководству Церкви помощь государства, использование ресурсов авторитарной власти для борьбы с оппонентами Церкви;
- в ходе кампании по якобы защите Церкви власть активизировала, мобилизовала наиболее реакционную, антилиберальную, националистическую, агрессивно настроенную часть верующих, то есть повторила опыт «Черной сотни».

Таким образом, достигнуто встраивание РПЦ в систему корпоративного государства. Ее функции в этом государстве:

- заведомое одобрение и освящение политического курса власти;
- инициирование законов и отдельных мероприятий по «завинчиванию гаек», когда инициатива исходит, якобы, от «народа»;
- участие в борьбе с инакомыслием (при этом отдельные, немассовые, эпизодические проявления радикального атеизма используются как повод для широкой кампании по дискредитации интеллигенции и либеральной оппозиции);
- использование авантюристических заявлений некоторых иерархов РПЦ для нагнетания в обществе изоляционистских и милитаристских настроений; это дает власти поддержку реакционных кругов и одновременно запугивает инакомыслящих.

К сожалению, пока создается впечатление, что высшие иерархи РПЦ соглашаются на союз с властью, возможно, рассчитывая таким способом получить более широкие возможности влияния на жизнь в стране.

В действительности, это ловушка, возвращающая Церковь даже не к синодально-имперской, а к советской модели взаимоотношений с государством[viii]. Советская система — это антицерковная

пропаганда, гонения на Церковь в лице многих ее активных деятелей (и священников, и мирян), антирелигиозный террор, но не отделение Церкви от государства. Тоталитарное государство не могло позволить существовать внутри себя институту, себе неподконтрольному. Поэтому оно Церковь рьяно и жестко контролировало, вписывало в госсистему и пыталось использовать в своих целях, когда это было выгодно.

В отличие от русской монархии, для которой православие было действительно одной из глубинных основ, постсоветское государство, так же как и советское, относится к религии как к инструменту. В основе этого отношения не русская традиция, а старый европейский принцип территориальной и государственной церковности: «чья власть, того и религия».

Глобальный контекст и вид с периферии

После террористической атаки на США 11 сентября 2001 года важнейшим вопросом глобальной повестки дня стала война с терроризмом. Мир столкнулся с качественно новыми опасностями, открывающими перспективу уничтожения цивилизации (как мы ее понимаем сейчас, как ее понимали наши отцы и деды и еще несколько поколений вглубь) и в то же время не сконцентрированными в определенном месте, определенном политическом режиме.

За 13 лет, прошедшие с момента атаки на Нью-Йорк и Вашингтон, международное сообщество нисколько не продвинулось в поисках решения этой ясной, казалось бы, задачи. Ставка делается на военную мощь и силу, а это методы, в лучшем случае, XX века, когда сила государства или союза государств измерялась сначала количеством танков или размером ядерного арсенала. Анекдотичный ответ более чем 10-летней давности об обстреле «комариных гнезд» с авианосцев до сих пор остается рабочей гипотезой США и Запада в целом.

> В мае 2002 г. Г. Явлинский в статье, посвященной взаимовыгодному сотрудничеству России, ЕС и США писал:
>
> «Несомненно, США — самая сильная во всех отношениях страна мира, единственная сверхдержава, обладатель действительно впечатляющей оборонной мощи, связываться с которой в традиционном военном смысле вряд ли кто-то станет. Но вооруженные

> силы США, как, кстати, и СССР, были ориентированы на войну определенного типа, предназначались для защиты, условно говоря, от крупных и очень крупных зверей — медведей, львов, тигров, крокодилов и носорогов. События 11 сентября показали, что современные проблемы безопасности связаны не с крупными хищниками, а со смертельно ядовитыми комарами. Из-за инерции мышления понять, что это качественно новая ситуация, довольно трудно. Один из американских стратегов, согласившись с этой «комариной» аналогией, сказал мне: «Мы будем уничтожать их гнезда». Он не знает, что у комаров нет гнезда — они живут и плодятся на болоте, и единственный способ борьбы с ними - болото осушить. Борьба с сегодняшней террористической угрозой отличается от военной науки прошлого века так же, как ирригация отличается от охоты на медведя или льва»[29].

Адекватным угрозе такой ответ не является, более того, нежелание выходить за пределы привычных схем только вредит делу. Анализ военных и не только военных, но и дипломатических действий США и НАТО на Ближнем Востоке (включая страны Магриба) за последние 10—15 лет показывает, что Западу всякий раз не удается достичь желаемого изменения политической ситуации.

На месте свергнутых авторитарных режимов образуется вакуум власти. Целые народы лишаются государственности, потому что на месте государств возникают просто территории, пространство, которое, с европейской точки зрения, представляет собой хаос.

Только для таких союзников США, как Саудовская Аравия и Катар, — это не хаос. Для них это привычная картина столетней и двухсотлетней давности и т.д.: сложная структура клановых, конфессиональных взаимоотношений, где большую роль играют радикальные религиозные течения.

Для Запада это означает возврат к ситуации, когда их контрагентами являются не парламенты, не партии, и даже не «привычные» авторитарные режимы, а социально-политические структуры позапрошлого века, общаться с которыми на Западе давно уже никто не умеет.

Здесь надо понимать, что речь идет не об интеллектуальной отсталости одних стран от других. Арабские элиты благодаря

29 Явлинский Г.А. Дверь в Европу находится в Вашингтоне... Общая газета, 16.05.2002.

баснословным нефтяным доходам успешно приобщились к внешней стороне Западной цивилизации (свободное владение языками, университетские дипломы, финансовая деятельность на западных рынках, покупка недвижимости и крупных компаний), но представления, философия и правила жизни подавляющего большинства из них основываются на господстве интересов, а не ценностей.

США со всей своей военной мощью потеряли инициативу, стали ведомыми и попадают в контекст принципиально иного политического мышления, для которого не только XXI век, но и XX век со всем тем, чем он был для привычного нам мира (две мировые войны, холокост, применение ядерного оружия, переосмысление отношения к человеческой жизни), не существует.

Зато люди с таким мышлением свободно ориентируются в архаичных социальных структурах, возникающих на месте уничтоженных государств.

• • •

Такие результаты не только означают моральное поражение США и НАТО (в конце концов, современные западные СМИ умеют представить поражение как успех, и общественное мнение поддается такой манипуляции). Но эти результаты опасны для Запада (и всего цивилизованного мира) с точки зрения обеспечения безопасности.

Сегодня сила и даже владение ядерным арсеналом не являются универсальной защитой. Вообще, судя по событиям последних лет, ядерное оружие из средства сдерживания в отношениях между большими странами (которые больше заинтересованы в существовании друг друга, чем во взаимном уничтожении) превратилось в средство шантажа мирового сообщества со стороны одиозных режимов. КНДР шантажирует мир напрямую, Иран — постоянно существующими планами овладения ядерным оружием, Каддафи в свое время за отказ от подобных планов выторговал безнаказанность за поддержку терроризма в прошлом.

Опыт показывает, что современные армии оказываются беспомощными, когда сталкиваются с внегосударственными органи-

зациями и неконвенциональными методами ведения военных действий. А главное — с идеологией религиозного фанатизма, когда противник считает смерть в борьбе с врагом предпочтительнее собственной жизни и абсолютно отвергает моральные нормы современной цивилизации.

Кто мог представить, что сильнейший террористический удар по США будет нанесен с помощью обычных гражданских самолетов? До 2001 года террористы использовали захват самолетов с целью шантажа, но не как оружие.

Мог ли представить СССР, что его огромная армия и арсеналы оружия массового уничтожения окажутся бесполезными в условиях афганской войны?

Могли ли представить США, что идея поддержания некоего равновесия (статус-кво) во Вьетнаме с помощью ограниченного военного контингента окажется несостоятельной в условиях партизанской войны?

Мог ли представить Израиль, что после побед над численно превосходящими и хорошо вооруженными государственными армиями он окажется в затруднении против террористических организаций, в арсенале которых были всего лишь переносные ракетные установки, мотоциклы и обычная сотовая связь?

В таких условиях попадание оружия массового уничтожения или массового поражения в руки исламского государства и ему подобных создает угрозу, перед которой бессильны самые современные виды вооружений, бессилен спецназ, бессильны ПРО и космические войска. Террористам даже не нужно проникать на территорию западных стран: взрыв или использование бактериологического оружия могут быть произведены в любой точке планеты и могут нанести США и Европе огромный ущерб.

◆ ◆ ◆

Возникает вопрос, почему США и их европейские союзники допустили такую опасную ситуацию, несмотря на успехи отдельно взятых военных операций и несмотря на весь свой дипломатический опыт?

Фундаментальная причина неспособности мирового сообщества решать все обостряющиеся глобальные проблемы — низкое

качество мировой политики, отсутствие общих ценностей и принципов, «реалполитик» и политический постмодернизм.

Достаточно посмотреть, какие аргументы и формулировки использовали американские политики при обсуждении вопроса об интервенции в Сирии, чтобы убедиться: уровень осмысления тех или иных действий абсолютно не соответствует масштабу и сложности реальных проблем. «Президент Обама должен отреагировать на применение химического оружия, чтобы не потерять положительный имидж»; «Необходимо наказать диктатора, чтобы другим было неповадно»; «Америка должна подтвердить свое лидерство».

Возможно, это внутриполитическая риторика и тактика. Но проблема в том, что за этим не просматривается стратегия: отсутствуют как убедительные цели, так и внятные планы по их достижению. Без серьезной долгосрочной стратегии, руководствуясь только пропагандистскими мотивами, невозможно добиться желаемого результата, и военные операции США последних десятилетий снова и снова свидетельствуют об этом.

К числу практических вопросов, не имеющих ответов вследствие отсутствия современной, адекватной XXI веку стратегии, можно отнести, например:

- где проходит грань для того или иного режима, после которой военные санкции допустимы и оправданы;
- допустимо ли в какой-либо ситуации оказывать поддержку силам, в состав которых входят организации типа Аль-Каиды, т.е. предпринимать действия, которые (наряду с другими последствиями) объективно ведут к усилению таких организаций.

Подчеркнем, что кризис политического мышления не ограничивается одними Соединенными Штатами. Нет такой страны, которая могла бы выступить в роли ментора. Нет и единого международного сообщества, вопреки воле которого действуют США. Сегодняшний кризис ООН закономерен: главным стало слово «организация» — международный бюрократический институт. Однако когда он зарождался, ключевыми словами были «объединенные нации». Объединенные не в силовую коалицию. Для того чтобы одержать военную победу над фашистской «осью», не нужно было такого количества союзников. Целью

объединения наций было показать, что мир против фашизма, мир отвергает фашизм, у мира другой путь развития. Сейчас такого единства нет.

◆ ◆ ◆

Между тем, регресс — это тоже глобальная политическая стратегия, которая сегодня предлагается человечеству. Ее реализацию можно видеть по фактическим результатам: разрушение государственности на огромных территориях, «отсечение» этих территорий от современной цивилизации, фактическая передача их под контроль особых внегосударственных структур.

Возможно, именно это является современной доктриной для лидеров таких стран, как Саудовская Аравия и Катар. Им выгоден подобный откат назад, потому что прогресс цивилизации неизбежно приведет к их ослаблению и падению. В прогрессивно меняющемся мире им нет места. Зато откат назад, к картине мира, свойственной прошлым векам, создает привычную для них среду, в которой они легко ориентируются и получают преимущество.

Так, сильнейшие в военном от ношении страны становятся в политическом смысле заложниками и ведомыми партнерами — потому, что стратегическая доктрина «возврата» есть, а доктрины «движения вперед» нет.

Сейчас уже фактом стало создание экстремистского халифата на территории Сирии и Ирака, еще одно потенциально опасное направление деятельности международного терроризма и стран, поощряющих его, — африканские страны, находящиеся южнее Магриба (Мавритания, Мали, Кения). Их государственные структуры настолько непрочны, что превратить их в территории хаоса очень легко, а воспроизвести государственность потом будет очень трудно. Очень сложна ситуация на Кавказе. Деструктивные силы прибегают здесь к своему испытанному приему — упрощению, позиционированию ситуации в черно-белых тонах, что легко усваивается западным общественным мнением. Упрощение выгодно также слабым политикам, которые надеются повысить свою популярность с помощью популизма.

Если у международного сообщества по-прежнему не будет современной стратегии, если на Западе не дадут о себе знать

соответствующие ситуации лидеры, то ведущие державы цивилизованного мира в этих регионах тоже окажутся младшими партнерами и следом за ними будут идти по пути регресса, искусственно воссоздавая политические реалии прошлых веков и становясь пленниками чуждой, архаичной политики.

Важный вопрос — как в таких условиях будут работать китайский и индийский факторы, значимость которых в будущем будет только расти? Что будет, если эти быстро развивающиеся страны с растущим населением вместо международного сообщества, представляющего ориентиры, правила, ценности нынешней цивилизации, окажутся перед пустотой или «регрессом» как единственной цельной глобальной политической стратегией? Какие концепции миропорядка и интересов в этом миропорядке поднимутся из глубинных пластов или будут скроены из вытащенных из разных эпох обломков — трудно даже предположить.

• • •

Российский провинциальный авторитаризм смотрит на глобальные угрозы сквозь призму охранительства. Для него ключевой вопрос — не поиск путей их преодоления, а собственное выживание.

Набор мыслей, лежащих в основе сегодняшней внешней политики, давно циркулирует во властном сознании:

- Россия должна быть «суверенной» — т.е. существовать, как ей вздумается, «независимой» от чего бы то ни было.
- «Кругом враги» — в конечном счете, все против России: завидуют, хотят обмануть и поживиться... а лучше уничтожить. Мы этого сделать не дадим. Любой ценой не дадим.
- Демократия, европейство, ценности, права человека — не более чем технология, адекватная постиндустриальному миру оболочка, в которую обернута борьба за ресурсы и мировое господство.

Судя по действиям, таким как упорная защита режима Асада в Сирии[ix], за 13 лет, прошедшие со времени атаки на Нью-Йорк и Вашингтон, Россия проделала значительный путь вспять —

от понимания необходимости совместной борьбы с террористической угрозой до нивелирования разницы между потенциальными противниками и союзниками, их параноидального объединения в единую внешнюю силу, главное свойство которой — стремление лишить российский режим власти.

Вероятно, роль катализатора этого сдвига сыграла «арабская весна». Россия видит в американских союзниках — Саудовской Аравии и Катаре прямую угрозу в виде исламского радикализма, а в Турции и того больше — непосредственного геополитического противника. Россия держалась и держится за Башара Асада, т.к. в падении сирийского режима видит безусловный успех своих соперников, который согласно логике «игры с нулевой суммой» означает безусловное поражение России. К тому же, Сирия — это последняя страна в регионе, куда могут хотя бы заходить российские военные корабли.

Кроме того, российское руководство исходит из того, что идет всемирный процесс нового «великого переселения народов» — исламизация Европы на фоне религиозной радикализации самого исламского мира.

Следовательно, по распространенному в элитах мнению, России придется поддерживать обороноспособность и против НАТО, и против исламистов.

Отсюда антизападничество, восстановление стереотипов «холодной» войны и восприятие отношений с Западом (прежде всего — с США) как «игры с нулевой суммой».

Регресс во внешнеполитическом мышлении идеально сочетается с внутриполитической «ретирадой» — здесь вообще трудно определить, что первично — резкий рост недоверия к Западу в условиях быстро меняющегося мира или обусловленная внутренними факторами нужда в поиске внешнего врага. Впрочем, ответ на этот вопрос неважен — в нем не больше смысла, чем в споре о том, что появилось раньше — курица или яйцо. Важно то, с чем нам приходится иметь дело в результате, а это:

- вывод вкладов и инвестиций с Запада, чтобы сохранить вклады элиты от замораживания и не допустить, чтобы кто-то на Западе мог давить на российских чиновников угрозой отнять у них деньги;
- поиск «пятой колонны» внутри страны;

- стремление к географическому расширению зоны влияния, создание альянса марионеточных режимов вокруг России, создание своего рода «пояса безопасности» или «санитарного кордона» (ОДКБ, Евразийский Союз);
- поиск геостратегического союза с Индией и Китаем (ШОС);
- поддержка правящих режимов Сирии и Ирана, против которых, с точки зрения Российского руководства, также действует альянс США и исламских радикалов-суннитов;
- приемлемость и даже предпочтительность силового способа решения проблем и поиск военных побед как доказательства собственной состоятельности;
- готовность к большому столкновению с Западом и самонастраивание на неизбежность такого столкновения.

Эта готовность стала одной из ключевых предпосылок трагедии, происходящей на востоке Украины. При этом очень важно понимать, что кризисная ситуация, развернувшаяся вокруг Украины, только одно из направлений, грозящих реальной войной.

По-прежнему потенциально опасным с этой точки зрения остается Кавказ, где логика эскалации может быть следующей: после Сирии Турция (вдохновленная идеей Неоосманской империи), исламисты и их американские союзники нацелятся на Кавказ[30], к турецко-американскому альянсу присоединятся Азербайджан и Грузия; Аджария будет превращена в новую базу исламистов для атак на Осетию, Абхазию, Армению. ОКБД во главе с Россией должна рано или поздно вступить в войну.

Впрочем, дело уже не только в географической или геополитической специфике. Главным военноопасным направлением становится само состояние российского общества и государства. В сегодняшнем информационном и ментальном поле России уровень готовности к войне, желания войны, требования войны самый высокий за последние 70 лет[31].

30 См. Эксперты оценили угрозу перенесения нестабильности с Ближнего Востока на Кавказ // http://www.iarex.ru/news/28575.html; Фридрихсон Н. Россия vs Турция. Поле битвы: Южный Кавказ // http://echo.msk.ru/blog/mabba/955704-echo/.

31 В нашей стране именно после Великой Отечественной войны с десятками миллионов до сих пор толком не подсчитанных и не похороненных жертв сформировалась логика «лишь бы не было войны». Это логика совсем не слабости. Это логика победителей, хорошо понимающих цену победы. Она совсем не значит, что не надо защищаться от реальной опасности. Она о том, что война — это трагедия при любом итоге, в любом случае, и не надо ее себе придумывать. Это такая глубокая народная мудрость. Теперь, к сожалению, многими забытая.

Причины сложившегося положения (где их искать)

Поскольку новый российский курс уже приводит к расколу и столкновениям в обществе, то строго говоря, можно уже сейчас поставить вопрос так: при какой степени отчуждения власти от остальных граждан и при какой степени разобщения общества государство де-факто перестает существовать и превращается во что-то другое?

В мире есть страны, где правительства настолько слабы, что государственности там, по сути, нет. В большинстве своем это страны, охваченные войнами (Афганистан, Сомали, Ливия, Ливан...). Если Россия и впрямь пойдет по пути, который мы обсуждаем, то будет создан прецедент окончательного развала и исчезновения государственности при номинальном отсутствии гражданской войны в пределах российских границ.

◆ ◆ ◆

Особого рода проблема заключается в том, что и курс власти, и комплекс его опор непосредственно связаны с распространенными, пожалуй даже стереотипными представлениями о национальной ментальности и характере русского (российского) народа.

О «плохом» народе активно заговорили, когда стало понятно, что «олигархическая» демократия 90-х всерьез и надолго сменяется откровенным авторитаризмом, что реформы провалились.

Неудивительно, что первыми о «качестве» народа как источнике проблем заговорили те, кто в 90-е был у власти.

Ключевой тезис — большая часть населения оказалась неготовой к реформам, которые были проведены так, как были проведены, потому что иного выбора не было.

В качестве альтернативы рисуются апокалипсические картины массового голода, гражданской войны, распада страны[32].

В последние годы, по мере нарастания ощущения неудовлетворенности результатами постсоветского функционирования российского общества и государства, все большую популярность приобретают представления об исторически сложившейся (уходящей корнями далеко за советский период), специфической ментальности большинства населения как о корне всех проблем.

На первый план выходит историческая предопределенность: нависающая над страной мрачная многовековая традиция самовластия и жестокости, в свете которой тоталитаризм или авторитаризм, антиевропейскость выглядят органичными для России, глубоко укоренными в ее истории и культуре, а любые попытки рационализации, демократизации, гуманизации — обреченными на непонимание.

Антимодернизационным оказывается всё — вера, наследственность, культура, литература. К этому направлению относится публицистика Ю. Афанасьева[33], культурологические работы И. Яковенко[34].

С популяризацией подобных тезисов выступает кинорежиссер и писатель Андрей Кончаловский[35], который основывает свои построения на концепции «крестьянского сознания» Мариано Грандоны[36].

Общее для всех — уверенность в том, что просвещенное и стремящееся к модернизации меньшинство вынуждено иметь дело с инертной массой, в которой вязнут любые попытки движения вперед.

---

32 См., например: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006; Колесников А. Анатолий Чубайс. Биография. М.: АСТ.; Колесников А. Неизвестный Чубайс. М.: Захаров, 2003.

33 См., например: Афанасьев Ю. Мы не рабы? Исторический бег на месте: «особый путь» России? // Новая газета, 05.12.2008.

34 Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-традиция, 2006; Яковенко И. Г. Политичекая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни России. М.: Новый хронограф, 2009.

35 См. Кончаловский А. Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс // http://www.polit.ru/analytics/2010/07/12/mentality.html.

36 См. Grondona M. Values and Development, Harvard University, Source Book, 1988; Toward a Theory of Development, Harvard University, Author's Workshop, 1990.

Формально противоположная концепция строится вокруг тезиса об «особом пути» России, «особом народе», для которого непригодны западная модель демократии, современное европейское представление о гражданских свободах и правах человека[37]. Подчеркнем, что здесь мы говорим не о многочисленных ура-патриотических сочинениях, не имеющих ничего общего с наукой, а о работах, претендующих на историческое, социологическое, философское обоснование этого тезиса.

> Например, заявленная цель работы Натальи Нарочницкой — доказательство того, что «Россия не есть неудачник универсальной (западной) истории, а мощная альтернатива ей, причем совсем не обреченная...»[38]. При этом методология современной исторической науки и исторической социологии объявляется, фактически, неподходящей для православной России, об успехах и неудачах которой, по мнению Н. Нарочницкой, невозможно говорить с позиций «критериев и понятийного аппарата современной социологии и знакомой философской парадигмы исторического материализма»[39].

Реальная разница между этими подходами только в знаке. По сути, речь об одном и том же — противопоставлении национальной традиции (культуры, ментальности, и т.д.) и реформ, направленных на создание в России современного государства в европейском его понимании.

При этом, как правило, за рамками обсуждения оказывается сам характер реформ, предлагаемых обществу. В результате, например, недооценивается как деструктивное влияние на постсоветское общество и общественное сознание политики несостоятельных реформаторов, так и модернизационный потенциал самого общества. Открытым остается принципиальный вопрос — что оно, собственно, «не выдерживает» и отторгает общество — абсолютно чуждое ему направление движения, сопровождавшийся трудностями процесс трансформации, сходный с тем, который шел в странах Восточной Европы, или специфический социальный эксперимент.

---

37 См., например, Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003, Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб: Издательство С-Петербургского университета, 1999; Зюганов Г.А. О русских и России. М.: Молодая гвардия, 2004; к тому же направлению относится публицистический фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок», транслировавшийся российским государственным телевидением в 2008 г., его сценарий с авторскими комментариями был издан книгой: Архимандрит Тихон (Шевкунов) Гибель империи. Византийский урок. Издательство Сретенского монастыря, 2008.

38 Нарочницкая Н.А. Указ. соч. С. 85.

39 Нарочницкая Н.А. Указ. соч. С. 88.

На наш взгляд, вопрос о реформах, модернизации и национальном сознании крайне важен. Мы убеждены, что ломка, разрушение, «размывание» — крайне опасный путь, полагаться на который практически невозможно. Задача современной политики в приложении к истории и национальному сознанию — искать опорные точки — не фантомы и мифы, а реальные точки роста — те элементы, тенденции, модели поведения, на которые можно опираться и которые надо развивать для того, чтобы создать в России современное государство.

Концепции, исходящие из глубокой социально-культурной отсталости России (или такого «превосходства», которое с точки зрения ответа на вызовы времени ничем не отличается от отсталости), никак не прекращающейся «цикличности» отечественной истории, мечущейся от «оттепели» к новым заморозкам и неспособной «выскочить» из уходящего в «дурную бесконечность» кружения, лишают общество воли. Хотят этого или нет их авторы, они внушают гражданам, что у страны в ее культурно-исторической целостности нет перспективы, что она навечно «в хвосте».

Это удобно части общества, которая хочет чувствовать себя «европеизированной», «продвинутой», «креативной», но не желает брать на себя ответственность за развитие страны. Для этой части «кондовая» русская традиция, в которой погрязла серая масса большинства соотечественников — хорошее самооправдание бездействия, нежелания учиться на своих и чужих ошибках и, самое главное, нежелания самим избавляться от черт, приписываемых «массе».

Для тех, кто свою ответственность за страну осознает и действительно хочет изменить ситуацию, естественно желание не сладко заснуть под монотонное бормотание о «русских циклах», но понимать свой народ и свою страну и не ставить перед ним дилемму «откажись от своего «культурного кода» или останься на обочине истории. Если бы даже дело и вправду обстояло так плохо, как говорят, то, продолжая заниматься политикой в России, надо бы было, понимая всю беспрецедентную сложность работы, искать точки опоры, «вытягивать» их из национальной традиции. Но ведь на самом-то деле в российской истории и ментальности есть крепкие опоры для настоящей модернизации. Об этом — следующая глава.

Примечания к 1-й главе

i Декоррумпирование

Когда произойдет смена политической системы и коррупция перестанет быть ее имманентной частью, уровень коррупции, конечно, снизится. Тем не менее очевидно потребуется специальная программа и период «декоррумпирования» (по аналогии с германской денацификацией после Второй мировой войны), и это будет болезненным, поскольку коснется всех, включая политиков-победителей и их электорат.

ii Базовый принцип Путина: каким бы ни был выбор, он должен быть сделан им самостоятельно, без влияния извне. (На самом деле это не соответствует действительности, так не бывает.) Эта проблема — навязчивая идея Путина. И это — одна из причин его ссор с Западом.

Выбор в пользу европейской демократии исключается, так как это предполагает, что Запад берется за образец и выступает в роли учителя-экзаменатора. Для Путина это категорически неприемлемо. Кроме того, он рассматривает такое направление как путь к потере власти и возможным последствиям.

В условиях наступления Запада, с одной стороны, и исламизма, с другой, — в этих условиях объективными союзниками становятся такие страны, как Китай и, возможно, Индия.

Их политико-экономическое устройство негласно берется за образец, поскольку лучше всего отвечает идее «внутреннего выбора, без влияния извне, с опорой на традиционные национальные ценности».

Если эти рассуждения верны, то это означает, что система будет строиться на следующих принципах:

- сильная центральная президентская власть без системы сдержек и противовесов; однопартийность (как в Китае);
- демократия остается частью риторики, но понимается больше как консенсус под эгидой национального лидера, чем как соревнование программ (опыт Индии);
- кулуарное принятие решений о кадровых ротациях и преемниках (вариант Китая);
- формальные демократические институты и процедуры при сохранении общества традиционалистского, консервативного, патриархального с элементами клановости (опыт Индии);
- аутентичная культура с опорой на традиционные религии и с минимизацией иностранного влияния (опыт Индии);
- идеализация исторических эпох, когда в России была сильная государственная власть, сильная армия и социальная защита, даруемая государством. Включая идеализацию сталинизма и вообще СССР;

- частная собственность под жестким контролем государства (вариант Китай — Гонконг) плюс слияние государства и бизнеса, власти и собственности (российское ноу-хау);
- основа модернизации — государственные программы с централизованным распределением средств, а не свободная конкуренция западного типа;
- армия с новейшим оружием рассматривается как главная гарантия невмешательства извне, ликвидации террористических угроз и силового решения локальных конфликтов. Возможно использование армии в полицейских целях (китайский и советский опыт);
- церковь рассматривается как основа национальной культуры и надежный союзник президентской власти.

В целом, это означает, что пути России и Запада расходятся.

Европейский путь негласно считается несвойственным для нашего менталитета; его сторонники рассматриваются как дестабилизирующий элемент.

iii Инакомыслие и оппозиция

Наряду с тезисом «оппозиция — пятая колонна» власть постоянно повторяет, что у оппозиции нет позитивной программы и поэтому с ней не о чем разговаривать. Прежде всего, здесь опять происходит подмена понятий, когда под словом «оппозиция» понимается протестный электорат, инакомыслящие граждане. Обычный гражданин, избиратель вовсе не обязан составлять политические программы, это не его функция, он всего лишь заявляет о своем несогласии с проводимым курсом и требует, чтобы власть считалась с его мнением, его ценностями и убеждениями. Что же касается профессиональных политиков, то даже на последних президентских выборах партия власти утверждала, что в программу ее кандидата включены многие пункты из программы «ЯБЛОКА». На самом деле это не так, но важно, что здесь власть сама себе противоречит: если бы оппозиция ничего не предлагала, то о каких пунктах идет речь?

И все же самый важный вопрос — почему элита игнорирует протестный электорат. Как представляется, первая причина — ее неадекватное представление о собственном народе.

Власть схематично делит российское общество на три части: «рассерженные горожане» — зажиточные, требующие демократических реформ; протестная часть остального населения; лояльная часть остального населения. (См., например, заявление пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова в программе «Воскресный вечер» на канале Россия 1, 14.04.2013.)

Власть считает, что нестоличный протестный электорат — это, по сути, та же толпа, которая шла за большевиками — леваки, националисты, у которых нет никаких убеждений, кроме социальной зависти. Эту часть россиян нужно держать в узде, как и в советское время: подкармливать социальной поддержкой, но в основном управлять ими с помощью палки, т.к. другого языка наш народ не понимает. Демократическая столичная прослойка, по мнению власти, — это аналог кадетов и других правых партий 1917 г. То есть никакого влияния у них нет, они ни на что не способны. Но они могут раскачать лодку до такой степени, что толпа выйдет на улицу.

Эта картина лжива от начала до конца, хотя значительная часть элиты, судя по всему, сама же верит в собственную ложь. В действительности, противопоставление протестного электората столицы и глубинки насаждается искусственно, причем делается это очень давно, еще с советских времен. Столь же ложен тезис о левацко-националистическом настрое «большинства». Данный тезис используется для запугивания либеральной интеллигенции и укрепления внутри среднего класса мифа о безальтернативности существующей власти. Да, историко-психологический код большевизма, национализма, анархии существует, но существует наряду с совершенно противоположными, позитивными и созидательными установками. **Вопрос лишь в том, какие установки власть активирует, а какие старается держать в спящем состоянии.**

Истинная причина раскола в обществе связана с главным пороком политической системы: тем, что затруднен обмен сигналами между разными ее частями. Это объясняется отсутствием институтов гражданского общества, которые должны быть созданы снизу. Попытки заменить их структурами корпоративного государства, во-первых, не удаются из-за коррупции, а во-вторых, такие структуры, даже будучи созданы, могут передавать сигналы только сверху вниз.

Более того, обмен сигналами нарушен не только в паре «власть и народ», но и между разными уровнями элиты, а также между организаторами уличных митингов и протестным электоратом (из-за этого организаторы митингов неадекватно оценивают себя, считают себя некими лидерами некоей оппозиции).

Получая искаженные сигналы снизу, власть иногда недооценивает протестные настроения, — как в случае с рокировкой и последними думскими выборами, — а в других случаях начинает, наоборот, их переоценивать. Отсюда — несоразмерно жесткие законы и меры подавления, напоминающие стрельбу из пушек по воробьям.

Не следует забывать и об объективных экономических законах. Они проявляются, в частности, в том, что, борясь с инакомыслием и оппозицией, элита старается выбрать метод, который в рамках коррупционной системы кажется более экономичным.

Креативные, «мягкие» методы кажутся более затратными; они требуют участия слишком большого числа акторов, координаторов, и все эти акторы требуют вознаграждения за лояльность и участие в проектах. Кроме того, мягкие методы не приносят немедленного эффекта, а во время вспышек протестной активности власть требует быстрого результата.

Силовые методы проще, дают (на первый взгляд) быстрый результат и, якобы, не требуют платы за исполнение задания, поскольку работа осуществляется в рамках военно-полицейского приказа. Поэтому в последнее время выбор все чаще делается в пользу силовых методов.

На самом же деле силовики, спецслужбы в силу коррумпированности всей системы требуют плату за услуги и постепенно ее получают.

Первой формой вознаграждения становится еще большее участие высоких чинов силовых структур в крупном бизнесе, включая стратегические направления — интернет-бизнес, телекоммуникации.

Другая, менее очевидная форма — расширение полномочий по вмешательству в частную жизнь граждан, что дает возможность извлекать материальную выгоду из борьбы с инакомыслящими — выдача негласных разрешений на занятие политикой, шантаж («плати, а то посадим»). Постепенно круг жертв данного бизнеса может расширяться до рядовых оппозиционеров, случайных людей и даже людей, не участвующих ни в каких акциях.

Вероятно, побочным эффектом такой тенденции станет практика доносов.

В долгосрочной перспективе ставка на силовые методы может оказаться стратегической ошибкой, поскольку неизвестно, захотят ли спецслужбы, превратив борьбу с инакомыслием в коррупционный бизнес, эффективно выполнять задачи, которые перед ними ставит верховная власть.

Впрочем, это лишь один из вариантов развития событий.

Гораздо большая опасность — не только для элиты, но и для всей России — состоит в том, что система, где нарушен нормальный обмен информационными сигналами, очень уязвима. Опыт падения царской власти, да и советской власти показывает, что любое усложнение политической ситуации (война, неблагоприятная экономическая конъюнктура, гонка вооружений) может погубить систему. Точно так же начинает распадаться ослабленная нервная система организма, если вдруг увеличивается нагрузка на нее.

На примерах 1990—1991 гг. и 1917 г. можно видеть, как именно происходит подобный распад.

Во-первых, номенклатура среднего уровня не видит смысла угождать верховной власти при ее ослаблении и, стремясь сохранить свои позиции, встает на путь популизма. Во-вторых, региональные элиты пытаются спастись, отгораживаясь от Центра и друг от друга, используя для этого регионализм и национализм.

Когда это происходит, лишь маленького толчка — такого как нехватка продуктов в Петрограде в начале 1917 года или авантюра ГКЧП в августе 1991 года — достаточно для мгновенного паралича государства. До сих пор оказывалось, что к такому повороту событий готовы только самые деструктивные силы, которые и извлекали выгоду из всеобщего коллапса.

iv Корпоративное государство и коррумпированная экономика

Важно понимать логику движения к корпоративному государству в условиях экономики, стержнем которой является коррупция. Побуждая силовые структуры нарушать закон, суд выносить несправедливые приговоры, парламент принимать аморальные законы, — власть вынуждена платить исполнителям за эти услуги. В одном случае плата производится в форме ненаказания (закрытия глаз) на то, как исполнитель занимается распилами, откатами, крышеванием, вымогательством. За более существенные услуги требуется более существенная плата, — например, издание законов, открывающих новое поле для коррупции. Чаще всего такие законы одновременно служат подавлению инакомыслия и созданию кормушки для тех, кто непосредственно осуществляет это подавление. Пример — законы об НКО, о расширительном толковании понятия государственной измены. На очереди законопроекты, запрещающие критику органов власти. Таким образом, механизмы коррупции одновременно являются механизмами ужесточения режима.

Но есть и оборотная сторона. Рано или поздно «премиальные ресурсы» власти заканчиваются. Именно поэтому корпоративное государство (как и любая другая подобная модель) остается недостроенным, слабым. И именно поэтому мы можем констатировать парадоксальную вещь: при сверхкоррумпированной экономике нельзя довести до конца ни один проект вообще. Даже политическая система, которая является максимально благоприятной для коррупции, — система, так упорно, в течение многих лет создаваемая элитой, похожа на дом, достроить который не хватает сил и средств.

v О русском политическом постмодернизме

Что мы понимаем под политическим постмодернизмом

Если понимать под словом «абсурд» нерациональные решения или, наоборот, решения, вполне рациональные, но основанные на бесчеловечной идеологии, — то такой абсурд в политике существовал всегда. Наш век породил принципиально новый вид существования абсурда — постмодернизм. Политический постмодернизм основывается на идее, будто в современном развитии вообще нет и не может быть понятий нормы, логичности, последовательности.

На любую критику постмодернист ответит: а кто сказал, что является нормой? А кто определяет, что логично и что последовательно? Все это лишь дело вкуса, эгоизм.

Получается, раз не существует нормы, то не существует и ненормальности. Раз нет морали, то нет аморальности.

Не надо обманывать себя: политики-постмодернисты вовсе не идиоты. Они понимают, что постмодернизм — мощнейшее психологическое оружие, изощренный способ манипуляции сознанием. Потому что, во-первых, при помощи такой идеологии можно принять любое решение, любой закон; во-вторых, с помощью постмодернизма можно создать полнейшую идеологическую кашу, несуразную мешанину и создать видимость, будто такому курсу нет альтернативы.

Простая аналогия: предположим, повар приготовил несуразное блюдо, в котором одновременно и сладкое, и горькое, и соленое, и острое, и приторное, и холодное, и горячее... Съесть это невозможно. Но попробуйте-ка предложить альтернативу: сделать его слаще? Или сделать более острым? Разогреть или охладить? Непонятно. Раз не можете предложить альтернативу, тогда ешьте то, что приготовлено.

Постмодернистская политическая кухня работает именно по такому принципу, навязывая обществу вывод: у существующей власти есть недостатки, но ведь альтернативы нет. А сегодняшние лидеры «хоть что-то делают для страны». Значит, они незаменимы. Кстати, сначала такой подход был опробован на региональном уровне, его самое типичное проявление — система власти в Москве; очень похожие вариации мы видели в некоторых национальных республиках, в Краснодарском крае.

Привыкание к абсурду как основа для нового тоталитаризма

Постепенно идея безальтернативности стала охватывать другие сферы, например, политическую символику. Предложение вернуться к коммунисти-

ческому гимну в некоммунистических условиях, заменив текст, — для здравомыслящего человека это неприятная бессмыслица. Но делается вид, что ничего, другого, лучшего никто не предлагает, — значит, решение единственно верное. В последнее время символом абсурда стала серия законов, принятых Госдумой — от закона об НКО до так называемого «Закона Димы Яковлева».

Первая реакция большинства людей на подобные решения легко предсказуема: глупые исполнители доходят до идиотизма в своем желании выслужиться перед хозяином; скорее всего, это единичный случай, и в дальнейшем таких крайностей не будет.

Вторая стадия. Власть говорит: но ведь нужно же бороться с безнравственностью, вы сами об этом просили; у вас есть альтернативные предложения, как с ней бороться? Если нет, значит, никакой глупости и никакого абсурда здесь нет.

Третья стадия — общество привыкает, что глупые решения, жестокие решения вполне допустимы и поскольку «нет альтернативы», то абсурд в дальнейшем будет, и он не является абсурдом.

Таким образом, происходит снижение «порога чувствительности». Почва для тоталитаризма создана.

Вопрос о выполнимости тоталитарного проекта

Очевидно, что декларирование ценностей, которые, по замыслу, должны привлечь реакционеров и консервативное большинство, не будет сопровождаться реальным решением проблем. И сейчас некоторым кажется, что, поскольку проблемы не будут решены, власть быстро лишится той социальной базы, которую сейчас завоевывает.

Но думать так — большая ошибка. Ведь уже сегодня в России есть регионы, где партия власти всегда получает почти 100 % голосов; где оппозиции не существует, а любая критика местной власти смертельно опасна. При этом многие жители этих регионов субъективно ощущают себя благополучными. И для этого не потребовалось ни отключать Интернет, ни наглухо закрывать границы. На самом деле, современный тоталитарный проект в значительной мере может быть реализован, если последовательно проводить линию «альтернативы нет, поэтому абсурд не является абсурдом».

> Чтобы лучше понять российский политический постмодернизм воспользуемся простым примером — телевизионный разговор Путина с гражданами **25 апреля 2013 г.**:
>
> Весь эфир — иллюстрация к теме о постмодернизме в сегодняшней политике — о той части, где говорится о страхах современного общества в понимании власти и ее же рецептах борьбы со страхами. Путин всех успокаивает, демонстрирует, что защитит и от Кудрина, грозящего урезать зарплаты, и от Чубайса, и от экономического кризиса, и от американского империализма. Плюс набор позитивных образов (герои, задающие вопросы) из новостей первого и второго каналов, славное боевое прошлое страны, новая сцена Мариинки, будущая Олимпиада.

При похожем на прежние эфиры формате качественно изменилась суть. Это больше не общение со страной (пусть даже и управляемое, с заранее проинструктированными участниками), а портрет руководителя на фоне страны, представленной на этот раз не социальными типажами (молодой учитель, врач, пенсионер), а людьми, более индивидуализированными (не просто фельдшер, а та самая, которая героически шла через снег к больному и которую показывали по первому и второму каналам, не просто пенсионерка, озабоченная размером оплаты ЖКХ, а та самая, которая организовала ТСЖ, не просто мама, а та самая, с большим количеством приемных детей и т. д. плюс безусловно известные всей стране и таким образом персонализированные люди — Антонова, Пиотровский, Эйфман, Авербух).

Помимо того, что таким образом на страну транслируются позитивные образы, этим людям Путину легче помочь, чем целой социальной группе — детям из многодетной семьи дать детскую площадку, Эйфману — театр, бабушке-активистке устроить встречу с мэром. И раньше в путинских эфирах был этот элемент — помощь конкретному человеку (то елку подарит, то газ проведет), теперь эта условная елка мультиплицирована.

Второй тип задающих вопросы — достаточно известные журналисты, которые были доверенными лицами Путина — Баранец, Проханов, Леонтьев, журналист из Перми, который спрашивал про Чубайса. У всех ярко выраженная функция — транслировать мобилизационно-патерналистскую точку зрения и требовать к ответу представителей хозяйственной и административной элиты. У Путина роль мудрого правителя, который и непорядка бывшего раньше не допустит (это он инициировал расследование в Минобороны и отставил Сердюкова), и справедливому гневу лишнего натворить не даст. Однако и либералы 90-х, и нынешние должны помнить, что, если не Путин, Чубайса, пригревшего у себя агентов ЦРУ и позволившего им обогащаться,— просто разорвут.

Это то общество, которое хочет видеть Путин, с которым хочет разговаривать.

Красной нитью через весь эфир проведена мысль о том, что представители так называемой «либеральной элиты» и «либеральной оппозиции» ответственны за низкий уровень зарплат и прорехи в социальной сфере. Это Кудрин и Болотная требуют не повышать зарплаты, оптимизировать расходы и т.д. Возможно, Путин даже уступит их требованиям и позволит провести в жизнь некоторые непопулярные меры в обмен на обещания резко повысить эффективность экономики, но если что не так — вся ответственность на них.

Что касается Кудрина, особо надо отметить, что он принял участие в этом спектакле, четко выполнил отведенную роль и, фактически, сформулировал тезис, что решение таких проблем как избавление экономики от нефтегазовой зависимости означает сокращение социальных обязательств, в частности, прекращение роста зарплат и пенсий. И это сразу после того, как предыдущий спикер, фельдшер, жаловалась на мизерную зарплату.

Можно также отметить его позицию: пойду в исполнительную власть только ради реализации серьезной программы. Не ново, правда, в отличие

от «ЯБЛОКА», которое такую позицию сформулировало в 90-е, он зачем-то 10 лет сидел на должности министра финансов, следуя совсем другим принципам, и политическую силу для реальной борьбы за власть формировать не собирается. Остается консультантом и ждет, пока позовут, а пока участвует в таких вот спектаклях.

Позовут ли его в премьеры? Вопрос, который путинский эфир скорее оставил открытым. О действующем правительстве Путин ничего особенно хорошего не сказал, «работают меньше года» — это нельзя назвать позитивной оценкой. Кроме того, когда Путин в ответ на вопрос о коррупции в Минобороны говорит, что как только стал Главнокомандующим, сразу начал это дело, неизбежно возникает мысль о том, что прежний Главком коррупцию покрывал. Замечание Путина о том, что при прежнем не было еще доклада Счетной палаты, здесь ничего не меняет.

Во внешнеполитической позиции — антиамериканизм, критика американского империализма, хотя на почве бостонских терактов мог бы заявить тему совместной борьбы с терроризмом.

Общий вывод о том, что он делает: он понимает проблему пазлового характера страны, о которой говорилось в «Лжи и легитимности», но вместо того, чтобы менять характер государства, считает необходимым укреплять пазл, вставлять в него новые фрагменты (вроде памяти о Первой мировой войне и наименования пары полков Преображенским и Измайловским) и проклеивать чем-то вроде нового учебника истории и школьной формы. Сама по себе раздробленность его устраивает. В ходе эфира была сознательно подчеркнута разница между «либералами» и «бюджетниками», московская и питерская интеллигенция в лице Антоновой и Пиотровского поспорила за ценные картины. Путин этим собирается пользоваться, взяв на себя роль мастера-мозаичиста, без чутких рук которого пазл рассыплется. А если пазл все-таки норовит рассыпаться, то виноваты неформатные элементы и агрессивное внешнее воздействие. Неформатные элементы, не вписывающиеся в пазл, надо вывести за его пределы (не считать обществом), а от агрессивного внешнего воздействия покрыть защитной пленкой (антимагнитский закон, иностранные агенты, запрет зарубежных счетов). Вот тогда Россия получится ровная, красивая, блестящая и спокойная.

vi Этика в постсоветском обществе

В 90-е годы, в силу особенностей проводимых крайне неудачных реформ и вызванной этим специфики политической и экономической ситуации, наложившейся на худшие черты большевистской и позднесоветской массовой идеологии, в России сложилось общество полукриминального типа. Большая часть общества, возможно, и не имела прямого отношения к преступному миру, но восприняла многие свойственные ему черты.

Первое. Неуважение к закону. Логика проста: законы придумываются в угоду сиюминутным эгоистическим интересам правящей группы и ее приближенных, а кроме того, не исполняются, а если исполняются, то выборочно, неодинаково для всех.

Второе. С большей или меньшей степенью осознанности граждане в 90-е годы воспринимали само государство и его экономическую политику как мафию,

отнимающую у людей все, что можно отнять. Поэтому если государству так можно, то почему нам нельзя взять у него все, что удастся — например, не платить налоги?

Третье. Неуважение к частной собственности и острое ощущение социальной несправедливости как естественный результат шока от нечестной, нелегитимной приватизации, наложившийся на советское воспитание враждебности к богатым.

Четвертое. Презрительное отношение к демократическим процедурам, гражданским свободам, к СМИ — как реакция на политическую коррупцию и систему, сложившуюся в ходе и после выборов 1996 года.

Эти и многие другие элементы полукриминальной психологии связаны с условиями выживания в абсолютно ненормальной и непривычной для людей обстановке 90-х гг.

В обществе стало навязчиво культивироваться стремление к материальному обогащению любой ценой. Оно сопровождалось неверием, что можно достичь благополучия честным трудом. Отсутствие уважения к труду, трудовой этики. Значительно укрепилась появившаяся еще в советских условиях привычка решать житейские, бытовые вопросы с помощью взяток, когда один и тот же человек оказывается то в роли дающего взятку, то в роли берущего.

Во многих слоях общества проявилось стремление «сбиваться в стаю» вокруг инициативного вожака, как в банде. Принадлежность к стае часто стала рассматриваться как единственный способ выживания.

Естественным следствием такой психологии стало осмеяние нравственных ценностей, взаимное озлобление, агрессивное мышление и поведение. Даже лексика преступного мира постепенно стала нормой. В таких условиях естественно, что, выбирая строить ли отношения внутри страны на принципе диалога, или на конфронтации и принуждении, российская номенклатура выбрала второе как более привычное и понятное. Такая конфронтационная модель всегда включает два элемента: физическое подавление противника и его моральное унижение, высмеивание, лишение его чувства собственного достоинства.

Постепенно эта модель поведения распространилась с номенклатурной верхушки, с ее наиболее близких к криминалу слоев на всю правящую «элиту». Опять-таки, речь не идет о чем-то специфически российском. Подобный стиль часто возникает у «элиты», лишенной нравственного стержня и политической культуры. Проблема в том, что, если общество не отвергнет постмодернизм в себе самом и в своих властных структурах, оно обречено на деградацию и постепенный распад.

vii Оторванность режима от страны не означает отсутствие у протофашистского курса потенциальной социальной опоры, причем, практически во всех группах расколотого российского общества.

По идеологическим характеристикам это:

- антизападники;
- антилибералы;
- националисты;
- клерикалы.

По социальному составу:

- силовики, ВПК;
- левые партии и политики;
- националистические организации, включая молодежные;
- инертные слои населения;
- политики-сюзники по Таможенному союзу, в этот круг входили Янукович и его окружение, в него входят лидеры среднеазиатских государств.

На поддержку Путина и его курса внутри властвующей группировки могут быть направлены:

- новые приватизационные проекты (Большая Москва и др.);
- легализация капиталов тех, кто послушен (один из показателей послушания — возврат средств из-за рубежа);
- показательное наказание за коррупцию нелояльных членов группировки;
- изъятие капиталов у нелояльных.

viii Власть и церковь

Положение дел в начале постсоветского периода

В 90-е годы демократически настроенная часть элиты испытывала комплекс вины перед Церковью за притеснения советского периода. Отсюда следовало возвращение имущества, финансирование строительства храмов, а также пиетет. Характерно, что Ельцин наградил Алексия II рядом высших орденов, но Алексий не дал ему ни одной награды.

К нулевым годам такой тип отношений себя исчерпал — государство «загладило» свою вину и как бы закончило выплачивать свои долги. В обществе к этому времени закончился период массового притока в храмы и сформировалось несколько типов отношения к Церкви.

1. Церковь при всех ее недостатках — институт, направленный на сохранение внутренней свободы человека от диктаторов; она препятствует обожествлению политиков, противостоит культу личности. (Точка зрения меньшинства верующих-либералов, типа покойного отца А. Меня.)

2. Важна вера в Бога. Церковь же — чисто земной институт, не заслуживающий особого доверия. (Точка зрения, особенно распространенная среди интеллигенции.)

3. Церковь — это своего рода психотерапевт. Мы обращаемся к ней, когда нам плохо. В остальное время мы о ней не думаем. Наверное, это плохо, но так уж получается. (Точка зрения большинства населения; своего рода атеизм с примесью суеверия.)

4. Церковь — важнейшая часть русской идеи: «царь — православие — национализм — исконно русские традиции». Если Президент проводит определенную политику, можно считать его полуцарем, духовным вождем. (Точка зрения реакционеров «прохановского» типа.)

Элита сознательно сделала ставку на четвертый тип. Его сторонники получают право говорить и действовать от имени Церкви и от имени верующих.

Одновременно у светской власти формировалось отношение к Церкви по принципу «территориализма и государственной церковности». Интересно, что этот подход уходит корнями не в русскую, а в западноевропейскую модель, только очень устаревшую.

В принятом на рубеже веков и действующем сейчас документе РПЦ об этом говорится следующим образом: «В странах, где победила Реформация, а затем и в некоторых католических странах в государственно-церковных взаимоотношениях установился принцип территориализма, суть которого заключается в полном государственном суверенитете на соответствующей территории, в том числе и над находящимися на ней религиозными общинами. Девизом этой системы взаимоотношений стали слова cujus est regio, illius est religio (чья власть, того и религия).

При последовательном осуществлении данная система подразумевает удаление из государства приверженцев вероисповедания, отличного от разделяемого носителями высшей государственной власти (это не раз осуществлялось на практике)»[40].

В России принцип «чья власть, того и религия» осуществляется в наше время под предлогом возвращения к традиционным ценностям, хотя — как видим — и «территориализм», и концепция корпоративного государства как раз являются самыми грубыми примерами, как чуждые модели механически переносятся на российскую почву (то, в чем обычно обвиняют либералов).

Сегодня

Для понимания сути взаимоотношений между светской номенклатурой и РПЦ важно опровергнуть советский миф, будто отделение церкви от государства было произведено революционерами с целью оградить народ от религиозного влияния. На самом деле в России сама церковь первой поставила вопрос о своей независимости от государства.

> *Справка. 29 апреля 1917 года Святейший Правительствующий Синод заявил: «Происшедший у нас государственный переворот, в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил и Церкви возможность и право свободного устроения».*
>
> *Осенью 1917 года Поместный собор Православной церкви одобрил постановление «О правовом положении Российской Православной Церкви». Этот документ, в частности, устанавливал следующее: «Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти и, руководясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления».*

Справедливости ради надо признать, что Позиция РПЦ в то время еще была половинчатой. Говоря о своей независимости, Церковь продолжала, например, настаивать, чтобы первые лица государства обязательно принадлежали

40 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Документ принят Освященным Архиерейским собором 2000 г. // http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/iii/.

к православной конфессии. Но важно, что первый шаг в сторону разграничения полномочий светской и духовной власти сделала именно Церковь.

В феврале 1918 г. Совнарком принял «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этот закон был таким же обманом, как обещания раздать землю крестьянам и отдать фабрики рабочим. На самом деле данный декрет ставил Церковь (и не только РПЦ, но любые объединения верующих) в полную зависимость от государства. Ей запрещалось иметь статус юридического лица и владеть собственностью. Фактически, это означало, что верующие не могут сделать ни одного шага без разрешения большевистской власти.

В настоящее время, после короткой оттепели 90-х гг., власть снова взяла курс на подчинение Церкви. В корпоративном государстве Церковь по определению не может быть независимой.

Стоит напомнить, что при покойном Патриархе Алексии II Церковь практически ежегодно принимала документы, целью которых было не допустить втягивания РПЦ в политическую борьбу, не допустить ее использования властью как инструмента влияния.

> *Справка. В 2005 г. принимаются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В документе говорится: «Невозможно участие церковного Священноначалия и священнослужителей, а следовательно, и церковной Полноты, в деятельности политических организаций, в предвыборных процессах, таких, как публичная поддержка участвующих в выборах политических организаций или отдельных кандидатов, агитация и так далее».*
>
> *В данном документе давалось пояснение: общецерковная поддержка различных «политических доктрин, взглядов, организаций и деятелей» полезна лишь в условиях антирелигиозных гонений, но когда она происходит под давлением государства или политических структур, результатом становятся «разделения и противоречия внутри Церкви, отход от нее части нетвердых в вере людей».*
>
> Патриарх Алексий был прав; именно это произошло теперь.
>
> *В 2008 г. Архиерейский Собор вновь заявил, что взаимодействие Церкви с политическими партиями не должно носить характера политической поддержки.*
>
> *В 2009 г. Архиерейский Собор подчеркнул «непредпочтительность для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин, каких-либо конкретных общественных сил и их деятелей, в том числе находящихся у власти».*

Можно констатировать, что правящая элита-номенклатура не только показала себя идейным противником курса прежнего Патриарха, но и произвела ревизию достижений Февральской революции 1917 г. в плане свободы Церкви.

ix В сущности, Путин относится к ликвидации Асада точно так же негативно (и по тем же причинам), как ельцинское правительство относилось к ликвидации Милошевича, хотя никакой вражды с Западом в 1999 г. не было.

Путин очень боится, что Запад разыграет против России югославский вариант, где он сам будет в роли Милошевича. Он считает, что только военная сила дает гарантию против этого. Но западные военные технологии быстро развиваются, т. к. западная экономика позволяет это. Путин пытается компенсировать это огромными расходами, которые не соответствуют возможностям российской экономики, и построением протофашистского государства.

Глава 2

История против мифа, или Какой мы народ

Наташа сбросила с себя платок, который был накинут на ней, забежала вперед дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движенье плечами и стала.

Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые pas de châle давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то сделает, прошел, и они уже любовались ею.

Она сделала то самое и так точно, так вполне точно это сделала, что Анисья Федоровна, которая тотчас подала ей необходимый для ее дела платок, сквозь смех прослезилась, глядя на эту тоненькую, грациозную, такую чужую ей, в шелку и в бархате воспитанную графиню, которая умела понять все то, что было и в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке.

Л.Н. Толстой, «Война и мир»

Азъ бо есмь, княже господине,

Аки трава блещена, растяще на застении,

На нюже ни солнце сиаеть, ни дождь идет;

Тако и азъ всемъ обидимъ есмь,

Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа,

Яко плотомъ твердым.

Слово Даниила Заточника[1]

Итак. Заглавным звуком в засилье застойного затишья боярского застолья ворвался грозный стук топора, которым Пётр рубил окно в Европу.

— Где рубил?

— В стене!

— В какой?

— В какой стене можно рубить топором ?!... Конечно, в деревянной!

— И прорубил?

— Прорубил!

— Продолжаем! — Но боярское засилье застойного застолья, имевшее точку отпора в лице Петра Алексеевича...

— А дверь прорубил?

— Нет!

— Так значит они в окно и лазят?

— Кто?

— Ну, петровцы...

Самая сухая лекция из радиопостановки по книге Л. Кэррола «Алиса в стране чудес»[2]

1 Цитируется по публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН // http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4942#_edn14.

2 Инсценировка О. Григорьева. М.: Мелодия, 1976.

История

Связь отечественной ментальности и реформ, необходимых России, — старая тема. Соответствие или несоответствие политических идей, лозунгов, действий «культурному коду», «национальному характеру», «русской душе» обсуждается самым широким кругом заинтересованных людей от философов до обывателей. Однако исследовательские работы, представляющие собой попытки именно изучения влияния ментальности на социально-политическую действительность, немногочисленны и, как правило, демонстрируют стремление разобраться в происходящем средствами какой-то одной научной дисциплины — истории, социологии, культурологии.

Прежде всего, отметим фундаментальный труд Бориса Миронова «Социальная история России периода империи», в котором прослеживается развитие российского общества в XVIII — начале XX вв. во всей полноте его многообразия. Обилие фактического и статистического материала, скрупулезное внимание к различным социальным группам — ключевые достоинства этой работы. Очень важно подробное обоснование вывода о последовательном развитии гражданского общества и правового государства на протяжении всего имперского периода отечественной истории. В то же время, нам представляется, что автор недооценил модернизационный потенциал российского общества рубежа XIX—XX вв. и преувеличил значение проблемы «небуржуазности» общественного сознания как препятствия модернизации и причины катастрофического срыва 1917 г.[3].

Важные наблюдения об особенностях формирования русского государства и политического мышления в пору создания московского государства содержит книга Т. Черниковой[4].

Аргументы, позволяющие преодолеть устойчивые стереотипы, в частности, широко распространенный взгляд на политические и экономические преобразования в России как череду реформаторских всплесков, результаты которых нивелируются

3 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского и правового государства. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 2. С. 317–326.

4 См. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV—XVII веках. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2012.

контрреформами, приведены в работах А. Каменского[5] и А. Медушевского[6].

Вклад в исторический аспект изучения нашей темы вносят работы Александра Янова, который прослеживает развитие либеральной традиции в отечественной истории.

Правда, и ему свойственно жесткое противопоставление «традиционного» и «европейского» в отечественной истории и культуре, представление о модернизации как разрушении традиции или, по крайней мере, ее существенной части[7].

Говоря о западных исследователях, конечно, следует упомянуть работы Р. Пайпса и выдвинутую им гипотезу о вотчинной природе московского государства[8]. Мы ее не разделяем и вернемся к этому вопросу в дальнейшем, но отдельные наблюдения исследователя очень точны.

Социологический взгляд представлен работами Ю. Левады, Л. Гудкова, Б. Дубина, А. Левинсона. Для него характерно рассмотрение современного российского общества как общества потребления, которое хочет жить «как на Западе», но еще «не доросло» до органичного восприятия ценностей свободы и демократии, свойственного западному обществу. При этом среди специфических черт, присущих советскому и недалеко от него ушедшему постсоветскому человеку, называются: массовидность, усредненность, склонность к приспособленчеству, неуверенность в себе в сочетании с комплексом исключительности, двоемыслие, несамостоятельность...[9].

---

5 Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Российский государственный, гуманитарный университет, 2001.

6 Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994.

7 «Наследники Европейского столетия России, если хотите – русские европейцы, сумели между 1696 и 1991 годами не только пробить зияющие бреши в холопской твердыне, но и разрушить все ее институциональные бастионы. Одно за другим пали и православный фундаментализм, и обязательная служба дворянства, и крестьянское рабство, и «сакральное» самодержавие, и, наконец, уже на наших глазах – империя. Все это обратилось в историческую труху. По сути, ничего от антиевропейской крепости не осталось, кроме мощных патерналистских стереотипов, внедренных ею за столетия в массовое сознание». (Янов А.Н. Россия и Европа 1462–1921. Кн. 1–3. М.: Новый хронограф, 2007–2009).

8 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., Независимая газета, 1993; Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры». М.: Новое издательство, 2008.

9 См.: Гудков Л.Д. Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения, 2007, № 4; Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России, 2009, № 2; Гудков Л.Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии, 2009, № 2 (100). Дубинин Б. Нарциссизм как бегство от свободы. Российский социум не принимает различий, не допускает, что все разные // Ведомости, 28.08.2014.

> Социолог Борис Дубин: «...Преобладающая часть населения — до 60 % — не против свободы. Особого желания отправиться в лагерь или в казарму вроде бы нет. И все-таки свобода для наших соотечественников — не главное, а главное — порядок, стабильность, регулярная и постоянно повышающаяся зарплата и пенсия, чувство собственной защищенности. Связь между всем этим и свободой не просматривается. Ноу-хау развитых обществ — соединение идей самостоятельности, солидарности, свободы и соревнования — у нас не привилось. У нас все это порознь, а главное — пусть все будет как есть»[10].

Культурологический взгляд на российское общество и общественное сознание представлен работами и идеями А. Ахиезера, которые он вынашивал еще в советское время и представил на публичное обсуждение в конце 80-х — начале 90-х гг.[11]. Изначально в центре концепции А. Ахиезера стояло противопоставление инверсии (упрощения, применения простых решений к сложным проблемам) и медиации (адекватные решения сложных проблем).

К сожалению, современные последователи А. Ахиезера уходят от оригинальных идей, сводя проблему трансформации общественного сознания в современной России к переходу от иррационального к рациональному[12] и приходя к выводу о необходимости радикального избавления от ключевых элементов традиционного «культурного кода».

Как уже осуществленную перспективную попытку комплексного подхода к проблеме российской политической ментальности отметим работу В. Розова «Колея и перевал». Хотя выводы автора, на наш взгляд, вызывают вопросы, разработанный им исследовательский инструментарий можно использовать и в дальнейшем[13].

Универсальная проблема, характерная для работ различных направлений — отнесение к специфическим чертам отечественной

10 Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Указ. соч. С. 33.

11 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Философское общество, 1991.

12 См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России... : конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005; Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-традиция, 2006; Яковенко И.Г. Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый хронограф, 2009.

13 Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. См. также: Розов Н.С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир истории. Т. XX. С. 100–111.

ментальности, препятствующим модернизации, универсальных характеристик. Например, очень ярко и, на первый взгляд, убедительно, выглядит реконструкция национального характера на основе русских сказок, пословиц и другого фольклорного материала[14]. Однако ценность сделанных выводов резко снижается, если учитывать, что сказки в принципе восходят к первобытному, родовому сознанию. Во-первых, они содержат общие для различных народов сюжеты, образы и прочие элементы. Во-вторых, прямолинейная трактовка этих элементов может оказаться весьма спорной, приводящей к ложным выводам[15].

Проблема недостаточности разграничения универсальных характеристик и национальной специфики характерна и для работ социологов. Например, крайне интересны наблюдения особенностей советского и постсоветского человека, начатые Ю. Левадой и продолженные Л. Гудковым, однако без подробного сравнения, например, с «восточноевропейским» («восточногерманским», «иберийским» и т.д.) человеком трудно говорить о том, являются ли выявленные «антимодернизационные» черты, которые мы упоминали выше, уникальными, характеризующими отечественный менталитет или типическими для «массового человека», весьма неприятный образ которого нарисовал Ортега-и-Гассет.

Еще один распространенный подход — противопоставление традиционного российского сознания и «буржуазного сознания», в большинстве случаев отождествляемого с сознанием протестантским. Неизменный вывод — о небуржуазности или недостаточной буржуазности традиционного сознания как препятствии для модернизации.

Между тем, сравнение русского общества и общественного сознания с англо-американским (как образцом буржуазности) — это упражнение с заранее известным результатом: Россия, конечно, не Америка и не Англия, а православие — не протестантизм, конвертировать одно в другое можно только жесткой ломкой, которая вызовет неизбежное сопротивление.

14 См., например, ярчайшие работы начала прошлого века: Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии, 1995, № 6 (публикация вновь открытой работы 1923 г.); Трубецкой Е.Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке // Русская мысль, Берлин-Прага, 1923, № 1–2.

15 О доисторических корнях сказочных сюжетов и «ловушках» их прямолинейных трактовок см.: Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт. Исторические корни бытовой сказки. М.: Лабиринт, 2006.

При этом из поля зрения исследователей уходят другие европейские общества (французское, немецкое, итальянское, испанское и т.д.), степень «буржуазности» сознания и пути модернизации которых варьируются в весьма широких пределах.

Здесь-то как раз и возникают самые интересные и важные вопросы — возможность эволюции сознания, сочетание традиции и модерна, возможность приспособления традиции к новым реалиям и самое главное — так ли уж необходима для создания современного общества «ломка», жесткий и решительный отказ от традиции в целом.

Особенности формирования государства

Наше государство родственно европейским христианским государствам, сформировавшимся во второй половине первого тысячелетия нашей эры. Это государства молодых народов, варваров с точки зрения Рима и Константинополя, которые, однако, стали новыми творцами европейской истории. Конечно, различий изначально было много, и существенных, в частности, славянские земли не впитали правовое наследие Рима. И все же, христианство — это родство, которое трудно переоценить. Что же касается политического наследия Византии, то, во-первых, собственно политические контакты с ней у русских земель были эпизодическими. Во-вторых, саму византийскую политику неправильно жестко противопоставлять западноевропейской (там, мол, восточный мистицизм и подковерное коварство, здесь — западный рационализм и законы). Средневековье и на Западе было средневековьем с присущими ему особенностями политического и не только политического мышления.

При этом есть основания говорить о существовании «русской системы» — особенностях устройства государства и общества и их взаимоотношений (политики), уходящих корнями далеко в глубь российской истории.

В разговоре о происхождении «русской системы» мы предлагаем обратить внимание, прежде всего, на природно-географические факторы.

На наш взгляд, особое значение для формирования моделей поведения формирующейся государственной власти и потенциальных подданных русского государства имело наличие доступных свободных земель. Этот фактор позволял отвечать на проявления активности государства, попытки подчинения и контроля уходом.

Свободные земли — это возможность выбора между кровопролитной и жестокой борьбой с государством, властью за защиту своих прав, необходимых для жизни и производства, и переселением с целью продолжения жизни по своим законам.

Конечно, речь идет не столько о прямом буквальном воплощении схемы «ухода» (при появлении князя с дружиной свободное племя сразу же переселяется на новые земли), сколько о снижении политической (противоречия внутри правящего слоя) и социальной (противоречия между властью и народом) напряженности, возможности ухода от вынужденного постоянного и плотного взаимодействия с государем и государством.

«Уход» был альтернативой борьбы за приспособление государства к своим нуждам и, в конечном счете, постепенного его преобразования, в ходе которого на Западе выстраивалась общественно-политическая практика, основанная на договорных отношениях, создавались соответствующие законы, социальные, политические, правовые институты.

Появлению на Западе Великой хартии вольностей (Magna Carta)[16] предшествовала длительная и практически не прекращавшаяся социальная и политическая борьба на ограниченном природными условиями пространстве — острове. В географическом плане это полная противоположность Руси — обширной территории с условными и подвижными границами.

16 Грамота о гарантиях вольностей свободных сословий, которую король Иоанн Безземельный подписал в 1215 г. под угрозой гражданской войны с владетельной знатью. «Британская Энциклопедия» отмечает: «Для современников Хартия имела меньшее значение, чем для следующих поколений. Обстоятельства, в которых она была впервые дарована в 1215 г., определили уникальное место Великой Хартии в народном сознании, она стала символом борьбы против угнетения и призывом к борьбе, каждое последующее поколение обращалось к ней, защищая свои свободы, находившиеся под угрозой. Петиция о правах 1628 г. (The Petition of Right) и Хабеас Корпус Акт 1679 г. (Habeas Corpus Act) прямо основываются на параграфе 39 Хартии 1215 г., утверждающем, что «ни один свободный человек не будет лишен свободы или собственности иначе как по приговору равных или по закону страны». Конституция США и конституции американских штатов заимствуют из Хартии не только идеи, но и отдельные фразы» (Magna Carta. Encyclopædia Britannica 2009 Ultimate Reference Suite. Chicago: Encyclopædia Britannica).

Значение территориального фактора для формирования социально-политического облика русского централизованного государства — не новость для отечественной историографии. В частности, к нему серьезно относится А.Н. Медушевский[17].

Мы считаем, что наличие свободных территорий было значимым фактором и на более ранних этапах, чем формирование московского централизованного государства.

На раннем этапе этот фактор усиливался специфическим характером варяжского государства, которое изначально формировалось вокруг торгового пути с Востока на Запад («из варяг в греки»), и именно торговлю, деньги, движимое имущество, а не землю, рассматривало как основную ценность и источник обогащения[18].

Мы также обращаем внимание на функциональный разрыв между народом–обществом и властью–государством.

Смысл этого разрыва не в расхождении между интересами государства и народа (оно для средневековья как раз естественно), а в недостаточности условий для развития механизма взаимного предъявления интересов, столкновения, «притирки» и, в конечном счете, согласования этих интересов. Вместо него выстраивается своего рода симбиоз народа–общества и власти–государства, который на этапе освоения обширного географического пространства оправдывает себя и даже может служить основой развития, но в дальнейшем становится фундаментом системных проблем.

В послеордынский период (XV—XVI вв.) существованию и закреплению схемы «ухода» способствовало освоение бывших ордынских территорий. Как отмечал В.О. Ключевский, в это время колонизация становится фактором русской истории.

Церковная реформа второй половины XVII в. и окончательное закрепощение крестьян в середине XVII—XVIII вв. стали стимулом к дальнейшему движению на окраины и за окраины государства. Возможно, именно механизм «ухода» лег в основу быстрого (в пределах столетия) «триумфального шествия» русских через пространства Сибири до Тихого океана.

17 Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994.

18 См. Черникова Т. В. Европеизация России во второй половине XV — XVII веках. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2012.

Не стоит забывать и о казачестве, которое находилось в особых отношениях с государством и охотно принимало беглецов со всей страны.

«Переселенческая» идея с акцентом на уход от действующей власти сохраняется как одна из основных парадигм общинного сознания до конца существования общины[19]. По крайней мере с XVII и вплоть до начала XX вв. популярными в крестьянской среде остаются легенды о «далеких землях» со справедливым устройством жизни, противопоставляемым заведомо несправедливой реальности.

Самая известная из таких легенд — сказание о Беловодье, стране находящейся где-то глубоко в Сибири или «на островах» в «народной» стране, живущей по справедливости. Легенда существовала в различных вариантах, преобразовывалась, но жила до конца XIX в. При этом надо отметить, что Беловодье мыслилось не как аллегория, фантастическое фольклорное сказание, аналог сказочного «тридевятого царства», а как реальность. Существовали маршруты достижения Беловодья, в которых реальные географические наименования перемешивались с выдуманными, предпринимались физические попытки достичь этой страны.

Исследователь русских народных социальных утопий К. Чистов о «Беловодской» легенде, отраженной в тексте под названием «Путешественник» (своего рода путеводителе для желающих попасть в чудесную страну): «Путешественник» подтверждает, что жители Беловодья «в землю свою никого не пущают». Очевидно, речь идет вовсе не о том, к кому обращен «Путешественник» и кого он призывает разыскать чудесную страну. Беловодье запретно только для тех, кто хотел бы нарушить беловодские порядки и беловодское благополучие — царских чиновников, полицейских, судей, попов. Особенно кратко и выразительно формулируют свое отношение к общественному устройству Беловодья списки второй редакции «Путешественника»: «А тамо антихрист не может быть и не будет», т.е. не будет всего, что есть в России — царя, армии, помещиков, податей и поборов, паспортов и денег с «антихристовой печатью», никонианских попов и т.д. Более того, там вообще нет никакой светской власти, никакой государственной организации: «светского суда не имеют»[20].

19 Б.Н. Миронов, характеризуя общинное сознание, отмечает: «В массовом сознании крестьянства XVIII–XIX вв. обнаруживается миграционная парадигма, которая делала крестьянина психологически подготовленным для переселения... Крестьяне идеализировали акт миграции, рассматривая его как уход от неправедной «новизны» и переселение на новое место справедливой «старины», как поиск рая на земле на далеких землях» (Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 28).

20 Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб: Дмитрий Буланин, 2011. С. 274–275.

Мы предполагаем, что русская крестьянская община, обладавшая рядом специфических черт, — это своеобразная социальная альтернатива географическому бегству.

Если (когда) бегство от государства в буквальном смысле становится затрудненным, то уход осуществляется в другой форме: окончательно формируется закрытая, самодостаточная общность, способная существовать на одном географическом, но в разных ментальных пространствах с государством.

Это совсем не означает, что община противостоит государству. Как и буквальное, физическое бегство, она не предполагает борьбы. Система стабилизируется — с одной стороны, защищает население от государства, с другой — помогает государству контролировать население.

Общины на момент образования централизованного Московского государства существовали во всех регионах, во всех владениях и на государственных землях.

> «С самого начала государственной жизни России самоуправляющиеся общины, объединяющие крестьян одного или нескольких селений, объединяющие жителей части или целого города в общественный союз во имя интересов общего блага, составляли существенную и неотъемлемую часть общественного строя страны. Общины складывались стихийно и до XVI в. являлись неофициальными демократическими организациями крестьян и посадских людей... До XVIII в. почти каждая крестьянская община и те из посадских общин, которые занимались главным образом сельским хозяйством (а таких было большинство), являлись в значительной мере самодостаточными, они могли существовать почти автономно от внешнего мира»[21] — характеризует общину Б. Миронов.

Кроме того, автономность общины от внешнего мира подразумевает не только слабость вертикальной связи (община–государство), но и горизонтальных связей внутри общества. Многоукладность русского общества как в хозяйственно-экономическом, так и в социальном плане — черта, характерная для момента основания государства, продолжавшая существовать, несмотря на смену исторических эпох, и становившаяся серьезным затруднением для модернизации.

21 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 425.

◆ ◆ ◆

Вторая ключевая особенность «русской системы» — ее служилый характер, наличие и особая роль «служилого класса». «Служилый класс» — это больше чем административный аппарат, но это и не родовая аристократия, связанная с княжеской или царской властью вассально-сюзеренными отношениями. Это достаточно обширный слой населения, подчиненный правителю и призванный осуществлять функцию как внешней защиты, так и организации внутреннего управления.

Такой характер взаимоотношений между князем и его окружением проявляется в отечественной истории рано. Уже во второй половине XII в. в Северо-Западной Руси сложились общественные отношения, которые серьезно отличались от вассально-сюзеренных. В этой системе слуга находится в полной зависимости от господина. Князь опирается не на дружину (где он первый среди равных), а тех, кто находится в полной зависимости от него. Наиболее яркий представитель модели — князь Андрей Боголюбский[22], который впервые назвал себя «царем и великим князем».

> В.О. Ключевский об Андрее Боголюбском: «В первый раз Великий князь, названный отец для младшей братии, обращался не по-отечески и не по-братски со своими родичами... <...> В первый раз было произнесено в княжеской среде новое политическое слово «подручник», т.е. впервые была сделана попытка заменить неопределенные, полюбовные, родственные отношения князей по старшинству обязательным подчинением младших старшему, политическим их подданством, наряду с простыми людьми. Таков был ряд необычных явлений, обнаружившихся в отношениях Андрея Боголюбского к Южной Руси и другим князьям»[23].
>
> Не только жизнь и дела, но и гибель князя Андрея историки считают знаковой: «Убийство князя приближенными — это придворный заговор, дворцовый переворот, что свидетельствует об усилении княжеской власти, приобретающей первые деспотические черты. При «нормальных» отношениях между князьями и вассалами недовольство князем приводит к его изгнанию. Невозможность изгнания провоцирует убийство. Тем самым эпизод сигнализирует о том, что на смену отношениям «князь — дружина» начинают

22 Андрей Боголюбский (1111–1174) – сын Юрия Долгорукого, с 1157 г. Великий князь Владимирский.

23 Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 1. С. 321.

приходить отношения «государь — подданные»... Соответственно начинаются изменения и в менталитете»[24].

Появление «служилой» модели отнюдь не означало ее исторически быстрого распространения или господства. Однако именно с ней близко политическое устройство централизованного московского государства, возникшего столетиями позже трагических событий в Боголюбове.

Существует распространенное мнение, что такие отношения — это безусловное, бездоговорное подчинение, лишенное рациональной основы и коренящееся в мировоззрении, принципиально отличающемся от западноевропейского неприятием самой идеи договора. Ю.М. Лотман характеризовал подобные отношения власти и подданных как модель «вручения себя»: «Понятие «государевой службы» подразумевало отсутствие условий между сторонами: с одной — подразумевалась безусловная и полная отдача себя, а с другой — милость. Понятие «службы» генетически восходило к психологии несвободных членов княжеского вотчинного аппарата. По мере того как росла роль этой лично зависимой от князя бюрократии, превращавшейся в бюрократию государственную, а также роль наемного войска князя, «воинников», психология княжеского двора делалась государственной психологией служивого люда»[25].

Близкое по духу, хотя и более рационально обоснованное объяснение «русской» системе предложил Р. Пайпс, разработавший теорию «вотчинного» государства, согласно которой князь, а затем царь виделся жителям Северо-Восточной Руси единственным собственником всей земли, входившей в состав государства[26].

Исторический выбор в пользу служилой системы вместо вассально-сюзеренной также связывается с ордынским игом — сначала с монголо-татарским «внешним» управлением русским землями, которое навязывало модель безусловного подчинения хану и устанавливало властную «вертикаль», а затем с необходимостью противостояния той же Орде. Именно эта необходимость становится основой форсированной централизации[27].

24 Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // «История СССР». 1991. № 4. С. 56.

25 Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 345–355.

26 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

27 В частности, такие предположения выдвигают уже упоминавшиеся нами В. Кобрин и А. Юрганов.

Мы считаем, что все эти факторы в той или иной степени значимы, но первоосновой «служилой» системы был все тот же территориальный фактор и непосредственно с ним связанная модель «разрыва–ухода».

Модель «разрыва–ухода» согласует интересы народа и государства лишь в самом общем плане, но она не может быть основой для складывания устойчивой структуры, системы взаимосвязанных и взаимозависимых институтов. Между тем, централизованное государство не может «висеть в воздухе». Социальная структура и социальные отношения, которые не сложились естественным образом, через долговременное взаимодействие, на договорно-правовой основе, утверждаются «сверху».

> А.Н. Медушевский: «На Западе отсутствие свободных пространств и высокая плотность населения сильнее обостряют социальные противоречия, что ведет к большей консолидации сословий и ускоряет законодательное укрепление сословных и личных прав. В России в период складывания централизованного государства, напротив, острота социальной конфронтации длительное время снижалась за счет оттока населения на окраины... Развитие социальных отношений на больших пространствах и систематический отток населения до известной степени замедляет рост социальной напряженности, видоизменяет формы ее проявления... В этих условиях государство активно вмешивается в процесс формирования и законодательного регулирования сословий с целью обеспечения консенсуса, рационального функционирования всей системы. Решение проблемы было найдено в создании особой служебной системы, при которой каждый слой общества (сословие) имел право на существование лишь постольку, поскольку нес определенный круг повинностей»[28].

При этом необходимым элементом системы, в которой, в принципе, на службе у государства оказываются все подданные, становится особый социальный слой, на который государство опирается прежде всего и для которого служба становится основной функцией.

В основе отношений этого слоя с властью не отсутствие договора, а его своеобразное воплощение. Этот договор скорее похож на армейский контракт, в котором готовность служить и безоговорочно подчиняться обменивается не на абстрактную «милость»,

28 Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994. С. 37.

а на вполне осязаемые и поддающиеся рациональной оценке блага. На раннем этапе это, прежде всего, гарантированные защита и материальное обеспечение со стороны власти.

Тем, кто составил основу «служилого слоя» формировавшегося московского централизованного государства в XIV в., «социальный контракт» с центральной властью приносил вполне конкретную выгоду — поместья. В XV в. происходит перестройка земельных отношений, в результате которых основой землевладения становится не наследственная вотчина, а поместье, выделяемое казной за службу.

> Р.Г. Скрынников: «Московские самодержцы не обладали достаточной властью, чтобы насильно навязать знати и дворянству принцип обязательной службы «с земли». Подобно западным суверенам они не могли обойтись без «общественного договора». Почвой для договора послужила насильственная и быстрая перестройка системы земельной собственности, принесшая огромные выгоды московскому дворянству. Веками на Руси господствовала вотчина, обеспечивавшая старому боярству известную независимость по отношению к государю... При обилии земель сложился порядок, при котором казна стала наделять поместьями детей и внуков дворян, едва они достигали совершеннолетия и поступали на службу... Суть общественного договора состояла в том, что казна взяла на себя обязательство обеспечивать дворян необходимой для службы землей. В свою очередь дворяне согласились на обязательную службу»[29].

В отношении населения, не входившего в «служилый слой», договорная составляющая не столь очевидна, и именно поэтому повинности, которыми каждый социальный слой обязан государству, при отсутствии понятной платы воспринимаются негативно, как неизбежное зло.

Представление о том, что Земля Божья, царь служит Богу, а народ — царю при всей своей внешней стройности содержит важную ошибку. Оно описывает отношения Бога–царя–народа на западноевропейский (точнее даже, французский) манер, как вассально-сюзеренные. Однако на эти отношения нераспространим принцип «вассал моего вассала — не мой вассал». Народ в собственных представлениях о себе, становясь «слугой царю», не престает быть слугой божиим напрямую, без царского посредничества. Поэто-

29 Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси в IX–XVI вв. СПб, 2000. С. 197.

му наряду с моделью Бог–царь–народ в народном сознании традиционно присутствует модель Бог–народное представительство–народ. Конечно, размытое и мифологизированное понятие о народном представительстве далеко от идеи парламента или парламентской демократии, но жестко увязывать русскую политическую традицию с царизмом тоже неверно.

◆ ◆ ◆

Еще один значимый фактор, определявший политический облик русского государства и политическую психологию его подданных — религиозный. Христианство пришло в русские земли из Византии. Византия — часть и наследница Римской империи, хранитель и транслятор как античного наследия, так и христианской традиции.

То, что Киевская Русь приняла христианство именно через посредство Византии, можно объяснять многими причинами. Мы скажем только, что это было вполне обоснованно географически.

Однако политически такой шаг повлек долговременные последствия, выходящие далеко за пределы прагматических расчетов конца X века. Распространение христианства в русских землях, его проникновение в глубь национального сознания, соединение с более древними пластами религиозного сознания, наконец, превращение в один из ключевых элементов национальной самоидентификации, в историческом времени совпадало со всё углублявшимся расколом христианства. Католический римский мир и Византия расходились всё дальше.

Жак Ле Гоф, характеризуя ментальность средневекового европейца, отмечает: «Реальностью был христианский мир. Именно применительно к нему средневековый христианин определял и всё остальное человечество, и свое место по отношению к нему. И прежде всего свое отношение к византийцу. С 1054 г. Византиец считался еретиком... Те и другие не понимали больше друг друга, особенно западные люди, из которых даже самые ученые не знали греческого языка. Это непонимание мало-помалу переросло в ненависть, дочь невежества»[30].

30 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада. М.: Прогресс-академия, 1992. С. 32.

Отчуждение между католическим Западом и Византией, росшее с 1054 г., достигло пика к началу XIII в. В 1204 г. крестоносцы взяли штурмом и разграбили Константинополь.

В то же время население русских земель, весьма далекое от Священной Империи как географически и политически (здесь как раз настоящим соседом Византии была Западная Европа), так и по образу жизни и мысли, идентифицировало себя с православием. Православие было одним из ключевых, а может быть, и просто ключевым фактором, объединявшим жителей политически разрозненных городов и княжеств в культурно-историческую общность.

Таким образом, в конкретно-исторических условиях формировался барьер между православной Русью и католической Европой, который надолго пережил ситуацию своего возникновения.

При этом упадок Византии способствовал формированию идеи о русских землях как последнем оплоте православия и русском царе как наследнике христианских императоров.

Идея уникального положения и уникальной миссии «Святой Руси» в мире стала одной из основ идеологии централизованного русского государства. Ее значимость возрастала после заключения Флорентийской унии (1439 г.)[31] и падения Константинополя (1453 г.).

Таким образом, национальная самоидентификация через православие способствовала объединению и созданию централизованного государства и в то же время выделяла это государство в особый мир, в котором религиозное, национальное, государственное переплеталось и сливалось.

Собственно, католический Запад также ограничивал христианский мир зоной своего влияния, а Московская Русь выглядела для него таким же чужим, странным, непонятным миром[32].

Существенная разница в том, что Запад, не связывал религиозное единство с одним государством. В русско-московской же

31 Флорентийская уния – акт соединения католической и православной церквей, подписанный в 1439 г. греческими иерархами и отвергнутый русской церковью. Предусматривал объединение церквей на основе католической догматики и власти Папы Римского при сохранении православных обрядов.

32 С проявлениями инерции этого мышления мы имеем дело до сих пор, причем проявляют ее не только наши соотечественники, противопоставляющие «русский мир» Европе, но и европейцы. Так, автор фундаментальной истории Литвы Э. Гудавичюс определяет Литву XV в. как «бастион западной цивилизации», видимо, защищавший Европу от московской экспансии (см.: Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 г. М.: Фонд им. И.Д. Сытина. С. 339).

части Европы пересечение государственной границы стало восприниматься как нечто экстраординарное. Е. Анисимов, анализируя феномен «измены» в московской Руси, отмечает: «... На всякий переход границы без разрешения государя, на любую связь с иностранцами смотрели как на измену, преступление. При этом было неважно, что эти действия могли не вредить безопасности страны и не наносить ущерба власти государя. Сам переход границы был преступлением. Заграница была «нечистым», «поганым» пространством, где жили «магометане, паписты и люторы», одинаково враждебные единственному истинно-христианскому государству — Святой Руси»[33].

Новое русское время (XVI—XVIII вв.)

Ни своеобразие социально-политической практики, ни религиозные различия не отделяли территорию русского государства от общеевропейских социально-политических процессов.

Московская Русь находилась не только в постоянно военно-политическом взаимодействии с Западной Европой (такое взаимодействие было и с Крымским ханством), но переживала «тектонические сдвиги», определявшие движение европейской цивилизации.

Хозяйственная отсталость, особый характер государства, о котором говорилось в предыдущей части, не соответствуют европейскому Новому времени. Однако изменения, происходившие в сознании, очевидны, так же как и попытки осознать «вызовы времени». Средневековое сознание просто не смогло бы справиться со Смутой. К тому же, «европеизация» России как технико-технологическое заимствование и приглашение иностранных специалистов — процесс, который насчитывает несколько веков до петровских реформ, сделавших формально европейским внешний облик российского государства и части его подданных[34].

33 Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 28.

34 Об этом процессе — работа Т. В. Черниковой: Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV — XVII веках. М.: Издательство МГИМО, 2012. Может быть, этот процесс даже можно рассматривать не как «европеизацию», а как закономерное втягивание московского, восточного «крыла» Европы в орбиту действия сместившегося на Север центра жизни европейской цивилизации. Для европеизации неевропейского, с одной стороны, это — слишком рано начавшийся и долго продолжавшийся процесс, с другой – его достижения в ряде областей и, прежде всего, в сфере взаимоотношений общества и государства столь противоречивы и недостаточны, что приходится задуматься о том, что «русская ев-

При этом как в массовом сознании, так и в государственном мышлении, сохраняется масса средневековых черт, но это общеевропейская характеристика. Жак Ле Гофф в предисловии к русскому изданию своего труда о цивилизации европейского средневековья, отмечал:

«Сегодня я настаивал бы на расширении временных рамок, на «долгом» Средневековье, охватывающем эпоху, начинающуюся со II—III столетия поздней Античности (о которой так и не был написан том, предусмотренный планом серии) и не завершающуюся Ренессансом (XV—XVI вв.), связь которого с Новым временем, на мой взгляд, преувеличена. Средневековье длилось, по существу, до XVIII в., постепенно изживая себя перед лицом Французской революции, промышленного переворота XIX в. и великих перемен века двадцатого. Мы живем среди последних материальных и интеллектуальных остатков Средневековья»[35].

Трансформация сознания вообще и политического мышления от Средневековья к Новому времени — не привнесенная извне идея, а объективно обусловленный переход, в целом совпадающий с подобными процессами в Европе.

Как только Московское государство с присоединением Казанского и Астраханского ханств выполнило миссию «собирания земель», оно столкнулось с системным внутренним кризисом, кризисом управления. Отсутствие опыта столкновения-согласования интересов между государством и сословиями, фактическая дистанцированность государства от народа обусловили неустойчивость власти, вынужденной постоянно искать (и в большинстве случаев не находить) точки опоры.

Здесь надо заметить, что рост личной власти самодержца не синонимичен укреплению государства. Государство — это институты. В случае с русским государством XVI — начала XVII в. мы имеем дело не с завершением строительства деспотически-самодержавной государственной системы, а с проявлением кризиса государственности. Опричнина Ивана Грозного — не просто порождение худших черт личности государя и параноидальной

ропеизация» — это не перенятие чуждого, более прогрессивного опыта, а аутентичное развитие в европейском русле, осложненное действием одного или нескольких искажающих факторов. Иначе Россия с точки зрения европеизации — уже на протяжении нескольких веков как в сказке про умную дочку, приехавшую по царскому заданию ко двору «ни одетой, ни раздетой, ни на коне, ни пешей, ни с подарком, ни без подарка».

35 Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 3.

боязни своего окружения, не каприз деспота. Это попытка форсированного выстраивания системы управления, одновременно компенсирующей разрыв и защищающей «одинокого» государя в отсутствие институтов, на которые он мог бы опереться. Для элиты и народа эта политически наивная попытка справиться с новыми вызовами созданием чего-то вроде средневековой дружины, была трагической, для государства — разрушительной. Именно опричная катастрофа, а не последовавшее пресечение династии, стали главной предпосылкой Смуты начала XVII в.

Фундаментальная же ее причина — кризис средневекового государства и соответствовавшего ему политического мышления. Смута была не противостоянием сословий, классов, старого и нового, архаичных и модернизационных идей. Ее суть — распад, атомизация, хаос. Гражданское противостояние затронуло все группы общества. При этом власть фактически оказалась оторванной от страны, лишенной опоры. Наглядным проявлением кризиса государства стал феномен самозванства, тесно связанный с распространением в конце XVI — XVII вв. народных утопических легенд о лидере-избавителе[36]. Это, на наш взгляд, не что иное, как реакция общественного сознания на разрыв между обществом и государством.

Страну спасла консолидация общества, которое нашло в себе силы заполнить разрыв между властью и народом.

Кроме установления новой, легитимной династии и относительной стабилизации власти[37] в Московском царстве XVII в. происходят процессы, свидетельствующие о развитии общества и государства: формирование сословий, их формализация, юридическое закрепление прав (в Соборном Уложении 1649 г.). Существовавшие социальные группы приобретали новое качество, консолидировались, шел процесс самопознания и самоосознания, в том числе осознания своих интересов и прав.

36 Заметим, что легенды об избавителе качественно отличаются от распространенного фольклорного сюжета о народном заступнике (богатыре, благородном разбойнике и т.д.). В отличие от эпизодического заступничества в конкретных ситуациях, от «избавителя» ждут изменения состояния государства и жизни народа. Подробнее см.: Чистов К.В. Указ. соч. С. 45–100.

37 Относительной, потому что уже в 80-х гг. XVII в., через 70 лет после установления новой династии, во власти даже при наличии легитимных наследников сложилась ситуация, напоминающая преддверие смуты – разворачивается борьба боярских группировок, окружавших малолетних государей, действующим лицом политики вновь становится столичная толпа, перед которой беззащитными оказываются не просто высшие сановники, а представители царского «ближнего круга».

По мере стабилизации ситуации в стране после Смуты началось осмысление пережитого, в котором, помимо свойственной средневековому сознанию идеи о национальном бедствии как наказании за грехи, появляется рациональное осмысление социально-политических причин катастрофы.

Появляются публицистические и социально-философские сочинения, принципиально отличающиеся от средневековых текстов. Сочинения Авраамия Палицына, Ивана Тимофеева, Ивана Хворостинина, Семёна Шаховского — попытки осмыслить события Смутного времени, извлечь уроки. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» — аутентичное, возникшее на русской почве принципиально новое сочинение, сосредоточенное на размышлениях о судьбе страны и конкретных людей в период перемен.

> Исследователь отмечает: «В самосознании русского общества XVII в. под влиянием событий смутного времени, когда широкие народные массы принимали активное участие в решении судеб страны, человек стал рассматриваться как самостоятельная природная и общественная единица. Появляется осознание человека как личности... <...> Из области сакральной (грех, греховность) причины Смуты стали искаться в области ментальной (а затем и социальной): истинная причина всех бед, постигших Россию, оказывается крылась в слабости общественной инициативы, в социальном равнодушии, когда люди стали думать не о государстве и его судьбе, а «мысляще лукавне о себе»[38].

В середине XVII в. появляются интеллектуальные центры осмысления прошлого и будущего государства и народа. Одним из таких сообществ был «кружок ревнителей древнего благочестия», в который входили будущие участники драмы церковного раскола. Несмотря на название, его участники были устремлены не в прошлое, а в будущее. Ими двигало осознание необходимости кардинального пересмотра образа жизни, выхода к какому-то новому качеству.

Религиозная по преимуществу форма, которую имели реформаторские искания, не должна вводить в заблуждение. «Религиозное» отнюдь не синоним «средневекового». В Европе трансформационные процессы также принимали религиозную форму.

38 Пушкарев Л.Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI—XVII веков // Ментальность эпохи потрясений и преобразований. М.: Институт российской истории РАН. С. 15.

В то же время в середине и во второй половине XVIII в. Московская Русь переживает приток культурно-интеллектуальных новшеств из Южной Руси (с территории Украины): от новой манеры церковного пения (партесное пение) до западноевропейского подхода к научному знанию и образованию. В 1687 г. в Московском царстве было открыто первое высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия.

Новшества, к которым Россия примерялась — это и другая модель социальных отношений, предполагавшая большую самостоятельность сословий. При этом не обязательным и даже проблематичным выглядело совпадение социально-политической трансформации с культурной или военно-технической.

Вообще, противопоставление следования за Западом и сохранения самобытности как двух расходящихся путей — очень серьезное упрощение, на грани отрыва от исторической реальности. Для России XVI—XVII вв. речь шла не о столкновении с совершенно чуждой, но более прогрессивной цивилизацией, создающей внешнюю угрозу, становящуюся главным стимулом внутренних перемен. Еще раз повторим — постановка вопроса о пути развития страны и государства, поиск ответа на него, осознание необходимости перемен — эндогенные процессы. Так как раньше нельзя было жить и управлять, прежде всего, по внутренним причинам.

Автор исследования по истории политики, образа мышления и жизни верхушки русского государства в конце XVII в. П. Седов отмечает: «Фёдор Алексеевич[39] и его окружение готовы были дать сословиям «слободины», но с опаской приглядывались к короткому иноземному кафтану и европейской науке, при этом восприятие иноземных новшеств не подразумевало резкого отказа от московской «старины». Возможно, такой путь не был слишком эффективным в военном и политическом отношении, что само по себе не означает невозможности его реализации. Пётр I, напротив, решительно резал длиннополые кафтаны и бороды, посылал учиться за границу, но считал, что сословные вольности западных стран неприменимы к России «как к стене горох». Усиление церковной иерархии при Фёдоре Алексеевиче вело к укреплению сословных прав духовенства, но стесняло заимствования в области культуры. Ликвидация патриаршества превратила цер-

39 Сын и наследник Алексея Михайловича, старший брат Петра I по отцу, правивший с 1676 по 1682 г.

ковь в часть государственной машины, зато позволила провести решительную европеизацию»[40].

Исследователь также замечает, что попытки ограничения самодержавной власти, предпринимавшиеся в XVIII в., их современниками оценивались как возвращение к некогда существовавшему, но нереализованному потенциалу социальных перемен: «затейка верховников» в 1730 году[41], панинский проект ограничения самодержавия при Екатерине II, конституционные проекты Александра I можно представить как высохшее русло реки, по которому так и не пошло развитие государственного строя в России»[42].

В качестве же одной из ключевых причин того, что развитие страны пошло так, а не иначе, П. Седов указывает разобщенность сословий, прежде всего то, что «связанная со двором верхушка была оторвана от менее привилегированных низов»[43].

Вопрос о том, насколько реальной была социальная эволюция Московской Руси, требует особого исследования, прежде всего, конкретно-исторического[44]. **Нам же представляется крайне важным обратить внимание на эволюционный потенциал государства и общества.**

Этот потенциал существовал, но не был реализован. Переход в поиске нового качества от мыслей к действиям обернулся новыми серьезными потрясениями.

Крупнейшим общегосударственным событием второй половины XVII в. стала церковная реформа, породившая раскол.

Сама реформа отражала не мнение и интересы сколько-нибудь значимой части общества, а представление о необходимых переменах царя, патриарха и части их окружения. Это — не случайность, причина которой — личности царя и патриарха, а закономерное следствие феномена разрыва.

40 Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб, 2006. С. 554–555.

41 Попытка ограничения самодержавной власти рядом писанных условий («кондиций»), предпринятая группой представителей дворянства при вступлении на престол Анны Иоанновны в 1730 г. Попытка оказалась неудачной, так как намерения элитной группировки не были поддержаны более широким кругом дворянства. Подробнее см.: Курукин И.Б., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, 2010.

42, 43 Седов П.В. Указ. соч. С. 555.

44 Нам нужно больше знать о людях, социально-экономических реалиях этого ключевого периода российской истории, для того чтобы делать обоснованные выводы, а не использовать отдельные факты и документы, выстроенные в произвольном порядке, для подтверждения умозрительных концепций.

Такой же была модель петровских реформ. Конечно преобразования были масштабнее, затрагивали больше сфер жизни, были ориентированы на Европу и европейскую политику (то есть на тот момент — на объективный центр мировой политики и экономики) и более соответствовали объективным потребностям времени. Однако проблема связи власти и ее планов со страной от этого не становилась меньше.

Специфика общественной реакции — мощное и затронувшее все слои общества выступление против форсировано осуществлявшейся «сверху» церковной реформы «вылилось» в реакцию ухода — как буквального, в труднодоступные места, так и в иной мир.

Преобразования XVII—XVIII вв. от церковной реформы до петровских реформ и резко негативную реакцию на них значительной части населения часто описывают с диаметрально противоположных точек зрения:

- как попытку прорыва к новому качеству, вызвавшую «всплеск архаики», при этом деспотический характер жизненно необходимых реформ был практически неизбежным в отсталой стране[45];
- как столкновение общества и государства, в котором главным проявлением архаики был деспотический характер действий государства по отношению к населению, к обществу[46].

На наш взгляд, ключевая проблема как раз в том, что реформы, качественные изменения, направленные на приведение государства и общества в состояние, адекватное потребностям времени, не преодолевали исторически сложившийся «разрыв».

45 «...Всеобщность крепостнических отношений, приоритет общества над личностью, подавление индивидуализма не являлись следствием имманентной склонности российского государства к принуждению, а объективно порождались совокупностью многих факторов, ибо часто лишь командно-административные, включая плетобойные, методы воздействия оказывались эффективными и считались таковыми самим населением. По-видимому, потребность в таких методах ощущается всеми традиционными аграрными обществами и сохраняется до тех пор, пока они существуют» (Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 76).

46 См., например: Глинчикова А.Г. Раскол и незавершенность русского модерна // Мир России, т. XVIII, апрель 2009 – автор рассматривает торжество государства и официальной церкви как срыв индивидуализации веры, духовную катастрофу общества, которая, в конечном счете, привела к «консервации черт патернализма и авторитаризма в последующих социальных моделях»; Кузнецов А. Место Утопии // Газета.ру, 5.05.12 (http://www.gazeta.ru/science/2012/05/05_a_4572513.shtml): «Никон под видом обряда ломал уклад, ломал жизнь, ломал всё, во что они верили, отнимал самое важное, самое ценное, без чего жизнь немила. А это может быть только одно – воля. До Никона – была, после – не стало. Раньше сами спасались, теперь через начальство надо. У староверов воля осталась, а у нововеров – только если начальство разрешит».

Мы не можем «задним числом» требовать от политиков, живших и действовавших 300 лет назад, осознания и постановки задачи социальной и институциональной модернизации. Однако мы можем говорить о значимости этой задачи и влиянии на развитие страны того факта, что она так и не была решена.

Самое главное — реформы Нового времени в том виде, в котором они были проведены, обеспечили целый ряд изменений, необходимых для продолжения существования общества и государства в условиях европейского Нового времени, но не преодолели и даже закрепили «разрыв».

Кризис государства был преодолен за счет актуализации идеи службы и служилого сословия как главной опоры государства. Платой за службу по-прежнему была земля.

Кроме того, ужесточились и стали фактически непреодолимыми межсословные барьеры.

Крепостное право стало одной из основ государственно-общественного устройства.

Институционализация крепостного права в середине XVII — начале XVIII в. — процесс, который не был прерван петровскими модернизационными реформами, напротив, стал одним из инструментов реформы. Именно этот средневековый по сути институт компенсировал разрыв между обществом и государством и в то же время закреплял его, блокируя естественное развитие и трансформацию крестьянской общины.

В результате в XVIII в. сформировалась и развилась социокультурная пропасть между образованным обществом, с одной стороны, и крестьянским большинством, с другой. Это не просто различия в экономических и политических интересах, уровне образования, культурных предпочтениях. Фактически, речь идет о цивилизационной разнице. Созданная система подчинения крестьянства, основанная на крепостном праве и консервации крестьянской общины, ее закрепляла. Были созданы предпосылки возникновения и углубления социального кризиса по мере естественного развития элементов гражданского общества.

Европеизация не привела к качественным изменениям в системе государство—население—внешний мир: несмотря на интенсификацию контактов с внешним миром, эти контакты по-

прежнему рассматривались властью сквозь призму возможной государственной измены.

> Е. Анисимов: «Несмотря на головокружительные перемены в духе европеизации, Россия при Петре I оказалась открытой только «внутрь», исключительно для иностранцев. В отношении же власти к свободному выезду русских за границу, а тем более к эмиграции их, никаких изменений не произошло. Безусловно, царь всячески поощрял поездки своих подданных на учебу, по торговым делам, но при этом русский человек, как и раньше, мог оказаться за границей только по воле государя. Иной, т.е. несанкционированный верховной властью выезд за границу по-прежнему карался как измена. Пожалуй, исключение делалось только для приграничной торговли, но и в этом случае временный отъезд купца за границу России по делам коммерции без разрешения власти карался кнутом. Прочим же нарушителям границы грозила смертная казнь»[47].

Государство исповедовало закрытость, а в конце XVIII — начале XIX в. (после начала революции во Франции и в особенности после казни Людовика XVI) и антиевропейскость не потому, что опиралось на вековую русскую традицию или было вынуждено считаться с традиционалистским давлением снизу.

Идеи гражданских свобод, ограничения власти государя, народного представительства во власти в той или иной форме казались (да, по сути, и были) разрушительными для сложившейся в XVIII в. социально-политической системы[48].

◆ ◆ ◆

Как в итоге выглядело общество во второй половине XVIII — XIX вв.?

Огромный материк «крестьянского сознания», на котором проживало абсолютное большинство населения страны, связанный с государством посредством крепостного права и административно-бюрократической системы, а с обществом, если под ним иметь в виду европеизированную и социально активную часть, почти никак не связанный.

47 Анисимов Е.Н. Дыба и кнут. С. 32.

48 Кстати, главный ксенофобский тезис XVIII в., не утративший популярности до настоящего времени — немецком засилье в русской власти — сознательно культивировался дочерью Петра I императрицей Елизаветой. Мотив — не иррациональная архаика, а прагматический расчет: «дщери Петровой», пришедшей к власти через свержение законного младенца-императора Иоанна Антоновича, было необходимо дополнительное обоснование собственной легитимности.

Что важно для сознания — политическая утопия. Модель ожидания избавителя-мессии. Не религиозного, а социального. Закрепление «ухода». Утопичность политического сознания. Отсутствие связи политики с реальной жизнью абсолютного большинства населения, не имевшего политического представительства.

Империя и Великие реформы

В то же время российская история второй половины XVIII—XIX вв. — это постепенное развитие образования, поступательное движение к правовому государству и гражданскому обществу.

Уже в реформах Екатерины II прослеживается стремление «не просто осуществить определенные перемены в той или иной сфере, но реализовать научно обоснованный план последовательных и взаимосвязанных преобразований, основанных на важнейших достижениях социальной и правовой мысли того времени..., трансформации политического строя России в «законную» легитимную монархию, опирающуюся на прочный фундамент «непеременных» законов и сословную организацию общества»[49].

Движение было медленным, неравномерным, но это не качание маятника, не пароксизмы реформ, сменяющиеся «всплесками архаики», разочарованием и депрессией. Приведем характеристику реформ императорского периода, данную Б.Н. Мироновым: «В целом, в России в императорский период происходила социальная модернизация: во-первых, люди получали личные и гражданские права, человек становился автономным от коллектива — будь то семья, община или другая корпорация — и как бы самодостаточным, иными словами, приобретал ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей; во-вторых, малая семья становилась автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей; в-третьих, городские и сельские общины изживали свою замкнутость и самодостаточность, всё больше включались в большое общество и систему государственного управления; в-четвертых, корпорации консолидировались в со-

49 Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 523.

словия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти, становилось субъектом власти и управления; в-пятых, по мере признания объективных публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления — государство становилось правовым. Словом, суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в том, что происходил генезис личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства»[50].

«Моментом истины» этого процесса стали Великие реформы 60-х гг. XIX в., инициированные государством.

Важно понимать двойственную роль государства в процессе модернизации. С одной стороны, его оторванность от общества, мотивированность сиюминутными (в историческом масштабе) политическими и геополитическими интересами — препятствие динамичному развитию, с другой — государство — главный инициатор, двигатель и проводник реформ. Иного стратегического курса, цивилизационного выбора, кроме общеевропейского, у русского государства и у страны в целом на протяжении XVIII—XIX вв. не было.

Составной частью этого процесса было возникновение в России общества в его современном понимании — значительного числа граждан, способных думать о самом широком круге проблем, связанных с жизнью и развитием страны и стремящихся тем или иным способом участвовать в решении этих проблем.

Другое дело, что неотъемлемой составной частью общеевропейского процесса были развитие рыночных, капиталистических отношений и политическая эволюция, движение к представительной демократии. И то и другое вступало в реальное противоречие с политической системой, основанной на крепостном праве и полицейской бюрократии. В результате такого когнитивного диссонанса необходимость движения к отмене крепостного права и более широкому кругу реформ начала отчетливо осознаваться уже в начале XIX в., но действия, направленные на решение этой задачи, были предприняты только через 50 лет.

50 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 289.

Великие реформы 60-70-х гг. XIX в. предусматривали серьезное переустройство общества в соответствии с давно накопившимися внутренними потребностями. Вектор реформ был направлен на развитие и дополнительную легитимацию института частной собственности, развитие правового государства и гражданского общества, создание институтов, обеспечивающих обратную связь государства и общества. Земская реформа предусматривала создание впервые в России выборных внесословных учреждений.

Процесс подготовки крестьянской реформы 1861 года соединил усилия государства и гражданского общества, которое к середине XIX в. заявило о себе в полный голос и стало субъектом отечественной общественной жизни и политики.

> А.Н. Медушевский: «Традиционные сословия, сложившиеся в ходе длительного развития, оказались перед лицом вызова времени, требовавшего отчетливой самоидентификации и динамического изменения. Наиболее динамичными в этой ситуации становились относительно новые социальные группы — просвещенная бюрократия, рационально мыслящие представители правящего класса и либеральная интеллигенция. Интеллигенция выступала как своего рода выражение противоречий общества и государства. Опираясь на эти силы, административный аппарат абсолютизма консолидировался, использовал управленческий опыт и подготовил обоснование реформ 1860-х гг., обеспечив механизм их реализации»[51].

Результатом стала концепция реформы, сохранявшая правовую преемственность в отношении собственности на землю, но в то же время направленная на достижение социального компромисса.

Реформы запустили механизм эмансипации большинства населения, разложения традиционной крестьянской общины, формирования в России гражданского общества. Чрезвычайно важной с точки зрения модернизации общества были судебная, земская и военная реформы.

Кратковременный, но крайне плодотворный союз общества и государства распался, не завершившись формированием устойчивых институциональных связей, реформы теряли темп, их про-

51 Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Отечественная история, 2011. № 1. С. 24.

движение встречало сопротивление как архаично настроенной значительной части элиты, так и радикалов, влияние которых на атмосферу в обществе было значительным. Однако страна развивалась в направлении, заданном в 60 —70-х гг. Также и сознательно недооцененные советской историографией реформы П.А. Столыпина, продолжавшие вектор крестьянской эмансипации, действовали и продолжали изменять страну и после смерти их вдохновителя[52].

Продолжением политических реформ стали изменения, введенные Манифестом 17 октября 1905 г.

Шло формирование демократических институтов, проходили выборы, в которых, пусть в неравных условиях, но участвовали представители всех сословий, работала Государственная Дума, в которой шли жаркие политические дебаты, создавались политические партии, развивались СМИ и журналистика, шли состязательные процессы в суде присяжных.

После крушения самодержавия в 1917 году в сложнейших условиях были проведены всеобщие равные выборы в Учредительное собрание, в которых приняло участие большинство населения.

Исказивший процесс трансформации большевистский переворот был не логическим следствием развития общества и общественного сознания и не результатом систематического сопротивления традиционного сознания модернизации вообще. Вероятно, что, продолжая путь к представительной демократии и гражданскому обществу, Россия его прошла бы. Не без потрясений, но без социальной катастрофы. Всё же Россия, пусть и обладая рядом особенностей, в первые полтора десятилетия XX в. принадлежала к числу ведущих держав предвоенного мира[53].

Процесс эмансипации крестьянства, разложения общины, жизненного уклада, связанного с трудовым крестьянским хозяйством, в результате реализации Великих реформ шел весьма активно.

52 Нам близко мнение о потенциале реформы, выраженное М. Давыдовым: «...Столыпинская аграрная реформа представляла собой уникальное явление в русской истории. Она могла и должна была стать началом радикального изменения вектора развития страны. К сожалению, начавшаяся Мировая война разрушила не только реформы, но и страну, в которой они проводились. Другими словами, реформа умерла вместе со страной, которую должна была спасти» (Давыдов М. А. Столыпинская аграрная реформа. Замысел и реализация. Лекция. http://polit.ru/article/2007/02/08/davydov/).

53 Мы говорим о Первой мировой войне.

Б.Н. Миронов, в частности, приходит к выводу, что «за 1861 — 1905 гг., к началу Столыпинской реформы, всего около 3,7 млн дворов из 9,5 млн, или 39 % всех крестьян — членов передельных общин, разочаровались или не доверяли вполне передельной общине и в большей или меньшей степени отказались от ее традиционных принципов»[54]. После Столыпинской реформы, к 1917 г., по его расчетам, «полностью порвали с общинным укладом жизни, укрепив землю в собственность, 3,1 млн дворов, наполовину порвали с передельной общиной, перейдя к фактически подворной собственности, 2,3 млн; испытывали неудовлетворение общинными порядками, но остались в общине 0,747 млн дворов, следовательно, всего в той или иной степени недовольных общинным строем жизни в 1907—1916 гг. насчитывалось около 6,1 из 10,9 млн дворов или 56 % всех крестьян, живших до Столыпинской реформы в условиях передельной общины»[55].

Грамотность среди мужчин старше 9 лет, составлявшая в конце XVIII в. 6 %, в 1850 — 19 %, в 1913 — 54 % , у женщин — 26 %[56]. Б.Н. Миронов отмечает, что «грамотность стала быстро повышаться, обгоняя даже текущие потребности народа в ней, развивалась склонность к серьезному чтению, наметился переход крестьянства от устной культуры к письменной»[57].

Кроме того, рассматривать надо весь комплекс Великих реформ, который очень значительно изменил условия жизни крестьянского сословия и затрагивал общие основы социального устройства России.

А. Медушевский отмечает: «Концепция реформ включала создание системы институтов обеспечения обратных связей общества и государства. Последующими реформами закладывались основы гражданского общества и правового государства, причем общий вектор состоял в унификации гражданских прав и расширении общественного представительства в институтах самоуправления. Земская реформа, правовые основы которой сформулированы в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» (от 1 января 1864 г.), способствовала привлечению населения к управлению и закладывала институциональную основу преодоления сословной замкнутости — каналы вертикальной социальной мобильности. Впервые создавалась система выборных всесословных учреждений, выбо-

54 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 481.
55 Там же. С. 482.
56 Там же. С. 294.
57 Там же.

ры гласных в которые осуществлялись на цензовой основе не только от землевладельцев, торговцев и промышленников, но также от сельских обществ. В результате была создана (первоначально в 34 губерниях) система уездных и губернских земских собраний, формировавших земские управы соответствующего уровня. Активная деятельность земства в хозяйственной сфере, строительстве, школьном образовании, страховании и медицинской помощи способствовала кооперации социальных слоев, формированию новой гражданской этики. Эти принципы были распространены на городское самоуправление... Переход от сословных судов, созданных еще законодательством Екатерины II в 1775 г., к суду бессословному, равному для всех подданных, стал ключевым результатом Судебной реформы 1864 г., действительно обеспечивавшей «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Несмотря на то, что правовой дуализм не был преодолен полностью (крестьяне получили особые волостные суды для решения дел, возникающих в их сословной среде), реформа качественно переломила ситуацию в пользу принципов правового государства... Смысл Судебных уставов 1864 г. состоял в установлении независимости и несменяемости судей; отделении судов всех трех инстанций — мировых, окружных и судебной палаты — от администрации; в реализации демократических основ судопроизводства — его открытость и гласность, состязательный характер — рассмотрение аргументов обвинения (прокурора) и защиты (адвоката), вынесение вердикта присяжными и установление судебного приговора... Уравнивание сословий перед законом и государством стало смыслом военной реформы, осуществленной А. Милютиным: воинская повинность была распространена на все сословия (устав о воинской повинности 1874 г.), причем принципы судебной реформы были положены в основу деятельности военных судов (Военно-судебный устав 1867 г.). В концептуальной форме новая социальная практика выразилась в идее земского либерализма о «мелкой бессословной единице» как ячейке формирующегося гражданского общества и основе перехода от монархии к представительному образу правления»[58].

Вместе с тем надо учитывать, что разрушение общины, а также жизненного и экономического уклада, связанного с трудовым

58 Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России... С. 6–7.

крестьянским хозяйством, не было симметрично изменениям в массовом сознании. В частности, увеличившийся приток населения из деревни в город влек за собой размывание рабочей среды, архаизацию «рабочего сознания», в сочетании со специфическим представлением о господской собственности формировал устойчивую традицию воровства на производстве (у хозяина, работодателя, но не у товарищей).

> Автор исследования о ментальности русских «низов» в годы Первой мировой войны О. Поршнева констатирует распространенность этого явления: отсутствие уважения к чужой собственности и убеждение в несправедливости распределения общественного богатства, стяжательстве «верхов» обусловливали устойчивость такого явления, как воровство. По свидетельству В. Плетнёва, «оно было для многих этически не возбуждавшим особых мыслей фактом: «поймал карася» (подшипник), «увёл» пару-другую болтов, кусок бабиту или меди — дело простое: «они» больше воруют». Рабочие рассматривали воровство как дополнительный заработок, поэтому оно оставалось обыденным явлением. Часто встречалось обусловленное этими же ментальными установками нарочито небрежное отношение рабочих к оборудованию и материалам... при том, что к своему инструменту рабочие (выходцы из крестьян) относились весьма бережно[59].

Кроме того, если необратимость социальной трансформации была задана Великими реформами, то ее темп прямо зависел от дальнейших осмысленных действий политического руководства, а эти действия вплоть до Первой русской революции и премьер-министерства П. Столыпина ускорению перемен не способствовали. В результате социальная трансформация к 1914 г. была далеко не завершенной и продолжалась она в условиях большевистского социального эксперимента.

Исторический характер, крестьянское общинное сознание

Мы намереваемся говорить не об этносе, а о народе в социально-политическом понимании. А с этой точки зрения нет обобщенного и усредненного «народа», на протяжении столетий сохранявшего общие типические черты. Этой характеристике

59 Поршнева О.В. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 130–131.

наиболее соответствует крестьянство, долгое время составлявшее абсолютное большинство населения страны и действительно обладавшее оригинальным мировоззрением, изучение которого возможно. Правда, говоря о чертах крестьянского сознания в применении к сегодняшним реалиям, надо делать поправку на то, что процесс интеграции крестьянства в индустриальное общество и соответствующей трансформации сознания был искажен коллективизацией, превратившей трудовое крестьянство, кровно связанное с землей, в обезземеленную и тотально пораженную в правах «рабсилу».

Кроме того, специфика российской истории в том и состоит, что крестьянская масса и образованное общество долгое время были разделены фактически цивилизационно. Поэтому черты сознания европеизированного образованного общества, сформировавшегося в XVIII—XIX вв., заслуживают отдельного изучения.

Еще один элемент мозаики отечественного общественного сознания — ментальность коммерсантов и предпринимателей. Учитывая важность представлений о частной собственности, предпринимательстве и конкуренции и вообще «духа капитализма» для формирования всех институтов буржуазного общества, отметить особенности этой части общественного сознания в рамках данной работы особенно важно.

Отдельно надо ответить на вопрос о влиянии на образ мысли всех категорий общества православия. Здесь много стереотипов, которые кажутся аксиомами, но на поверку являются атавизмами воинствующего атеизма, целенаправленно подменявшего знания о религии клишированными инвективами.

Наконец, особого внимания заслуживают этно- и геополитические мифы, воспроизводимые и транслируемые государством, исторически отделенным от общества.

◆ ◆ ◆

В центре традиционного крестьянского сознания — мифический образ земли, который, возможно, более значим, чем все остальные крестьянские идеи вместе взятые. Земля и работа на ней определяет весь ход жизни крестьянина.

Далее приведем цитату из исследования, основанного на материалах Поволжья начала XX в., но, по нашему мнению, дающего представление об архетипах крестьянского сознания в целом.

«К мифам крестьянства и о крестьянстве можно отнести следующие сюжеты:

- мифический образ Земли;
- основная доктрина социальной утопии — идея «черного передела»[60] как способа преодоления кризиса потребительского хозяйства;
- миф об идеальном варианте социальной организации, выстроенной на приоритетах общинного архетипа;
- миф о Воле как синкретическое представление, поглощающее все прочие элементы политического сознания крестьянства;
- миф о Царе в смысле эмоционального восприятия верховной власти, выражающий сущность одной из опорных конструкций национального менталитета;
- образ Государственной Думы как результат нового мифотворчества;
- фанатичная убежденность в необходимости и неизбежности реального воплощения социальной утопии;
- сакрализированное представление о войне как воплощение социального идеала службы государству;
- представление о «бунте» как ритуале социального поведения, выступающем каналом «настройки» механизма властного регулирования, а кроме того, наиболее радикальным способом регуляции сверхсильных переживаний»[61].

Все перечисленные «мифы» так или иначе связаны с землей: воля — это, прежде всего, возможность работать на земле, царь — хранитель земли, война — служба государству, ожидаемая награда за которую — земля и т.д.

Особое внимание обратим на появление в приведенном списке образа Государственной Думы.

В принципе, для общинного сознания характерна привязанность к устоявшемуся укладу, приоритет стабильности.

60 «Черный передел» — идея передачи всей земли в пользование крестьянских общин и ее перераспределение между членами общин по трудовому принципу.

61 Сухова О.В. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 615.

> Говоря об общинном сознании, Б.Н. Миронов отмечает: «Уверенность в том, что завтра будет так же, как сегодня, представляла для крестьянства более значимую ценность, чем движение вперед, обещавшее с большей или меньшей вероятностью, что завтрашний день будет лучше сегодняшнего. Стабильность они ценили выше, чем эффективность, уверенность — больше, чем прогресс, связанный с риском и неустойчивостью: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе»[62].

В то же время присутствует ожидание качественного прорыва, связанного с реализацией крестьянской земельной утопии.

> Устойчивое, характерное для массового народного сознания явление, фиксирующееся, по крайнее мере, со второй половины XVIII в., — ожидание качественного изменения отношения государства к народу после каждой крупной военной победы. Во время русско-турецких войн 70-х гг. XVIII в., Отечественной войны 1812 г., Крымской войны (1853—1856) — ожидание «воли», то есть отмены крепостного права. В конце и сразу после Великой отечественной — ожидание отмены колхозов.

Появление в списке важнейших для крестьян образов Государственной Думы — также свидетельство пластичности крестьянского сознания, его способности приспосабливаться к переменам, осваивать новые реалии, опираясь на традиционный образ народного представительства, альтернативный царской власти.

> О. Сухова пишет о нем: «В начале XX в. в системе политических представлений крестьянства появился новый, освященный религиозной традицией образ Государственной Думы, трактуемый в традициях корпоративной этики как собирательный образ крестьянства, как «голос земли». Однако все остальные институты государственного управления нарушали идиллию мифа и были отмечены явно выраженными негативными характеристиками. Гарантией победы над начальством выступала в представлениях крестьянства идея выборности всех властей сверху донизу»[63].

Надо отметить, что формированию пластичности, умения трансформироваться в соответствии с меняющимися внешними условиями способствовал исторический опыт. Пластичность — оборотная сторона конформизма и готовности терпеть — черт менталитета, которые традиционно относятся к антимодернизационным. Однако в действительности при четком модернизационном векторе, заданном «сверху», и продуманности самих

62 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 455.

63 Сухова О.В. Указ. соч. С. 616.

реформ эти же особенности «народного характера» могли стать для реформаторов опорными точками.

Что касается общинного коллективизма и подавления самостоятельности мышления, то, несмотря на привязанность крестьянина к общине, он не превращался в обезличенный «винтик»:

> Б.Н. Миронов: «Современники прозападной ориентации полагали, что всесторонняя и мелочная регламентация, сильное давление традиции сковывали человека, не оставляли малейших возможностей для проявления инициативы и выражения индивидуальности, приводили к полному поглощению личности общиной. Община, бесспорно, очень сильно ограничивала самостоятельность крестьянства, но превратить его в робота она не могла по той причине, что не существовало, да и не может существовать правил на все случаи жизни. Жесткие нормы поведения были выработаны для некоторых принципиальных и часто повторяющихся случаев. Но в большинстве ординарных, а также и неординарных ситуаций, когда одни нормы поведения вступали в противоречие с другими и требовали выбора, крестьянин должен был самостоятельно применять общие руководящие принципы поведения, и здесь оставалось достаточно места для личной инициативы»[64].

Иное дело — свойственное общинникам стремление делать и быть «как все», ориентация на единые нравственный идеал и представление о правильном образе жизни. Это действительно значимый фактор, обусловливающий склонность традиционного сознания к конформизму.

Мы также считаем упрощением тезис о превалировании в традиционном сознании русского общинника коллективной ответственности над индивидуальной. Есть разница между отношением общины и государства, в которых община действительно выступает в качестве единого целого, и индивидуальными психологическими чертами. Защита «круговой порукой» от внешнего мира не означает снятия с члена общины ответственности за свои поступки, образ жизни, следование моральным нормам, перед семьей, общиной, наконец, как христианина перед Богом[65].

64 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 458.

65 Тезис о превалировании в традиционном русском сознании коллективной ответственности перед Богом, основанный на сопоставлении «большой» и «малой» эсхатологии, нам знаком, но представляется весьма сомнительным. Обычно приводимая в его поддержку система доказательств легко подвергается критике, но это – тема для отдельного разговора.

При этом говорить о некоем «перераспределении», облегчении индивидуальной ответственности все же можно. Мы имеем в виду возложение ответственности за бедствия, неудачи, бедность и т.д. на непреодолимые внешние обстоятельства — судьбу, «долю», «лихо», «горе-злосчастье».

> Тема горя-злосчастья, например, широко присутствует в русских сказках. И есть только один способ избавиться от «горя-злосчастья» — перехитрить и уйти. Впрочем, сказки — столь древний, многослойный и неоднозначный источник, что весьма обоснованным выглядит и альтернативное мнение о смысле сказок об обманутом «горе-злосчастье»: в их сюжете видится самостоятельность героя, уверенность в себе, готовность противостоять судьбе, обстоятельствам и выигрывать[66].

> Закрывая тему сказок как источника сведений о национальном характере, скажем еще, что расхожее противопоставление бездельника Ивана Дурака (или Емели) как якобы главного героя русских сказок, трудолюбивому английскому поросенку Наф-Нафу, безосновательно. Во-первых, центральное, смыслообразующее место в корпусе русских сказок занимают волшебные сказки с главным героем, скорее Иваном Царевичем, чем Дураком. Во-вторых, аналог «Трех поросят» среди русских сказок о животных есть, это «Зимовье Зверей»[67]. Там предусмотрительный бык строит на зиму дом, а понадеевшиеся «на авось» баран, гусь и петух, чтобы не замерзнуть, приходят к нему, тем самым признавая правоту его позиции. Их отношения складываются не столь идиллически, как у братьев-поросят: бык беспечных гостей пускать не особенно хочет, но вынужден это сделать, потому что в противном случае они угрожают повредить (каждый по-своему) его крепкий дом. Однако вынужденная ставка на коллективное взаимодействие оправдывает

66 Советский исследователь русских сказок И. Юдин замечал: «В отличие от волшебных рассказов в бытовых сказках о Горе герой-бедняк побеждает горе не смирением, но умом, хитростью, предприимчивостью и верой в свои силы. <...> Сказочное представление о судьбе противопоставлено всему комплексу мистико-фаталистических идей, связанных с судьбой, осуществляющей свою власть с неотвратимой и устрашающей силой. В сказке царит веселый смех, отвергающий и побеждающий фатализм и страх перед роковыми силами, освобождающий сознание от их власти. Сложные мистико-идеологические построения разрушаются и обессмысливаются. Побеждает предприимчивость и воля простолюдина, привыкшего во всём полагаться на свой разум. В свете такого понимания выглядят неубедительными попытки представить сказки о Горе и Доле порождением мелкособственнической бедняцкой идеологии покорности и индивидуалистической зависти. <...> Суть дела заключается в прямо противоположном: сказка отвергает идею покорности судьбе и готовит крестьянское сознание к более свободному, широкому и неискаженному взгляду на собственное социальное бытие» (Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка // Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт. Исторические корни бытовой сказки. М.: Лабиринт, 2006. С. 126).

67 Сюжет № 64 по классификации А.Н. Афанасьева.

себя: когда дом подвергается атаке волка, усиленного медведем и лисой, победить их удается только «всем миром». На пространстве этой разницы с английской сказкой было бы интересно порассуждать о национальных характерах, индивидуализме и коллективизме, но это предмет для другого разговора, потому что общего у сказок оказывается больше, чем различий.

Еще одна ключевая характеристика традиционного крестьянского сознания — локальность, ограниченность реальной жизни общиной. При этом в категорию «чужого» попадает всё, что находится за пределами общины, внешний мир скорее опасен и враждебен, ничего хорошего оттуда прийти не может. Локальность ослабляет как вертикальные (между обществом и государством), так и горизонтальные (внутри общества) связи.

Заведомо гротескно, но небезосновательно эта черта так описана Ф. Решетниковым: «Подлиповцы уже привыкли к такой жизни, свыклись и с своими болезнями. Они знают, что помочь им некому; даже самые люди против них. Все они жители своей деревни, родня друг другу — отцы, братья, сестры, кумовья и кумушки: родни у них много и в других деревнях, но те не любят их, не знаются с ними, потому что и сами-то они голые, и от подлиповцев нечего взять. Со своей стороны и подлиповцы не любят их и не ходят к ним. Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермякской веры держатся, слывут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами: захочет подлиповец посадить килу (грыжу) — посадит, захочет, чтобы такой-то умер — умрет»[68].

Комбинация идеи «черного передела» и политической локальности крестьянского сознания — причина того, почему большевики победили в Гражданской войне, опираясь на крестьянство, а потом смогли осуществить стратоцид в отношении самой многочисленной социальной группы России.

Исследователи отмечают: «Крестьянство, отстраненное и изолированное в течение своей истории от участия в государственных делах, не имевшее никакого опыта интегрированности в политическую структуру государства, объективно не могло выработать политическую альтернативу в виде собственных программных установок. Локальность аграрного мира, дополненная сезонным циклом сельскохозяйственных работ, объективно создавала преграду для организации крестьянского движения на централизо-

68 Цит. по: Решетников Ф.М. Подлиповцы // Решетников Ф.М. Между людьми. Повести, рассказы и очерки. М.: Современник, 1985.

ванной основе, объединяющей, не говоря об остальной части территории страны, хотя бы отдельные регионы»[69].

Религиозная составляющая крестьянского сознания — православие. Существует весьма распространенное в интеллигентской (а также и в научной и даже отчасти в клерикальной) среде мнение об исторической неглубокости и неукорененности христианства, на низовом уровне подменяемого фактически сохранившимся язычеством.

В действительности сложносоставное и одновременно цельное общинно-народное сознание невозможно определять через однозначные суждения.

В низовом, народном понимании православия, а тем более в традиционном быте, конечно, легко найти яркие примеры сохранения языческих традиций и верований. Однако сосредоточиться на них — значит забыть о глубоком базовом преобразующем воздействии христианства. Все-таки, религиозный мир русского крестьянства, морально-этическая основа его бытования — это не язычество, подернутое внешними христианскими обрядами, он христианский в своей основе, хоть и весьма своеобразный.

Частный, но показательный пример. Современное исследование писем к Иоанну Кронштадтскому[70] «публики» самого разного происхождения, социального положения, уровня образования показывает, что больше всего «язычества» (магизма, отношения к молитве и религиозным обрядам как к своего рода волшебству) не в просьбах необразованных людей помолиться за них и их близких, а в посланиях светских образованных дам, европеек в быту.

В художественной литературе яркий образ «народного» православия, в котором при наличии множества своеобычных черт и даже предрассудков сохраняется и передается из поколения в поколение духовный смысл христианства, создал Иван Шмелев. Один из главных героев его произведений «Лето Господне», «Богомолье» и др. старый плотник высокой квалификации Михаил Панкратович Горкин — воплощение народной веры. Именно он вводит в мир православия хозяйского сына мальчика Ваню, то есть самого автора: «Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленницу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на

69 Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и его последствий. М.: Голос-Пресс, 2010. С. 526.

70 Киценко Н. Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

них поливают уксусом. Старая моя нянька Домнушка ходит за Горкиным и поливает, в тазу шипит, и подымается кислый пар, — священный. Я и теперь его слышу, из дали лет. Священный... — так называет Горкин. Он обходит углы и тихо колышет тазом. И надо мной колышет.

Вставай, милок, не нежься... — ласково говорит мне, всовывая таз под полог. — Где она у тебя тут, масленница-жирнуха... мы ее выгоним. Пришел Пост — отгрызу у волка хвост. На постный рынок с тобой поедем, Васильевские певчие петь будут — «душе моя, душе моя» — заслушаешься.

Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост. И Горкин совсем особенный, — тоже священный будто. Он еще до свету сходил в баню, попарился, надел все чистое, — чистый сегодня понедельник! — только казакинчик старый: сегодня все самое затрапезное наденут, так «по закону надо». И грех смеяться, и надо намаслить голову, как Горкин. Он теперь ест без масла, а голову надо, по закону, «для молитвы». Сияние от него идет, от седенькой бородки, совсем серебряной, от расчесанной головы. Я знаю, что он святой. Такие — угодники бывают. А лицо розовое, как у херувима, от чистоты. Я знаю, что он насушил себе черных сухариков с солью, и весь пост будет с ними пить чай — «за сахар»[71].

Завершая описание базовых черт крестьянского сознания, еще раз подчеркнем его пластичность, способность и готовность осваиваться в новых условиях, наполнять старые формы новым содержанием. Сталкиваясь со стереотипными представлениями о русском крестьянстве, надо постоянно задаваться вопросом, не скрывается ли за маской забитого и отсталого тугодума сметливый и рациональный хозяин, не желающий открывать свое истинное лицо чужому[72].

71 Шмелев И. С. Лето Господне // Шмелев И. С. Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве. М.: Московский рабочий, 1990. С. 5.

72 Проблема недостатка знаний об истинной жизни крестьянства у образованных современников существует и значима для современной науки. Например, современные историки пересматривают взгляд на урожайность в начале XX в. и состояние внутреннего хлебного рынка. Выясняется, что статистические данные, составленные на основании опросов крестьян, оказываются явно заниженными. Этой теме, в частности, посвящены весьма убедительные работы М. Давыдова. См., например, Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. М., 2003.

◆ ◆ ◆

Традиционное отношение крестьянства к реальному государству, представленному чиновниками — отрицательное, как к чужакам, появление и вмешательство которых ни к чему хорошему привести не может.

Реальное государство, представленное чиновниками, не только «нарушало идиллию мифа», как об этом справедливо пишет О. Сухова, но и воспринималось как притеснитель, источник проблем, способный в любое время нарушить привычный ход жизни.

Это государство для общины — чужая чуждая внешняя сила.

Покорность «начальству» при этом — это покорность непреодолимым обстоятельствам, а не выражение поддержки или признание его требований справедливыми.

> Весьма точные слова для описания отношения крестьянства к власти за пределами общины нашел А.И. Герцен: «Кроме царя и духовенства, все элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянин находится, в буквальном смысле слова, вне закона. Суд ему не заступник, и все его участие в существующем порядке дел ограничивается двойным налогом, тяготеющим на нем и который он взносит трудом и кровью. Отверженный всеми, он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб, и что задача правительства и помещиков состоит в том, как бы вымучить из него побольше труда, побольше рекрут, побольше денег. Понявши это и одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем. Иначе и быть не может: если б он говорил правду, он тем самым признавал бы над собою их власть; если б он их не обкрадывал (заметьте, что со стороны крестьянина считают покражею утайку части произведений собственного труда), он тем самым признавал бы законность их требований, права помещиков и справедливость судей.
>
> Надобно видеть русского крестьянина перед судом, чтобы вполне понять его положение; надобно видеть его убитое лицо, его пугливый, испытующий взор, чтобы понять, что это военнопленный перед военным советом, путник перед шайкою разбойников. С первого взгляда заметно, что жертва не имеет ни малейшего доверия к этим враждебным, безжалостным, ненасытным грабителям,

которые допрашивают, терзают и обирают его. Он знает, что если у него есть деньги, то он будет прав, если нет — виноват.

Русский народ говорит своим старым языком; судьи и подьячие пишут новым бюрократическим языком, уродливым и едва понятным, — они наполняют целые in-folio грамматическими необразностями и скороговоркой отчитывают крестьянину эту чепуху. Понимай как знаешь и выпутывайся как умеешь. Крестьянин видит, к чему это клонится, и держит себя осторожно. Он не скажет лишнего слова, он скрывает свою тревогу и стоит молча, прикидываясь дураком.

Крестьянин, оправданный судом, плетется домой такой же печальный, как после приговора. В обоих случаях решение кажется ему делом произвола или случайности.

Таким образом, когда его призывают в свидетели, он упорно отзывается неведением, даже против самой неопровержимой очевидности. Приговор суда не марает человека в глазах русского народа. Ссыльные, каторжные слывут у него *несчастными*»[73].

Надежды Герцена на крестьянскую общину как прообраз нового общества, конечно, сегодня выглядят необоснованными, но верность характеристики отношений между общиной-общинниками и государством-чиновниками подтверждают и современные исследования. Б.Н. Миронов, в частности, называет крепостное право и чиновников в числе объектов, вызывающих наиболее негативное отношение крестьян.

Важно также отметить, что традиционно негативное отношение к суду и закону, объективно отраженное, в частности в фольклоре, не является свидетельством правового нигилизма.

Б.Н. Миронов: «Между законом и обычаем имелись серьезные противоречия, что являлось главным фактором частых конфликтов между крестьянами, с одной стороны, и помещиками и государством, с другой. В сущности, все бунты крестьян имели правовую основу — расхождение между законом и обычаем, так как многое из того, что казалось справедливым крестьянам и соответствовало обычаю, не казалось правильным администрации и помещикам, не соответствовало закону, и наоборот. В сборнике В.И. Даля все пословицы отзываются о законе отрицательно («Где закон, там и обида», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили»), напротив, обычай уважается, ставится выше закона... Необходимо подчеркнуть, что негативная оценка крестья-

73 Герцен А.И. Русский народ и социализм (авторизованный перевод) // Герцен А.И. Собрание сочинений в 2-х томах. М.: Мысль, 1986. С. 165–166.

> нами закона вовсе не свидетельствует об их нигилизме к правовому регулированию общественных отношений, как часто думают и ради доказательства чего цитируют эти пословицы. Негативизм к закону указывает лишь на наличие противоречий между ним и обычаем»[74].

Помимо реального государства, представляемого чиновниками, в общинном сознании существовало идеальное представление о государстве (в целях идентификации назовем его Державой), основная функция которого — защита Земли.

Держава совпадает с государством, когда речь идет о защите от внешних посягательств. При этом речь идет не о внешнеполитической, военной функции вообще, а о противостоянии вторжению чужеземцев.

> Это польско-шведское вторжение начала XVII в. и народное движение, фактически восстановившее разрушенное государство; вторжение «двунадесяти языков» и Отечественная война 1812 г.; вторжение гитлеровской Германии и Великая отечественная. В этих трех случаях война с чужеземцами воспринималась как народная[75]. К другим войнам иное отношение. Это «затеи» государства, которому надо подчиняться по необходимости и платить за реализацию его целей жизнями, тем более в случаях, когда война не связана (реально или по слухам) с приобретением земли. Один из ключевых процессов, предшествовавших революциям 1917 г., — трансформация массового, «низового» отношения к войне — от образа борьбы против иноземцев за царя и свою землю к образу бессмысленной бойни, которая ничего не дает крестьянству.

Еще один элемент, связывающий общинное сознание с государством, — идеальный образ царя — защитника, выразителя народных чаяний и идеального мироустройства.

> «Царь предстает в образе поставленного и, следовательно, ограниченного богом и избранного народом судьи, исполняющего закон в пользу убогих и притесняемых и несущий ответственность в виде божьего гнева»[76].

74 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 439–440.

75 Мы говорим не об официозных характеристиках, нам известно о сегодняшней дискуссии вокруг пропагандистких мифов, касающихся событий 1612, 1812 и 1941–1945 гг. Но вне зависимости от мифов, создаваемых государством вокруг народного подъема, и того, как государство использовало тот подъем, отношение населения страны к происходившим тогда событиям действительно качественно отличалось от отношения к участию в иных военных конфликтах.

76 Кантор А.М. Община, мир, государь, бунт – Реформы второй половины XVIII — XX вв.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989.

> «Крестьянский политический менталитет еще в начале XX в. сохранил от XVI—XVII вв. идею богоустановленности власти — власть от Бога и принадлежит царю, идею, что царь — это земной Бог, заботливый отец бедного люда, представление о царе как персональном государе (т.е. крестьянин понимал царя как своего господина), как о верховном собственнике всей земли, всего государства, как о патриархе всех русских людей, который может сделать все на земле. «Царь-государь наш земной Бог. Царь — примерно отец в семье, а отечество — мать, да сестра». Эти наивные парадигмы были столь же стойкими, как и наивная крестьянская вера в Бога без твердого знания веры и догматики»[77].

Отождествление царя с «земным Богом» отнюдь не равно обожествлению конкретной личности по языческой модели. Самодержец волен в своих действиях только в той мере, какой они отражают Божью волю, то есть представление общинного сознания о справедливости, нравственном идеале.

Десакрализация конкретного правителя может произойти и без разрушения традиционной модели сознания. Царь, не соответствующий народным представлениям об идеальном правителе, либо превращается из Божьего помазанника в антихриста (Алексей Михайлович и Петр I в сознании приверженцев «старой веры»), либо противопоставляется альтернативной фигуре, признаваемой «истинным царем» (широкое распространение самозванства в XVII—XVIII вв. — от Лжедмитриев до Пугачева — Петра III)[78]. Отделением конкретного человека от идеального образа объясняется и резкое падение популярности в массовом сознании Николая II. Архетип авторитарного лидера, народного защитника при этом, в целом остался значимым, что способствовало вождизму большевистского периода. Впрочем, перенесение отношения к царю на отношение к вождю не было единственным путем трансформации царско-державного мифа традиционного сознания. Возможным было и «перенесение сакральных свойств с одной ипостаси национального абсолюта — власти—царя — на другую — народ»[79].

Наконец, важное место в системе взаимоотношений крестьянского общества с «начальственным» миром — помещиком, чиновником, государственной властью в целом, занимает бунт.

77 Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 238.

78 См. Троицкий С.М. Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории, 1969. № 3.

79 Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. С. 84.

Бунт не является полностью иррациональным, бессмысленным всплеском насилия, как это может показаться со стороны. Однако это и не акт гражданского действия, направленный на достижение логически обоснованных целей. Это социальный ритуал, приспособленный к существованию в неизменном кругу вещей. Его суть — спонтанная эмоциональная реакция, одна из двух главных функций которой — снятие психического напряжения. Политическая функция бунта — не претензия на власть и даже не претензия на влияние на власть. Власть от пространства ритуального бунта принципиально отделена. Функция бунта — только той или иной силы сигнал власти о том, что что-то не так, сигнал о необходимости «настройки механизма властного регулирования», не претендующий на изменение самого механизма[80].

◆ ◆ ◆

Крестьянское отношение к частной собственности и к труду неотделимо от земли и работы на ней. Традиционно русское негативное отношение к частной собственности и богатству, о котором довольно часто говорят публицисты и ученые, — это именно отношение к единоличной частной собственности на землю, которая для общинного сознания «божья» и должна находиться в распоряжении тех, кто на ней непосредственно работает. Если же говорить о фактической собственности, реализуемой через использование и (частично) распоряжение, то таким, практическим, собственником земли в крестьянском сознании была община, причем фактически своей крестьяне-общинники считали и помещичью землю, на которой работали. Претензии на помещичьи земли правильнее рассматривать не как отрицание в принципе права частной собственности и защищающего его закона, а сквозь призму социокультурного разделения русского общества, а также актуальной и сейчас проблемы совмещения уважения к частной собственности и соблюдения исторической справедливости, необходимой для ее легитимации[81]. С точки зрения крестьянского сознания претензии на помещичью зем-

80 Механизм бунта подробно описан в работе О.В. Суховой, уже не раз нами цитировавшейся.

81 Подробнее об этом см. фундаментальный труд А.Н. Медушевского: Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI в. М.: Институт российской истории РАН, 2005.

лю и захват помещичьей земли были не покушением на чужое, а взятием своего, исконно им принадлежавшего.

Важно также то, что представление о невозможности единоличной частной собственности на землю не мешало существованию четких границ как земель, принадлежавших различным общинам, так и наделов, которыми пользовались отдельные семьи. Разграничение своего и чужого было четким, а межевые споры и конфликты — одними из самых жестоких.

При этом признание верховенства общины в распоряжении землей нередко соседствовало со стремлением закрепить наследственные права на конкретное держание.

> «Взгляд на «старинную деда и отца пашенную землю» или «природную родительскую и отцовскую пашенную землю», был одновременно обращен и против посягательств землевладельца, и чрезмерно ретивых сторонников переделов. Соотношение противоположных сил внутри общины зависело от конкретной исторической и местной ситуации. В целом, у государственных крестьян представление о том, что своим держанием можно «владеть вечно, и на сторону продать, и заложить, и во всякие крепости укрепить», было более выражено. Однако и помещичьи крестьяне оценивали значительную часть земель таким же образом»[82].

С потребительским аграрным хозяйством связана и крестьянская трудовая этика, не поощряющая труд ради одной лишь наживы, накопления богатства ради богатства.

Эти представления, связанные с работой на земле, некорректно распространять на отношение к частной собственности, богатству и труду вообще. Земля сакральна, поэтому и не может принадлежать никому, кроме Бога. Иная крупная частная собственность такого сакрального статуса не имеет. Она для крестьянина скорее нечто чужое, не относящееся к его миру.

За глубоко коренящееся негативное отношение или, по крайней мере, неуважение русских крестьян и их потомков к собственности вообще, на наш взгляд, часто принимается совсем другая черта традиционного сознания — локальность, ограничивающая действие этических норм «ближним кругом» или своей социальной группой. Она сопрягалась с представлением о заведомо несправедливом распределении благ в мире. Результат — мораль, не допускающая покушения на собственность соседа и позволяющая воровать на производстве.

82 Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. С. 230.

Еще одна актуальная черта сознания, восходящая к крестьянской этике — увязка отношения к индивидуальному богатству с соблюдением его обладателем ряда этических норм. Впрочем, четкая связь обладания богатством и следования этическим нормам, диктуемым религией — это одна из основ протестантского «духа капитализма».

Говоря об общинном землевладении, также надо отметить, что общинная земля распределялась между крестьянскими хозяйствами — не индивидуальными, конечно, а семейными, но самое главное здесь в том, что ответственность за работу и ее результат не была коллективной, общинной. Работники каждого крестьянского хозяйства осознавали связь между своим трудом и его результатами.

◆ ◆ ◆

Мы уделили так много внимания общинному, крестьянскому сознанию, потому что именно крестьянство составляло львиную долю населения добольшевистской России. Более того, характерные черты сознания и образа жизни объединяли и деревенскую, и недворянскую городскую (мещанскую, купеческую) культуру, включая характер мышления, образ жизни, ценностные ориентиры, включая своеобразный сплав христианских догматов и народных верований. Это база национальной ментальности, в которой стоит в первую очередь искать некие специфические глубинные черты, отличающие здешнее сознание, миросозерцание, миропонимание. К этой базе приникала и дворянская культура — через сказки и песни Арины Родионовны и других, для нас безымянных нянек, кормилиц, через общение с дворовыми, через уклад жизни помещичьего дома и городской дворянской усадьбы, через землю, воздух, язык...

Нашей задачей не было всестороннее описание крестьянского быта и крестьянской ментальности[83]. Сама по себе трансформация общества от аграрного к индустриальному скорее универсальна, чем специфична. Ключевая особенность России в том —

83 На эту тему существуют высокопрофессиональные работы, которые позволяют детально представить себе крестьянский мир во всех его измерениях, к ним, в частности, относятся уже не раз цитировавшиеся нами книги О. Суховой и Б. Миронова. К ним можно добавить работы М.М. Громыко, например: Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.

как завершался этот процесс — уже в условиях тоталитарного государства с национализированной экономикой, когда крестьянство было насильственно лишено земли и стало объектом государственного террора. И все же, и крестьянская община, и трудовое крестьянское хозяйство, и соответствовавший им уклад жизни давно ушли в прошлое.

Сегодня нас интересуют, главным образом, не отголоски аграрного уклада, каким-то образом дожившие до XXI века. Если они и есть, то явление это окказиональное и уходящее. Интерес представляет воспроизведение моделей мышления и поведения, связанных с разрывом между обществом и государством и феноменом ухода.

Мы полагаем, что они действительно присутствуют в массовом сознании и представляют собой фактор, с которым необходимо считаться.

Коммерсанты, предприниматели, буржуазное сознание

Традиционное крестьянское сознание было кровно связано с потребительским хозяйством. Однако делать из этого очевидного факта вывод об онтологическом противоречии между «культурным кодом» нации и капиталистическим укладом не стоит.

Относительно купеческого сословия, состоявшего из русских православных людей, принадлежавших, скорее, к традиционной культуре в ее широком понимании, можно говорить о формировании буржуазного сознания.

Мотивация деятельности многих русских купцов была проникнута «привычкой к делу», «духом капитализма», о котором писал Макс Вебер.

О специфике формирования предпринимательского сознания, конечно, говорить можно. Исследователи русского купечества XVIII в. отмечают, что обязательным свойством образа «совершенного купца» было признание непременным результатом его деятельности не только личного обогащения, но и общественной пользы[84].

84 См.: Козлова Н.В. Некоторые черты личностного образа купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН, 1996.

Однако искажающее влияние на формирование сознания российских коммерсантов и предпринимателей наложил дворянский характер государства XVIII—XIX вв.

> Н.В. Козлова, знаток исторической ментальности российского предпринимательского сословия пришла к следующему выводу: «Осознание купечеством возрастания общественной значимости их деятельности пробуждало у купцов чувство собственного достоинства, вызывало стремление «быть в почтении, а не в пренебрежении»... Однако в условиях укрепления сословного строя, дальнейшего развития прав и привилегий дворянства, это общественное настроение купечества выражалось не в идее ликвидации сословных ограничений и создания «равенства шансов для буржуазных конкурентов», претворение которой вытекало из начавшегося генезиса капитализма, а в борьбе за собственные права и привилегии, которые обеспечивали бы упрочение их экономического, социального и сословного положения. На наш взгляд, **выступить за претворение потребностей буржуазного развития купечество не могло не в силу своей субъективной, так сказать, изначальной консервативности, а из-за реальных объективных условий своего существования, выдвигавших на первый план борьбу за осуществление сословных интересов**»[85].

Сословное государство под руководством дворянства самим своим характером, а равно и сознательно проводившейся политикой, сдерживало развитие массовой предпринимательской активности.

Уже к середине XIX в. архаичные черты предпринимательского сознания, такие как «двойная мораль», стали нивелироваться, а в эпоху Великих реформ и бурного промышленного роста русская буржуазия по духу и отношению к делу уже вряд ли существенно отличалась от европейской, тем более что деловые связи стремительно расширялись.

О политическом сознании буржуазии так сказать сложнее. Ориентация предпринимателей, особенно крупных, на власть, особое отношение к государству, стремление к государственной защите деловых интересов остались.

> «Развиваясь в условиях сословного строя, неся в себе «старое» купечество, формирующаяся буржуазия в XIX в. продолжала «чувствовать» себя сословием, противостоящим другим сословиям со своими особенностями и характерными чертами. А это, в свою

85 Козлова Н.В. Некоторые черты личностного образа купца... С. 52.

очередь, оказывало воздействие на социально-политические запросы класса капиталистов последующей эпохи»[86] — отмечает Н.В. Козлова.

Однако причины этого можно усматривать не только в исторически сложившихся особенностях ментальности, но и в осознании крупным капиталом государства как союзника в социальном противостоянии с формировавшимся рабочим классом и рабочим движением.

• • •

Довольно часто, даже в работах весьма серьезных исследователей[87], приходится сталкиваться с мнением о негативном отношении православия к богатству, его накоплению и, соответственно, предпринимательской деятельности. Так как в православной доктрине и практике очевидных оснований для подобного рода заявлений нет[88], остается предполагать, что они основаны на жесткой увязке буржуазного сознания с протестантской этикой.

Мы не согласны с противопоставлением протестантской этики, рождающей «дух капитализма», и православных этических норм, якобы этому духу противоположных[89].

Выше уже был приведен тезис о распространении «духа капитализма» в преимущественно глубоко православной среде

86 Козлова Н.В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М.: Археографический центр, 1994. С. 229.

87 Например, О. Поршнева, интересную и профессионально сделанную работу которой мы цитировали, аксиоматично утверждает, что православная духовная традиция отрицает праведность частной собственности (Поршнева О.В. Указ. соч. С. 79).

88 Если принимать за такого рода основание ссылки на многочисленные евангельские сюжеты о превосходстве духовного над материальным, то надо вести речь о христианстве в целом или хотя бы о православии и католицизме в противопоставлении протестантизму.

89 В отечественной научной традиции существует совсем иной взгляд на соотношение православных традиций и предпринимательства. Например, В.О. Ключевский, говоря о традиционной русской благотворительности, отмечает: «Никакими методами социологического изучения нельзя вычислить, какое количество добра вливала в людские отношения эта ежедневная, молчаливая тысячерукая милостыня, насколько она приучала людей любить другого человека и отучала бедняка ненавидеть богатого» (Ключевский В.О. Добрые люди древней Руси. Публичная лекция, прочитанная в 1891 году в пользу пострадавших от неурожая // Ключевский В.О. Литературные портреты. М.: Современник, 1991. С. 261).

российского предпринимательства. Добавим свидетельство представителя одной из видных династий предпринимателей В. Рябушинского.

> В. Рябушинский: «Хозяин-православный во многом отличается от кальвиниста... Отношение к богатству тоже другое. Оно не считается греховным, но на бедность не смотрят как на доказательство неугодности Богу. Поэтому в России нет того сухого, презрительного отношения к беднякам, которое появилось на Западе после Реформации... Что же касается сознания своего положения, лишь как **Божьего доверенного по управлению собственностью**, то оно было внедрено в православного еще прочнее, чем в пуританина... Сложна и полна противоречий природа русского человека, и «хозяин» не составляет в этом исключения. Классический его тип до сих пор сохраняется в лице **хозяйственного великорусского мужика**. Кто знает этого упорного стяжателя, прижимистого, твердого, настойчивого в труде, смекалистого, ловкого, часто очень одаренного, но одновременно обуянного большой духовной гордостью, тот поймет, что не всегда ему легко склонять свою умную, но упрямую и обуреваемую соблазнами голову перед заповедями Христа»[90].

Приведем еще один аргумент-наблюдение: среди русских предпринимателей видное место занимали старообрядцы, для которых православные догматы и традиции имели особое значение. Пример со старообрядцами, ревностно придерживавшихся «правил веры», но в силу исторических причин находившихся на особом положении в обществе и в особых отношениях с государством, позволяет предположить, что для распространения «духа капитализма» социальные обстоятельства играли первостепенную роль.

> Один из исследователей отмечает: «Весьма примечательной была непропорционально большая доля староверов в числе русских купцов и промышленников. По некоторым оценкам, старообрядцы в начале XX в. составляли 1,5 % населения, дали 2/3 предпринимателей-миллионеров... данный парадокс объяснялся прежде всего тем, что староверы не привыкли рассчитывать на государство, «доброго барина», но, напротив, сформировались в постоянной борьбе с властями. Они привыкли полагаться только на себя и свою семью, а их вера и нелегкая судьба выковали у них трудолюбие, бережливость, обязательность и твердые моральные устои»[91].

90 Рябушинский В. Судьбы русского хозяина // Русский колокол, 1927. №3. С. 46—47.

91 Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в предреволюционную эпоху (1901–1917 гг.) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. С. 119.

В родной для Макса Вебера Германии в землях с историческим преобладанием католиков делают «Мерседес» (католики 36,9 % и протестанты 33,3 %), и «BMW» (католики 57,2 %), а на территории с преобладанием протестантов (75 % протестанты, 20 % католики) — «Фольксваген». Как это сказывается на качестве автомобилей?

Если продолжать немецкий пример, то для сегодняшней Германии очевидно, что гораздо большее влияние на менталитет, в том числе отношение к труду и предпринимательству, оказывает не религиозная принадлежность, а то, жил человек на Востоке или Западе Германии в период разделения страны.

Мы не находим в отечественной культурной или религиозной традиции (во всех ее составляющих) специфических элементов, препятствующих проявлению предпринимательской инициативы.

Элементом торможения в этом плане в XVIII—XIX вв. был не менталитет, а жесткая сословная структура и политическое устройство дворянской империи. Впрочем, даже учитывая этот фактор, надо признать, что «дух предпринимательства» проникал во все слои русского общества и предприимчивых людей было много. Говорить о том, что крупные отечественные предприниматели каким-то образом «не вписывались» в общеевропейскую (общемировую) среду также не приходится.

• • •

В этом разделе также коснемся вопроса о частной собственности и отношении к ней. Частично мы уже затрагивали его, когда говорили о крестьянском менталитете, однако вопрос об отношении к собственности в России выходит за пределы крестьянского мира.

На русских землях представление о праве собственности существенно отличалось от сложившегося в Западной Европе еще в ранее средневековье.

Оно изначально, в домосковский период (когда крупная наследственная аристократия еще не была «вымыта»), менее четкое, размытое, не является «священным», не имеет четкой связи с писаным законом, представление о котором также отличается от западноевропейского.

В Московском государстве Царь (Великий князь) занимает исключительное место и обладает исключительным правом распоряжения жизнью и имуществом своих подданных. Однако считать его единственным легитимным собственником земли русской, как это делает, например, Р. Пайпс, тоже нет оснований. Тезис о невозможности перенесения на русскую почву западноевропейских представлений о собственности в полной мере относится и к государю. Он хозяин земли скорее в библейском, чем в юридическом плане. А это значит, с одной стороны — проекция Всевышнего в земном мире, с другой — главный ответственный перед Ним.

В служилой системе, которая начала складываться сначала в Московском государстве, а затем была закреплена Петровскими реформами, государство — основной источник наделения собственностью дворянства.

Кроме того, торгово-промышленное сословие в Российской дворянской империи имело статус отчетливо и подчеркнуто ниже дворянского.

Однако все отмеченное выше не означает отсутствия понятия о собственности или права собственности как такового или восприятия государя как единственного легитимного собственника. Служилое сословие постоянно стремилось превратить владение, обусловленное службой, в безусловную наследственную собственность и относилось к поместьям как к собственности. В 1762 г. цель была достигнута. Указ о вольности дворянства разрывал формальную связь между поместьем и службой. Знатнейшее дворянство, крупнейшие землевладельцы во второй половине XVIII — начале XX в., вполне ощущало себя древней родовой аристократией, источник положения и богатства которой скорее не монаршая милость (кого хочу — жалую) и не владение выделенным поместьем на условиях службы, а древность рода, доблесть предков и т.д.

При этом государство во второй половине XVIII — начале XIX в. продолжало оставаться главным источником новой собственности, которую верховная власть раздавала уже не в качестве обеспечения службы, а как награду за верность и поддержку, теперь уже неформально подразумевающую необходимость сохранения лояльности и в дальнейшем.

Однако связь между лояльностью и полученной собственностью совсем не прямая и очевидная. Крупные дворяне-собственники XIX в. ощущали себя именно собственниками, а не временными владельцами своего имущества. Да и государство — дворянская империя — относилось к своему опорному слою бережно. Во второй половине XIX в., особенно после Великих реформ, Россия с точки зрения наличия института собственности, обладавшего правовой защитой, была вполне европейской страной.

Ощущение того, что поместья — это временное, условное владение, прямо связанное с волей государя, скорее, было распространено в крестьянской среде.

Фундаментом сегодняшнего отношения к частной собственности и, в особенности, к крупной частной собственности, стали не особенности ментальности, уходящие корнями в историческую Россию (крестьянскую, купеческую или дворянскую), а события и процессы XX в.: во-первых, советские десятилетия, в течение которых выросло несколько поколений, на практике совсем не сталкивавшихся с какой бы то ни было собственностью, кроме личной и государственной; во-вторых, реформы 90-х гг.

«Государевы люди»

Мы исходим из того, что российское государство отделено от общества. Соответственно, социокультурные модели, свойственные придворной, а затем бюрократически-чиновной среде — предмет отдельного изучения.

Именно в придворной среде (как мы уже отмечали — сначала при дворе Андрея Боголюбского, затем — при формировании и централизованного Московского государства) появилась модель, концентрирующая все властные полномочия в руках одного лица.

> В XII в. (или XIII, но до монгольского нашествия) создано «Слово (или моление) Даниила Заточника» — произведение, поэтически, образно восхваляющее князя и княжескую власть как основу жизни и источник блага:
>
> Птица бо радуется весни, а младенець матери;
> Весна украшаеть цветы землю,
> А ты оживляеши вся человекы милостию своею,
> Сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего,
Яко гласъ твой сладокъ, и образ твой красенъ;
Мед истачають устне твои, и послание твое — аки рай с плодом[92].

Эта модель и оторванность от общества крайне затрудняет формализацию и институционализацию отношений внутри власти. В.О. Ключевский, описывая становление Московского государства, отмечал большое значение «личного интереса» как политического фактора.

В.О. Ключевский: «У каждого времени были свои герои, ему подходящие, а XIII и XIV века были порой всеобщего упадка на Руси, временем узких чувств и мелких интересов, мелких ничтожных характеров. Среди внешних и внутренних бедствий люди становились робки и малодушны, впадали в уныние, покидали высокие помыслы и стремления; в летописи XIII—XIV вв. не услышим прежних речей о Русской земле, о необходимости оберегать ее от поганых, о том, что не сходило с языка южнорусских князей и летописцев XI—XII вв. Люди замыкались в кругу своих частных интересов и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счет других. Когда в обществе падают общие интересы и помыслы его руководителей замыкаются в сердоликовую коробку, положением дел обыкновенно овладевают те, которые энергичнее других действуют во имя интересов личных; а такими чаще всего бывают не наиболее даровитые, а наиболее угрожаемые, те, кому наиболее грозит падение общих интересов. Московские князья были именно в таком положении...»[93].

По наблюдению П. Седова, жизнь русского двора в XVII в. была основана на личных отношениях придворных с государем до такой степени, что даже боярство не выступало как единая социальная группа, осознающая свои интересы и стремящаяся к их достижению, а распадалось на придворные кланы.

П. Седов: «Придворный клан мог включать множество людей, но при этом не все они состояли между собой в родстве. Такой клан возникал на почве дележа власти и царских милостей и имел сложную структуру. Он состоял из нескольких семей, внутри которых существовали более тесные связи. Интересы отдельных семей или их убеждения могли разрушить клановое единство. <...> Придворный клан не имел четких границ: родственные и иные клановые связи можно было распространять во все стороны, пока они не охватят если не всех, то абсолютное большинство придворных. При этом на

92 Слово Даниила Заточника... // http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4942.
93 Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 51.

периферии одного клана могли оказаться заклятые враги. Поэтому попытки поделить всех без остатка думных и прочих ближних людей на два противоборствующих придворных клана представляются не совсем корректными.

Роль боярства в политической жизни страны в целом была результатом межклановой борьбы и отражала позицию победившей боярской группировки, а не всей придворной знати. Такая ситуация позволяет говорить скорее о соотношении сил в боярской среде, чем о единой позиции боярства. В этом контексте история придворной знати предстает как череда взлетов и падений отдельных бояр и придворных группировок в борьбе за влияние на государя и вокруг принятия важнейших государственных решений»[94].

Формирование в XVIII в. регулярного государства, которое в XIX в. приобрело вид бюрократической, чиновничьей империи, не уничтожило эту черту. Подчеркнем, что речь идет не просто о фаворитизме и интриганстве, свойственных придворной среде, а о ситуации, когда личные отношения с «первым лицом» и случай становятся чертами, определяющими лицо государства.

Ю.М. Лотман: «Пересечение принципов «регулярной государственности» и пронизывающего все здание общества произвола создает ситуацию непредсказуемости. Образом государственности становится не «закономерная» машина, а механизм азартной карточной игры. Такую картину вселенского «фараона» мы находим в оде Державина «На Счастье»:

В те дни, как все везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть, и закон святой,
И логика пиры пирует,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
Все скачут, пляшут и поют...»[95].

Клановость, «кружковщина», решающее значение личных связей и возможности прямого доступа к «первому лицу» — устой-

94 Седов П.В. Указ. соч. С. 99–100.
95 Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб, 1994. С. 142.

чивые характеристики российской власти вне зависимости от эпохи и формы правления.

Стабильное воспроизведение ситуации во власти в различные исторические эпохи, сохранение одних и тех же правил выживания тех, кто имеет отношение к власти, подтверждает верность предположения о разделенности общества и государства как главной причине, определяющей отечественную специфику.

Кстати, именно наблюдения за придворно-чиновной средой часто становятся основаниями для выводов о «национальном характере».

> Снова обратимся к меткой характеристике А.И. Герцена, который писал о записках Астольфа де Кюстина[96]: «Оказавшись в придворном кругу, Кюстин уже его не покидает; он не выходит из передних и удивляется, что видит там только лакеев; за сведениями он обращается к придворным. Они же знают, что он писатель, боятся его болтовни и обманывают его. Кюстин возмущен; он сердится и относит все на счет русского народа. Он едет в Москву, он едет в Нижний Новгород; но всюду он в Петербурге; всюду петербургская атмосфера окружает его и придает всему виденному им однообразную окраску»[97].

Однако в том-то и особенность нашей страны, что власть является не вершиной общественной пирамиды, пусть с той или иной степенью искажения, но все же отражающей правила, по которым существует все общество, а самостоятельной социокультурной единицей со своими правилами, традициями, менталитетом.

Образованное общество

Говоря об образованной и интеллектуально активной части населения, которую в России традиционно и называют «обществом», и ее позиции, надо учитывать социокультурный разрыв с большинством населения, который наложил свой отпечаток на механизм формирования общественного мнения.

96 Результатом визита этого француза в Россию в 1839 г. стало одно из самых известных сочинений о жизни и нравах России при Николае I, обстоятельное, полное метких наблюдений, которые не позволяют «отмахнуться» от этого свидетельства как от поверхностного, но весьма одиозного в выводах и оценках. См.: Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1–2. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.

97 Герцен А.И. Россия (La Russie) // А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 196–197.

Идеи и концепции, вызывавшие жаркие споры и идейно-политическое противостояние, отражали не столько потребности сколько-нибудь количественно значимых групп интересов (крестьянство, купечество, начинающий формироваться и отделяться от крестьянства рабочий класс), а представления образованной части общества об этих потребностях.

> Об этой черте метко пишет Я. Коцонис, комментируя тезис об «отсталости» крестьянства в дискуссии начала XX в. о крестьянской кооперации:
>
> «Антагонистические во всем остальном группы могли вести дебаты устно или в печати, обходясь друг с другом как «культурные люди» и становясь, своего рода, сообщниками, когда заходил откровенный разговор о тех, кто «культурным» не был. И тот факт, что очень немногие идут настолько далеко, чтобы назвать самих себя отсталыми, должен предупредить нас о некоторых риторических и делегитимизирующих функциях этого термина. Человек, в чьем словаре этот термин занимает видное место, утверждает, что он сам «передовой» и способен высказывать свое мнение о тех, кто ему представляется неправоспособными из-за своей отсталости. Этих спорщиков занимал вопрос не о том, было ли крестьянство отсталым, а о том, кто из них более подготовлен к борьбе с крестьянской отсталостью»[98].

Влияние на власть образованное общество оказывало, формируя общественное мнение. Общественное мнение чаще всего учитывалось властью при принятии тех или иных решений, особенно в конце XVIII—XIX вв., но сами решения принимались властью. Мы уже отмечали успешный опыт соединения политической воли власти и интеллектуального потенциала общества в период подготовки и начала осуществления Великих реформ. Однако этот опыт так и остался уникальным.

Социокультурное разделение общества и отсутствие легальных механизмов влияния на власть толкали общественную дискуссию к радикализму. Между крайностями общественного сознания «разрывались» Великие реформы. Тот же разрыв характерен для начала XX века — с одной стороны, призывы хранить в целости самодержавные традиции, полагаться на традиционно-мистическую составляющую русской державности (Святая Русь, третий Рим) и силу молитвы, с другой — радикал-демократическая общественная мысль.

98 Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 17.

Как правило, такую ситуацию жестко увязывают с отсутствием в России массового слоя частных собственников, прежде всего крестьян-собственников, который мог бы стать опорой либерально-демократически ориентированных политических сил. Этот взгляд характерен и для сторонников политических реформ начала прошлого века, и для ряда современных исследователей. На наш взгляд, перспектива, так и не ставшая реальностью, идеализируется. В действительности, массовое юридическое оформление частной крестьянской собственности на землю вряд ли привело бы как к быстрым изменениям в крестьянском сознании (в частности, в том, что касается отношения к помещичьей земле и «черному переделу»), так и к изменению атмосферы идейно-политических споров.

Радикализм общественно-политической дискуссии имел глубокие корни, уходящие в разрыв между народом и государством, образованным обществом и народом, обществом и государством. Ситуация разрыва объективно способствовала поляризации общественной мысли, идейному господству радикалов, к какому бы лагерю они не принадлежали.

При этом «лагерь», как правило, характеризуется по крайним проявлениям. Радикалы, которые по своей сути должны бы быть маргиналами, становятся центром группы, ее нравственным ориентиром. Тот, кто в радикальный «мейнстрим» не вписывается, воспринимается как предатель — враг еще худший, чем представители противоположного лагеря.

Эта ситуация закреплялась сугубо теоретическим характером большинства общественно-политических дискуссий: механизмов влияния общества на государство просто не было, а именно государство, замкнутое в себе и подчиняющееся своей внутренней логике, было единственным реальным действующим лицом отечественной политики.

В результате, политической дискуссии не хватало рациональности, конкретики, умеренности.

> Знаковые проявления общественной активности в начале XIX в. — крайне консервативная «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина[99], утверждавшего, что «самодержавие есть палладиум России, целостность его необходима для ее счастья»[100], и тайные

99 Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.

100 Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 105.

общества, деятельность которых вылилась в восстание 14 декабря 1825 г.

Кроме того, для «просвещенного» общественного сознания России XIX — начала XX в. характерна крайне напряженная работа по осознанию места страны и нации в меняющемся мире, сопровождавшаяся появлением разного рода масштабных концепций «особого пути», «особой миссии» страны. В результате рациональная конкретно-политическая дискуссия об обустройстве жизни подменялась социально-философскими спорами, такими как дискуссия славянофилов и западников.

Еще одна черта общественного сознания — повышенная чувствительность к вопросу об отношении к власти и отношениях с властью, рождающая радикальное противостояние.

С одной стороны — склонность к конфронтации с властью, завышенные ожидания в отношении реформ и их эффекта, идеализация революции. В результате в либерально настроенной части общества формировалось убеждение, что дело организации государственного управления не так важно, как смена власти, что управлять страной легко.

Консервативная среда была склонна смешивать (вплоть до подмены одного другим) тему развития страны вопросом о сохранении власти в неприкосновенности[101].

Причина — в отсутствии внятного механизма влияния общества на власть, участия общества во власти, абсолютном превосходстве теоретических дискуссий над политической практикой.

Отсутствие реального опыта государственного управления, отстранение от «рычагов» власти вело к концентрации общественной дискуссии на вопросе о том, кому принадлежит власть, а не о том, что надо делать.

К тому же, в нестабильной переходной ситуации социальные группы, общественные объединения, государственные институты, ветви власти видели себя не элементами системы, выпол-

101 О противостоянии консерваторов и либералов в отечественной общественной мысли см., пожалуй, лучшую работу Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики» (Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры». М.: Новое издательство, 2008). Правда, трудно согласиться с попытками автора распространить историю противостояния русских консерваторов и либералов на средневековье и Новое время, в результате чего Нил Сорский фактически оказывается предшественником Виссариона Белинского.

няющими свойственные им функции, а носителями высшей истины, исполнителями миссии по реализации «должного».

Так, пореформенный суд присяжных пытался быть политическим институтом, принимая решение о полном оправдании Веры Засулич, стрелявшей в московского полицмейстера Трепова.

Явление того же порядка — противостояние между президентом и парламентом в начале 90-х гг. XX в., когда каждая сторона видела себя не частью государственной системы, призванной выполнять определенные законом функции, а исполнительницей высокой миссии.

◆ ◆ ◆

Смысл этого раздела в том, чтобы показать: в исторически сложившемся менталитете, в образе жизни, мышления, традициях различных социальных групп, составлявших российское общество до большевистской катастрофы, не было глубинных, онтологических препятствий для следования по общеевропейскому пути. Распространение просвещения, рационализация сознания, модернизация — все это исторические черты России нового и новейшего времени. В то же время, мы зафиксировали особый характер политической системы и политической ментальности, главное в котором — разрыв между обществом и государством и между различными социальными группами.

Советский тупик

Десятилетия большевистской власти сделали практически общепризнанным убеждение в том, что иной перспективы развития у России не было (по принципу «все действительное разумно, все разумное действительно»). Для Ричарда Пайпса, например, очевидна одинаковая природа сталинского режима и диктатуры Ивана Грозного, это отправная точка всех его исследований, и эта точка зрения весьма распространена, в том числе и в России.

Сам большевистский режим такую точку зрения приветствовал и культивировал. С 30-х гг. XX в. он, во-первых, сознательно конструировал идеологию наследования великодержавным традициям (прославление военных побед, включение в исторический пантеон князей и царей (Александра Невского и его

потомков, основателей Московского царства, Ивана Грозного (при Сталине), Петра Великого), во-вторых, подогнал всю отечественную историю под Октябрьскую революцию как высшую точку исторического развития России.

Однако эта концепция внутренне противоречива и поддерживает ее только инерция мышления. Опорой советского строя была идеология, но считать русскую традицию глубинным источником коммунистического мировоззрения оснований ровно столько же, сколько проделывать то же самое с христианством. Что же касается реставрации некоторых внешних элементов эпохи Николая I при Сталине, то они служили только декорацией системы, которая последовательно уничтожала историческую Россию как институционально, так и физически — убивая и выдавливая из страны и старую аристократию, и буржуазно-интеллигентскую новую элиту, и вообще всех наиболее самостоятельно мыслящих, активных, осуществляя стратоцид в отношении крестьянства.

Да и сама по себе декорация представляла собой лоскутную идеологию, в которой одновременно с уже упомянутыми государственными и военными деятелями почитались Степан Разин и Емельян Пугачев, а школьники в форме, напоминающей гимназическую, изучали краткий курс истории ВКП(б). Этот своего рода ранний переход от революционного модерна к постмодернистскому сочетанию несочетаемого принципиально отличается от архаизации, возвращения к прошлому.

Частью этого оруэлловского процесса создания суррогатной исторической памяти было внедрение в общественное сознание тезиса о большевистском государстве как преемнике тысячелетней России.

Главный вопрос — как так получилось, что этот социально-политический оксюморон господствовал в стране на протяжении большей части XX в.?

• • •

Конец самодержавия и созыв Учредительного собрания — закономерное продолжение развития страны, к сожалению, реализованное с запозданием и в экстремальных обстоятельствах.

Кризис власти в 1917 году разразился в очень неудобный момент — была война. Однако он, собственно, потому и разразился. Сторонники отречения в элитах, в широкий круг которых входили люди очень разных взглядов, были убеждены, что отречение и политическая реформа (прежде всего — создание «ответственного», то есть подотчетного парламенту правительства) были критически нужны для победы.

Глубинная, долго назревавшая причина обрушения власти в феврале 1917-го — нежелание и неспособность российского самодержавия как политической системы эволюционно реформироваться, то есть развиваться, адекватно отвечая на требования времени, соответствовать условиям, складывавшимся в Европе во второй половине XIX — начале XX в.

Понимание событий февраля 1917 невозможно в отрыве от событий предшествовавших 12-ти лет — с первого кризиса власти в XX веке.

Результатом того кризиса, развивавшегося на фоне трагической русско-японской войны, стал манифест 17 октября, давший жителям России определенные гражданские свободы и парламент — Государственную Думу.

Избирательное законодательство было составлено таким образом, что наиболее весомую долю представительства получало крестьянство, которое, как предполагалось, должно было стать опорой трона.

Выборы состоялись в начале 1906 года, относительное большинство на выборах получила конституционно-демократическая партия. После того как Дума попыталась вмешаться в решение важнейших для страны вопросов, в частности, аграрной реформы, она была распущена.

Избранная следом вторая Дума была более радикальной, популистской, недоговороспособной. Ее роспуск 3 июня 1907 г. сопровождался внесением в избирательное законодательство изменений, ограничивающих избирательные права рабочих и крестьян.

Работа третьей Думы с правительством П.А. Столыпина очень во многом напоминала нормальную парламентскую деятельность: споры, дебаты, эмоциональные выступления, поиск компромиссов и их достижение. Однако в этом большая заслуга самого премьера Столыпина. Он стремился сделать Думу своей опорой и проводить свои реформы (прежде всего, земельную и образовательную) при поддержке народного представительства. Эта поддержка была нужна Столыпину, в том числе и для преодоления сопротивления окружения царя, радикальных монархистов.

Последний парламентский кризис, в котором участвовал Столыпин был инициирован именно крайними консерваторами из Государственного Совета (верхней палаты парламента, назначаемой царем). Летом 1911 года они провалили представленный премьером и одобренный Думой законопроект о самоуправлении в западных губерниях, усмотрев в нем угрозу Империи.

Роль премьера в работе с парламентом была так велика, потому что согласно законодательству полномочия Думы оставались очень ограниченными. Правительство не было ей подотчетным, она не имела рычагов влияния на формирование правительства, в кризисных ситуациях Дума и Государственный совет могли быть временно распущены, а нужный закон проведен указом императора. Не было особых ограничений лишь в возможности заявлять свою позицию, критиковать правительство.

Легальные механизмы, адекватные требованиям времени, дополнялись, а потом и заменялись коррупционными схемами. Более того, они становились неотъемлемой частью державно-административной системы, которая эти самые легальные механизмы отвергала как либеральную заразу. Окружение государя, Распутин не только естественно вписывались в разраставшиеся коррупционные схемы, но и создали новые. Соприкосновение растущего рынка и неподконтрольной обществу бюрократии породило феномен чиновников-миллионщиков.

Премьер Столыпин выбрал стратегически верный путь экономических реформ, но в тактическом, политическом и человеческом плане оставался придворным, не умевшим налаживать отношения с зарождавшимся публичным политическим сословием в Государственной Думе и в земствах и, тем более, с крестьянами, которых его реформы коснулись больше всего. К тому же, жизнь двора при Николае II была устроена так, что все то время, когда Столыпин нес на себе груз и ответственность крайне радикальных реформ, он «для разводки» все более третировался ближайшим окружением царя и крайними консерваторами, для которых любые институциональные перемены были нежелательны, потому что вели к перетряске сложившейся структуры отношений, сложившихся связей. Найден был и «патриотический» ответ на неудачи — обвинение во всех бедах «подрывных элементов» и еврейские погромы.

В условиях войны отсталая и коррумпированная государственная система рухнула из-за пронизывавшей все управленческие уровни коррупции, дезорганизации снабжения фронта и тыла, роста пораженческих настроений в войсках и тотального недоверия к власти.

К началу войны опорой трона и самым близким к царю человеком был уже не монархист-реформатор Столыпин, а «мистический старец» Григорий Распутин.

Символом нехватки у Думы полномочий стало назначение незадолго до войны на должность председателя правительства безынициативного, зато управляемого и верного трону старого бюрократа Горемыкина.

Война сначала консолидировала общество вокруг власти, но потом, как и русско-японская в 1905-м, высветила все те же проблемы: неповоротливость гражданской и военной бюрократии, воровство интендантов, некомпетентность и трагические ошибки в управлении экономикой и войсками.

В 1915 г. разразился «снарядный голод» — систематическая нехватка боеприпасов на фронте.

Дума пыталась влиять на ситуацию, ее представители работали в особых совещаниях по снабжению армии и промышленности (наряду с представителями правительства, Госсовета, крупных промышленников).

Однако полномочий не хватало и в 1915 г. большинство фракций Думы, за исключением крайне правых и социал-демократов, сформировали Прогрессивный блок, объединившийся вокруг идеи «ответственного министерства», то есть подотчетного Думе правительства.

Требование не было выполнено, а сессия Думы 3 сентября 1915 была прекращена царем.

С начала 1916 г. началась правительственная чехарда — хаотичная смена председателей и членов правительства. За год сменилось 4 председателя правительства: Горемыкин, Штюрмер, Трепов, Голицын.

Все это происходило на фоне роста общественного недовольства как трудностями войн и положением страны в целом, так и лично императором, императрицей и их ближайшим окружением, всем тем, что вошло в историю под названием «распутинщина».

Речь здесь идет не только о «массах», в которых распространялись самые фантастические слухи о Распутине, царской семье, царице-немке и т.д.

Ситуацию считали нетерпимой и большинство представителей элиты, и не только либеральной: от членов семьи Романовых до генералитета. После того как в декабре 1917 г. царь, расстроенный убийством Распутина, досрочно покинул совещание высших офицеров всех фронтов, оно только усилилось.

Февральские волнения 1917 года в Петрограде только начались с выступления недовольных хлебными очередями работниц 23 февраля. Они очень быстро переросли в массовые многочисленные демонстрации. Большую роль в обвальном росте числа демонстрантов сыграл объявленный накануне локаут на Путиловском заводе из-за нехватки сырья, в результате которого тысячи рабочих остались на улице.

25 февраля царь, находившийся в ставке во Пскове, решил, как в сентябре 1915-го, приостановить сессию, но Дума не подчинилась и вновь выставила требование «ответственного министерства».

26 февраля руководство Петроградского гарнизона попыталось остановить массовые выступления, войска стреляли в демонстрантов, однако 27 февраля гарнизон перешел на сторону демонстрантов.

Телеграфная переписка Думы и Ставки продолжалась до 2 марта. Николай II так и не согласился на «ответственное министерство». 2 марта он принял делегацию Думы — Александра Гучкова и Василия Шульгина и подписал манифест об отречении в пользу брата Михаила. В манифесте об отречении говорилось, что новый монарх должен «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены». Это было провозглашение конституционной монархии.

Однако 3 марта от престола отрекся и Михаил, заявивший, что взять на себя ответственность за страну может только по решению Учредительного собрания.

Думские политики и армейские генералы не были ослеплены или напуганы до такой степени, что не могли глянуть дальше своего носа. Они могли видеть опасности, которые следовали за отречением и отказом от самодержавия во время войны. Умный и честный монархист до мозга костей Василий Шульгин, например, судя по его воспоминаниям, трезво просчитывал варианты развития событий в случае воцарения Алексея или Михаила. В этом анализе не было эйфории или недооценки опасностей. В.В. Шульгин, А.И. Гучков, П.Н. Милюков, генерал М.В. Алексеев и другие сделали свой выбор в пользу ограничения монархии, в пользу революции не от недопонимания ситуации, а как раз от очень хорошего ее понимания.

Они боролись за власть ради достижения результата во время войны. Самодержавие этому очевидно мешало. К политическому примирению во время войны и созданию правительства

национального доверия можно призывать в демократическом обществе. А в авторитарной системе единственная форма национального доверия и политической консолидации — отказ от критики власти. Так и было в начале войны. А потом стало понятно, что власть действует неэффективно и воздействовать на нее не получается.

Инициаторы отречения сделали то, что они сделали, именно по тем соображениям, о которых говорят сегодняшние критики «февралистов»: оставили личные амбиции и политические пристрастия ради спасения страны.

Они были уверены, что, делая тяжелый выбор, они спасают страну, иного пути спасения нет. Уверены они были также и в том, что страна — это что-то гораздо большее, чем монарх.

> В мае 1917 года генерал А.А. Брусилов, назначенный Верховным главнокомандующим русской армией, писал брату: «Ответственности вообще не боюсь, да и личных целей не имею и славы не ищу, но от всей души желаю и имею лишь одну цель — спасти Россию от развала, неминуемого в случае проигрыша войны... у меня глубокая внутренняя убежденность, что мы победим и с честью выйдем из этой титанической войны... чувствую... все устроится хорошо. Старое правительство действовало безумно и довело нас до края гибели, и это безумие простить ему нельзя. Затхлая и невыносимо гнусная атмосфера старого режима исчезла, нужно чтобы путем революции народилась новая, свежая, свободная и разумная Россия с ее лучезарным будущим. Теперь же Россия больна, но этого пугаться не нужно, ибо ее здоровый организм вынесет эту болезнь, необходимую для ее развития»[102].

В том, что после февраля Россия должна стать парламентской демократией, ни одна из сколько-нибудь значимых политических сил сомнений не высказывала, в том числе большевики[103]. Очевидной представлялась и перспектива созыва Учредительного собрания — легитимного органа народного представительства. Это был шанс на мирную политическую трансформацию; шанс предотвратить гражданскую войну; шанс на то, чтобы ключевые вопросы тогдашней России — земельный, национальный, о войне и мире — решались с помощью демо-

102 Цитируется по: Голиков А.Г. Генерал А.А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история, 1998. № 4. С. 164.

103 Не только, кстати, из политического лицемерия: значительная и влиятельная часть даже их партии были убеждены, что парламентская демократия – наилучшая база для реализации левой, социалистической программы.

кратических механизмов, в правовом поле; на то, чтобы принятые решения были легитимными. Шанс был реальным. Более 44 миллионов человек в не самых простых с житейской точки зрения условиях участвовали в выборах, тем самым продемонстрировав и самим себе, и всему миру легитимность перемен в государственном устройстве и значение Учредительного собрания для России.

• • •

Учредительное собрание начало свое заседание 5 января 1918 г. в правомочном составе и своими первыми решениями отменило большевистские декреты и отвергло предложенную большевиками суррогатную конституцию — «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». То есть, Учредительное собрание отказалось передавать большевикам власть и отнеслось к ним как к узурпаторам, действия и решения которых нелегитимны. После этого Учредительное собрание было разогнано. Парламентская демократия и Учредительное собрание, избранное на первых в истории страны прямых, равных, всенародных выборах, — вот, кто был главным врагом большевиков, вот кого они бандитски отстранили от власти.

Идеологическим основанием разгона Учредительного собрания стал тезис Ленина: «Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном собрании как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму»[104].

Почему же бандитам-узурпаторам удалось осуществить не только октябрьский государственный переворот, свергнув Временное правительство, но и другой — январский, лишив власти долгожданное, буквально выстраданное страной Учредительное собрание?

104 Ленин В. И. Тезисы об Учредительном собрании // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 163.

Первая, даже не причина, а предпосылка — специфика политической системы и организации взаимоотношений власти и общества в предшествовавшие десятилетия.

Часто, говоря о слабости монархии в феврале 1917-го, имеют в виду ее нерешительность в подавлении «беспорядков». Однако, на наш взгляд, сила монархической власти в той ситуации должна была проявиться не в пулеметной пальбе по толпе, а в том, чтобы, несмотря ни на что, сохранить ответственность за страну и обеспечить не обвальную, а нормальную трансформацию государственного устройства. Собственно, думские лидеры и рассчитывали именно на этот вариант — превращение самодержавной монархии в конституционную и совместную работу. Однако монархия предпочла «обидеться» на взбунтовавшуюся страну.

Эта «слабость» — прямое продолжение нежелания меняться, реформироваться, перестраивать систему организации власти. По свидетельству очевидцев, на требования о создании подконтрольного Думой правительства Николай отвечал: «Для этого надо было быть иначе воспитанным, переродиться». Согласившись на формирование парламента с ограниченными полномочиями, за десятилетие работы с ним самодержавие, по большому счету, так и не смогло ничему научиться.

С другой стороны, при том дефиците полномочий, а значит и ответственности, в котором работала Дума, формирование полноценной ответственной элиты было крайне затруднено. Политическая система, сложившаяся после 1905 года, так и не стала настоящей школой подготовки новой элиты. Усматривая основную опасность в либерализме и не желая ограничивать свои полномочия, авторитарная, самодержавная власть опасалась сильных, инициативных, самостоятельных, перспективных политиков, появлявшихся в Думе. Цензовый, ограниченный в полномочиях парламент для российских публичных политиков стал скорее школой красноречия, чем школой государственного управления.

> Василий Шульгин: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... Под условием, что императорский караул должен был охранять нас. Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас

кружилась голова и немело сердце. Бессилие смотрело на меня из-за белых колонн Таврического дворца. И был этот взгляд презрителен до ужаса»[105].

Вторая причина, прямая и явная — политические репрессии, быстро перешедшие в террор.

Одной из первых жертв диктатуры стала свобода слова. Петроградский военно-революционный комитет (ВРК) сразу после октябрьского переворота закрыл кадетскую газету «Речь» и наиболее влиятельные независимые газеты: «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Новое время», «Русскую волю». Конфисковал их типографии. Вечером 28 ноября Ленин подписал декрет Совета народных комиссаров «Об аресте вождей гражданской войны против революции». На основании его «члены руководящих учреждений партии кадетов» объявлялись «врагами народа». Основная группа их была арестована одновременно с подписанием декрета. В Петропавловской крепости оказались даже «неприкасаемые» — члены Учредительного собрания. Вскоре двое из них, Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев, переведенные по состоянию здоровья из Трубецкого бастиона в Мариинскую тюремную больницу, оказались зверски убиты ворвавшимися в больничный корпус матросами и солдатами. Убийц большевистская власть, демонстрируя полную беспомощность, так и не нашла. Зато в день открытия Учредительного собрания она без всякого предупреждения расстреляла мирные демонстрации в его поддержку, которые прошли в Петрограде и Москве. Число погибших только в Питере (по разным источникам) составляло от 8 до 21 человек. Раненых, естественно, было гораздо больше. А в феврале 1918 года декретом советской власти «Социалистическое отечество в опасности» официально была восстановлена смертная казнь, торжественно и «навсегда» отмененная Вторым съездом Советов, принявшим это решение, наряду со знаменитыми декретами о мире и земле. Первый смертный приговор был вынесен Революционным трибуналом при ВЦИК, созданным по указанию Ленина для рассмотрения дел о государственной измене. По настоянию Троцкого трибунал приговорил командующего Балтийским флотом А.М. Щастного к расстрелу, обвинив его в заговоре с целью сдачи кораблей флота немцам. Тогда же Ю.О. Мартов, возглавивший российских социал-демократов после октября 1917 года, написал одну из самых своих известных работ — «Долой смертную казнь!». В ней, словно предчувствуя трагедию большого террора, он пророчески заметил: «Зверь лизнул горячей человеческой кро-

105 Шульгин В. В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989. С. 171.

ви. Машина человекоубийства пущена в ход. Кровь родит кровь»[106]. 5 сентября 1918 года вышло постановление Совета народных комиссаров «О красном терроре». Только по сообщениям печати в ЧК за семь месяцев 1918 г., прошедших с момента разгона Учредительного собрания, казнено более двух тысяч человек. Машина человекоубийства лишь набирала обороты.

Третья причина — большевики нашли на что опереться в политическом сознании соотечественников. Впрочем, «опереться» — не совсем правильное слово. Опираться можно на то, что поддерживает, а в пользу большевиков играла не поддержка. Не та или иная активная политическая позиция, а уход, быстро пошедший процесс самоизоляции общества, когда несогласие с очевидно бесчеловечной властью становится подчеркнуто частным, высокомерно-индивидуалистическим вопросом, когда не остается места разумной последовательности и упорству и слишком часто побеждает соблазн разменивать себя на всевозможные сиюминутные нужды.

«Я не знаю, зачем и кому это нужно» — так Александр Вертинский начал реквием, посвященный московским юнкерам, которые выступили против октябрьского переворота и погибли в боях с большевиками. А закончил словами о «бездарной стране», где «даже светлые подвиги — это только ступени, бесконечные пропасти к недоступной весне». Общество очень быстро прошло путь от февральского энтузиазма к апатии и убеждению, что в России всегда так.

Кроме того, большевики опирались (уже в полном смысле слова) на иные деструктивные (с точки зрения нормального состояния общества и общественного сознания) факторы — социальный раскол и ненависть, рост насилия, в том числе и политического, криминальный всплеск... Они целенаправленно истребляли профессиональную политику и политическую культуру, заменяя ее профессиональным революционерством, митинговщиной, манипулированием массами.

106 См.: Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году. Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Ответ. сост. Д.Б. Павлов. М., 2000. С. 581.

◆ ◆ ◆

Большевистский переворот прервал трудный, но поступательно развивавшийся процесс формирования институтов гражданского общества и демократических политических институтов, преодоления исторического разрыва между народом и государством. В то же время, это не была «архаизация» или «ретрадиционализация». Плоды постепенного преодоления разрыва между обществом и государством были уничтожены, политическая система примитивизировалась, но невозможно ответить на вопрос, куда была «отброшена» страна, в какую историческую эпоху (к Николаевской России? Руси Ивана Грозного? Владимирскому княжеству времен Андрея Боголюбского?).

В случае с советской системой речь идет скорее о закончившейся тупиком попытке форсированного ухода от традиции, в которой социальная эволюция была заменена социальным конструированием[107].

При этом и политическая диктатура, и внеэкономическое принуждение представляются явлениями аналогичными, но не гомологичными абсолютной монархии или крепостному праву.

Эта попытка осуществлялась в рамках общеевропейского тренда первой половины XX в., другим проявлением которой был германский фашизм. В обоих случаях речь шла не об отказе от прогресса и модернизации ради возвращения к некоей традиции, а о связи самой идеи прогресса с авторитарно-бюрократическим менеджментом, который представлялся максимально эффективным.

Но Европа отказалась от этого пути после и в результате Второй мировой войны. В нашей же стране, внесшей ключевой вклад в победу европейской буржуазно-демократической цивилизации над нацистским социальным экспериментом, власть продолжала блокировать естественное направление развития общества и государства, пытаясь время от времени приспособить к меняющейся жизни систему, которая в принципе была нереформируемой, немодернизируемой и в то же время неустойчивой.

107 См.: Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению проекта // Отечественная история, 2010. № 6. С. 3—29.

Самое существенное, что связывает большевистскую систему с прошлым, — управление страной посредством партии, членство в которой означало принадлежность к новому правящему слою, обязанному, с одной стороны, служить партии и быть в авангарде ее борьбы за утверждение и сохранение власти, а с другой — получавшему возможности большие, чем у других. Это в какой-то степени воспроизводит «служилую систему», восполнявшую резко увеличившийся разрыв между обществом и государством. Партия стала тем боевым отрядом, который «догонял» и контролировал «уходящее» общество.

Правовое государство, парламентаризм, гражданское общество — историческая альтернатива этой системы. Однако мы хотим подчеркнуть, что речь идет не о борьбе одной концепции государства с другой и, тем более, не о противопоставлении идей службы государству и, например, утилитарного отношения к нему. Этатизм как идеология может существовать и господствовать и в государстве, основанном на законе. Дело в другом. Квазислужилая система, более примитивная по своей сути и, в принципе, менее устойчивая, оказалась востребованной в чрезвычайных обстоятельствах при условии существования базового, так и не преодоленного разрыва между обществом и государством. Это временный социально-политический механизм, который с развитием государства и общества должен смениться более устойчивым.

Ключевая проблема большевиков на всем протяжении их правления — органическая неспособность создать такой механизм. Государство, основанное на законе и общественной поддержке, большевики развивать не могли. «Советская власть» с самого начала и до конца не могла решить проблему своей легитимности и обходиться без террора и лжи.

Советская система постоянно ощущала недостаток легитимности и необходимость его восполнения. Вместо реальных выборов, парламентаризма, разделения властей, были декоративные ритуалы, но они неукоснительно соблюдались.

Стремление обрести дополнительную опору, легитимизироваться, породило и миф о большевиках и их режиме как продолжателях традиций исторической России, которые взяли на себя ответственность за страну и предотвратили ее распад.

Видимо, именно за талантливое творческое обоснование этого тезиса Сталин любил пьесу «Дни Турбиных» Михаила Булгакова. Там пришествие большевиков удачно «разведено» с хаосом и жестокостью социального переворота и Гражданской войны. Их олицетворяет Петлюра. Большевикам же в качестве смысловой нагрузки достается новый порядок — непривычный, непонятный, но объективно неизбежный, необходимый для сохранения России в меняющемся мире. Большевики, в отличие от царского офицерства, оставшегося без царя, оказываются способными победить национализм, Петлюру, хаос и дать надежду на продолжение в новых условиях мирной жизни в киевской квартире за окнами с кремовыми шторами. Один из финальных диалогов офицеров:

«Студзинский. Была у нас Россия — великая держава!..

Мышлаевский. И будет!.. Будет!..

Студзинский. Да, будет, будет — ждите!

Мышлаевский. Прежней не будет, новая будет. Новая! А ты вот что мне скажи. Когда вас расхлопают на Дону — а что вас расхлопают, я вам предсказываю, — и когда ваш Деникин даст деру за границу — а я вам это тоже предсказываю, — тогда куда?

Студзинский. Тоже за границу.

Мышлаевский. Нужны вы там, как пушке третье колесо! Куда не приедете, в харю наплюют от Сингапура до Парижа. Я не поеду, буду здесь в России. И будь с ней что будет!.. Ну и конечно, довольно, я закрываю собрание.

Студзинский. Я вижу, что я одинок»[108].

Впрочем, источником этого мифа была не только советская Россия. Эмигрантская среда породила национал-большевизм — идеологию, представляющую большевиков силой, продолжающей державные традиции исторической России в адекватной для XX в. форме, европейской аналогией которой является итальянский и германский фашизм. Идеологом национал-большевизма стал офицер-эмигрант Николай Устрялов[109]. Сам он пал жертвой собственной идеи — вернулся в СССР в 1934-м и был расстрелян в 1937-м, но его ключевая мысль воспроизводилась в практике большевистской власти.

108 Булгаков М.А. Дни Турбиных // Булгаков М.А. Рассказы. Белая гвардия. Пьесы. М.: Астрель, 2011. С. 325.

109 В 2003 г. работы Н. Устрялова разного времени, составляющие идейную основу национал-большевизма, вышли под одной обложкой в книге: Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: Алгоритм, 2003.

На фоне разраставшегося террора второй половины 30-х гг. место умопомрачительных идеологических фантазий первых лет революции с их примитивным, но безусловным интернационализмом стали занимать более практичные и приземленные подходы патриотической эклектики, когда и Пушкин, и Иван Грозный, и Минин и Пожарский, и маршал Климент Ворошилов, и Беломорско-Балтийский канал получали свое примерно равнозначное место в отечественном «пантеоне».

После героической и одновременно трагической по своей сути победы советского народа над нацистской Германией большевизм не мог решать своих проблем в новой ситуации прежними методами управления без еще более значительной корректировки идеологической базы, и такая очевидная корректировка была сделана путем инкорпорирования неоимпериализма и национализма. Националистические и неоимперские группы в правящей элите стали получать колоссальную «политическую ренту», решая задачу нейтрализовать возможное социальное недовольство и политическую неблагонадежность среди тех, кто прошел войну или активно ее пережил, путем еще большего запугивания и постоянного «указания на врага» внутри страны и вне ее. Пропаганда создавала ощущение почти неизбежности большой войны с теми, кто только что был союзником по антигитлеровской коалиции. Советский Союз был отождествлен с Россией, а врагом был объявлен Запад как таковой, так что Гитлер и нацистская Германия становились в каком-то смысле просто частью враждебного «России — Советскому Союзу» Запада, с которым неизбежно постоянное противостояние вплоть до «нашей полной победы».

При этом давно (похоже, в самом начале, в октябре 1917-го — январе 1918-го) был пересечен качественный порог, перейдя который государство оказалось в порочном круге: не отказавшись от лжи, нельзя было провести сколько-нибудь эффективные реформы, а отказ от лжи угрожал всей системе.

«Социализм с человеческим лицом», продолжение «оттепели», продуктивная экономическая реформа были невозможны, потому что, начав выяснять правду, нельзя остановиться на том или ином, приемлемом уровне лжи.

Одномоментно снести памятники Сталину или вынести его тело из Мавзолея было можно, здесь (ирония истории) как раз

использовалась сталинская технология ретуширования прошлого. Однако развенчать сталинизм было невозможно, не докопавшись до его сути, а понимание сути тоже угрожало государственной системе.

Ключевая проблема советской плановой экономики была в самом ее характере, а отказаться от нее даже мысленно и разрабатывать стратегию перехода к принципиально иной рыночной экономике система не могла.

• • •

Для общества большевистская диктатура была нравственной, социальной, политической, экономической катастрофой, последствия которой, как нам представляется, не преодолены до сих пор, да и вообще «преодолеть» их невозможно. Большинство потерь — безвозвратные.

Серьезный деформирующий отпечаток на национальное сознание наложили запущенный большевиками механизм террора и гражданская война, сопровождавшаяся проявлениями крайней жестокости всех сторон. В 1917 г. русское общество демонстрировало характерную для всей Европы усталость от войны (которая и стала одной из предпосылок февральского кризиса). За годы террора и гражданской войны общество привыкло к смерти, ценность человеческой жизни значительно снизилась. В то же время, непрекращающаяся война стала привычным состоянием, общество приучилось к жестокому, бесчеловечному абсурду. Место осмысления войны как трагической бессмыслицы, которую необходимо прекратить и не повторять, заняло прославление военных успехов победившей стороны, а также ненависть к врагам «молодой республики». Такая организация сознания стала прологом к Большому террору второй половины 30-х гг.

Особый и, возможно, самый важный вопрос — отношения большевиков с крестьянством. К победе в гражданской войне большевики «прорвались» на плечах крестьянской утопии «черного передела». Крестьяне, которых всегда интересовала возможность свободно пользоваться землей, а не формально-юридические права на нее, посчитали передел осуществленным, и сделала это

советская власть, правда, во многих случаях лишь закрепив дефакто произошедший уже самозахват.

Взгляд исследователя: «Крестьянское неведение и растерянность, вызванные отсутствием достоверной информации о событиях февраля–марта 1917 г., постепенно сменялись, как следует из воспоминаний крестьян, утверждением в коллективном сознании «солдатской правды» о перевороте. Результатом подобной практики стала интерпретация факта свержения самодержавия, как сигнала к «черному переделу», хотя непосредственная зависимость одного от другого, на первый взгляд, здесь отсутствовала: «Чай, земля-то барская наша станет, бесплатно ее будем пахать»[110].

Взгляд писателя: «Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неутоленной злобой. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии: «Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок». Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город. И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, — дрожь ненависти при слове «офицерня». Вот что было-с. Да еще слухи о земельной реформе, которую намеревался произвести пан гетман. Увы, увы! Только в ноябре восемнадцатого года, когда под Городом загудели пушки, догадались умные люди..., что ненавидели мужики этого самого пана гетмана, как бешеную собаку — и мужицкие мыслишки о том, что никакой этой панской сволочной реформы не нужно, а нужна та вечная, чаемая мужицкая реформа.

Вся земля мужикам.

Каждому по сто десятин.

Чтобы никаких помещиков и духу не было.

И чтобы на каждые эти сто десятин верная гербовая бумага с печатью — во владение вечное, наследственное, от деда к отцу, от отца к сыну, к внуку и так далее.

Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий, никому его не дадим, что сами не съедим, закопаем в землю. Чтобы из Города привозили керосин.

110 Сухова О. В. Указ. соч. С. 441.

> Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой черт ее не произведет. Были тоскливые слухи, что справиться с гетманской и немецкой напастью могут только большевики, но у большевиков своя напасть: жиды и комиссары. Вот головушка горькая у украинских мужиков! Ниоткуда нет спасения!! Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять... А выучили сами же офицеры по приказанию начальства! Сотни тысяч винтовок, закопанных в землю, упрятанных в клунях и коморах и не сданных, несмотря на скорые на руку военно-полевые немецкие суды, порки шомполами и стрельбу шрапнелями, миллионы патронов в той же земле и трехдюймовые орудия в каждой пятой деревне и пулеметы в каждой второй, во всяком городишке склады снарядов, цейхгаузы с шинелями и папахами. И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы, украинские семинаристы, волею судеб ставшие прапорщиками, здоровенные сыны пчеловодов, штабс-капитаны с украинскими фамилиями... все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей, — и тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции. Это в довесочек к десяткам тысяч мужичков?.. О-го-го! Вот это было»[111].

Юридически земля не являлась частной собственностью с 1917 года, однако она была в крестьянском пользовании, что, собственно, и интересовало крестьян в первую очередь. Отмена частной собственности на землю и принцип уравнительного землепользования для них означал, прежде всего, что помещичья земля становится крестьянской. Можно даже сказать, становится крестьянской собственностью, потому что, как мы уже отмечали, право безвозмездного пользования в крестьянском сознании было эквивалентно праву собственности. Возможно, временно существовало и восприятие советов, утвердивших такое решение, как воплощения идеала народной власти (не Ленина, Троцкого, Сталина или кого-то еще в качестве субститута царя, а коллективного выборного органа в качестве материализовавшегося наконец «голоса земли»). Впрочем, такое восприятие не могло быть долгим и устойчивым. Политика военного коммунизма сделала наглядным тот факт, что вместо воплощенного Беловодья приходится иметь дело с чуждым государством, которое приходит отбирать и притеснять. После того как продразверстка была заменена продналогом (то есть, отбирать стали не все), крестьяне согласились терпеть государство, позволившее реализовать «черный передел». Согласились

111 Булгаков М.А. Белая гвардия. М.: Правда, 1989. С. 83–85.

не все. Мечта о крестьянской республике породила вольницу Махно, кронштадтское выступление, Антоновское восстание, с которыми удалось справиться только с помощью армейских частей. В силу локализма, разобщенности крестьянского сознания, это движение за крестьянскую республику не стало всероссийским, не обрело настоящего политического лидерства. Свою роль сыграло и отсутствие у большевиков моральных границ — сопротивление каралось крайне жестоко. Но все же, в основе взаимоотношений крестьянства и власти — право пользования землей, пусть ущербное, но реальное, которое никакая другая потенциальная власть гарантировать не могла. Сосуществование крестьянского мира с властью большевиков продолжалось почти десятилетие. Однако основой для будущего страны подобный симбиоз стать не мог. Крестьянская утопия уравнительного землепользования не могла быть реализована. На деле процесс разложения общины, выделения экономически успешных хозяев, фактическая консолидация в их руках земельных ресурсов продолжилась. В то же время, полноценной рыночной экономики, в которую такая трансформация могла бы привести русскую деревню, не существовало. Идеологизированная политическая система также не способствовала встраиванию в нее выразителей реальных интересов крестьянства (а не «деревенской бедноты»). Ценностная ориентация и цели этой системы были также далеки от идеалов крестьянского мира.

> Историк В. Кондрашин, на работы которого мы уже ссылались, высказывает предположение, что сталинизм как жестко репрессивная система «в немалой степени обусловлен осознанием факта существования в СССР огромной массы враждебного сталинскому курсу крестьянского населения, способного подчиняться воле власти только под воздействием силы»[112]. Точка зрения в целом спорная: на наш взгляд, большевизм по своей сути репрессивен и изначально был склонен к использованию во внутренней политике террористических методов. Однако в части несовпадения, глубинного взаимного неприятия традиционно-крестьянского и большевистско-сталинского мировоззрения вызывает доверие мнение исследователя, хорошо понимающего особенности крестьянской ментальности. Для нас здесь важен вывод о том, что массовая коллективизация и колхозная система — это не порождение крестьянского общинного сознания, а большевистский проект, одна из целей которого — уничтожение крестьянской ментальности.

112 Кондрашин В. Крестьянство в гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма. М.: РОСПЭН, 2009. С. 340.

Кризис «двоемирия» был решен сверху. Скоротечная массовая коллективизация фактически уничтожила крестьянский мир — как материальный, так и ментальный, как традиционалистский, ориентированный на общинные ценности, так и ставший результатом трансформации.

С точки зрения крестьянского сознания коллективизация была катастрофой, означавшей не возвращение к «крепостническим» порядкам в новой форме (об этом можно говорить только с точки зрения возвращения внеэкономического принуждения), а полное обезземеливание, отделение крестьян от земли, обезличивание, а следовательно и обессмысливание земледельческого труда. Эта операция сопровождалась жестокими массовыми репрессиями, страданиями и гибелью миллионов представителей крестьянского сословия в результате карательных акций, принудительного выселения, голода начала 30-х гг[113].

Десятилетия принудительного труда на чужой земле без права свободного передвижения по стране довершили уничтожение крестьянства как социального слоя.

• • •

Сокрушительный удар был нанесен по институту частной собственности. Слой крупных и средних предпринимателей, возможно, самый активный и перспективный в России XIX — начала XX в. был исключен из структуры общества, «дела» были национализированы, их хозяева объявлены классовыми врагами.

Купеческие династии пресеклись, многие их представители были физически уничтожены или изгнаны из страны. Сами по себе предпринимательская активность и предприимчивость десятилетиями приравнивались к антисоциальным явлениям.

В то же время, ни идеология большевистского государства, ни десятилетия официального господства «антикапиталистической» морали не уничтожили присущего человеку стремления заботиться о собственном благосостоянии и благосостоянии своей семьи и по возможности его увеличивать. Личная хозяйственная и предпринимательская активность в годы НЭПа —

113 См.: Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. М.: РОСПЭН, 2008.

это то, что позволило стране начать восстанавливаться и залечивать травмы Гражданской войны. И надо отметить, что крестьянство определенно проявляло стремление к индивидуальному, частному хозяйствованию, а не к восстановлению общины на диалектически более высоком уровне, хотя политические условия, казалось бы, этому способствовали.

> Наблюдателям-современникам даже казалось, что проникнутая духом частного интереса Россия НЭПа, а не идеологизированная большевистская Россия — это настоящее будущее постреволюционного государства. Потомок знаменитого купеческого рода Владимир Рябушинский, наблюдая за событиями на родине из эмиграции писал: «Разорением, трупами, неслыханным унижением, голодом и холодом заплатил хозяйственный мужик за временную измену идее хозяина, но все-таки выжил...
>
> Из того же корня, из которого в свое время вырос верхний слой старого русского торгово-промышленного класса, вырастает и новое настоящее русское купечество. На двух фронтах бьется оно против коммунистов: на деловом и на церковном, ибо сейчас, как и встарь, хозяйственный мужик — ревнитель благочестия. На религиозном фронте победа уже обеспечена, хотя частичные поражения еще будут. На экономическом фронте борьба, вероятно, затянется, но ее исход тоже предрешен: хозяин теснит и доконает коммуниста... Судя по тому, что западная, а особенно англосаксонская интеллигенция сейчас вступает в полосу переживаний, напоминающих наши шестидесятые годы, есть основание опасаться, что русские события со временем повторятся в Англии и в Америке. Появление там богатых купчиков, барчуков и барынь, балующихся социализмом вроде сына Балдвини и дочери маркиза Керзона, признак есть плохой. Если когда-нибудь коммунистический шквал налетит на Великобританию и Соединенные Штаты, то, может быть, потрясется весь мир, но и тогда не заколеблется освобожденная от большевиков Россия. Дорогую цену платим мы за проверку экономических аксиом, но усваиваем их теперь твердо: выстраданную идею собственности русский народ никогда больше не отдаст...»[114].

НЭП был свернут волевым решением сверху, которое приняло большевистское государство — отдохнувшее, подкормившееся и набравшееся сил благодаря НЭПу.

114 Рябушинский В. Судьбы русского хозяина // Русский колокол, 1927. № 3. С. 52

◆ ◆ ◆

Аристократия была не просто упразднена как архаический социальный институт. Были уничтожены или под угрозой физического уничтожения были вынуждены навсегда покинуть страну не только непримиримые сторонники «старого» порядка, но и убежденные конституционалисты и республиканцы, просто не принявшие советскую власть или боровшиеся против нее. Их судьбу разделило множество представителей новой, интеллектуально-профессиональной элиты, выдвинувшейся в постреформенные годы. Главным политическим врагом авторов октябрьского переворота, первым объектом политических репрессий стали кадеты, то есть конституционные демократы.

Вместе с тем прослеживается некоторая историческая преемственность организации власти. В обостренной, даже гротескной форме проявляется такая черта отечественной политической системы, как замыкание властной группировки на себе, формирование верхушечного слоя, который не связан с обществом и не представляет интересы сколько-нибудь значимых социальных групп. Рождается номенклатура.

> М. Восленский: «До революции либеральные русские интеллигенты с горьким сарказмом переводили с французского слова: «Bien-etre General en Russie» («всеобщее благоденствие в России») буквально: «хорошо быть генералом в России». С тех пор прогремела очищающая гроза Октябрьской революции, и быть генералом в России стало еще лучше. Да чувствует ли вообще этот генерал, завсектором или иной высокопоставленный член класса номенклатуры, что он живет в России? Не где-нибудь, а именно в кругу номенклатурщиков довелось мне услышать любопытную мысль: пропасть между ними и обычным советским населением такова, что начиная с определенного уровня номенклатурные чины живут как бы вовсе не в СССР, а в некоей спецстране. Рядовые советские граждане отгорожены от этой спецстраны так же тщательно, как и от любой другой заграницы. И в стране этой, которую можно условно назвать Номенклатурия, все свое, специальное: специальные жилые дома, возводимые специальными строительно-монтажными управлениями; специальные дачи и пансионаты; специальные санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах; спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; спецавтобазы, бензоколонки и номера на авто-

машинах; разветвленная система специнформации; специальная телефонная сеть; специальные детские учреждения, спецшколы и интернаты; специальные высшие учебные заведения и аспирантура; специальные клубы, где показывают особые кинофильмы; специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и даже специальное кладбище. Номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь — от родильного дома до могилы: работать, жить, отдыхать, питаться, покупать, путешествовать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится номенклатура. Отгороженность класса номенклатуры от массы советских граждан такая же, как отгороженность находящихся в Советском Союзе иностранцев: разница лишь в том, что иностранцев не допускают, а номенклатура сама не хочет общаться с советским населением»[115].

◆ ◆ ◆

Какие черты сложносоставного традиционного сознания начала века сохранились «на выходе» — в более или менее ментально однородном позднесоветском обществе[116] — вопрос, на который однозначно ответить трудно.

Исходя из знаний о традиции и современном состоянии общественного сознания, мы можем высказать обоснованные предположения о том, с какими элементами традиции мы сталкиваемся сегодня.

Это, в частности:

- локализм сознания, особенно в части, касающейся социально-политических отношений;
- пластичность сознания/склонность к конформизму;
- представление о заведомой несправедливости распределения общественного богатства;
- возможность перекладывания ответственности за личные неудачи и недостатки круга повседневной жизни на непреодолимые внешние обстоятельства иррационального характера;

115 Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. С. 317.

116 Речь, конечно, идет не о нивелировании индивидуальных черт и складывании усредненного «советского человека», но культурной разницы цивилизационного масштаба уже нет.

- разделение реального государства и идеальной «державы»;
- связь отношения к собственности с этическими нормами и представлением об общественной пользе;
- сочетание боязни перемен с ожиданием качественного «прорыва», связанного с особыми обстоятельствами;
- разрыв между «писаным» законом и правилами повседневной жизни, с одной стороны, и распространенным в обществе представлением о легитимности — с другой;
- склонность к радикализму в общественно-политической дискуссии, теоретический, отвлеченный характер такой дискуссии;
- мессианство — наделение политических и общественных институтов или лидеров сверхфункциями.

Эти черты специфичны, их надо учитывать, но они не создают непреодолимый барьер для модернизации. К тому же, процесс позитивной социальной модернизации шел и в советское время (социальное выравнивание, рост бытовой культуры, существенное повышение образовательного уровня общества). Развивалась наука, создавались произведения художественной культуры высочайшего уровня. Функционировали элементы социального государства.

Все это — совсем не «достижения советской власти». Мысль о том, что без бандитского переворота, гражданской войны, террористической диктатуры это развитие вдруг остановилось бы, вообще абсурдна.

Напротив, несмотря на серьезнейшие искажения и тоталитарную политическую систему, общество сохранялось, воспроизводилось, развивалось. Форсированный социальный эксперимент продолжался не все время существования СССР. Страна жила не в вакууме, а в мире, идущем по пути глобализации.

Демократический мир и СССР вместе боролись с фашизмом. Это создавало объективные предпосылки для возникновения вновь вопроса о приведении политической и экономической системы в соответствие с общеевропейскими реалиями, впрочем, ставшими уже общемировыми.

Советское общество оказалось способным осмысливать Вторую мировую войну как человеческую и вселенскую трагедию. Это-

му отношению, особенно в первые послевоенные годы, приходилось пробиваться сквозь героико-фанфарный официоз, но уже с 60-х гг. оно перестало восприниматься как запретное, маргинальное.

> Характерна история создания и публичного исполнения песни «Враги сожгли родную хату». Стихотворение Михаила Исаковского о трагедии победителя, потерявшего семью, было опубликовано в журнале «Знамя» в 1946 г. и вскоре положено на музыку М. Блантером. После первой радиотрансляции песня была запрещена для публичного исполнения. Однако она была широко известна и популярна в обществе, а в начале 1960-х была реабилитирована в официальном медийном пространстве.
>
> В 1957 г. на экраны вышел фильм Михаила Калатозова «Летят журавли», в котором война предстает с точки зрения личных, экзистенциальных переживаний. В 1958 г. фильм получил «Золотую пальмовую ветвь» Канского кинофестиваля.
>
> В 70-х — начале 80-х гг. писатели Василь Быков, Виктор Астафьев, Борис Васильев, режиссеры Андрей Смирнов, Элем Климов сформировали отечественную традицию глубоко личностного трагического осмысления войны.

Несмотря на неспособность системы к принципиальным изменениям, для общества крайне важным был опыт общественно-политической либерализации 60-х гг. Рост образовательного уровня общества, распространение высшего образования, рост уровня жизни позволили сформироваться «советскому среднему классу».

Даже приняв решения о сворачивании НЭПа, массовой коллективизации и ликвидации класса состоятельных сельских собственников, в дальнейшем на всем протяжении своего существования советское государство вынуждено было искать формы поощрения инициативности, предприимчивости, думать о методах экономического стимулирования советских людей, так или иначе задействовать естественную частную (предпринимательскую по сути) активность людей.

> Читанный миллионами советских граждан роман «Противостояние» (1979 г.) Юлиана Семенова просто пронизан «лирическими отступлениями» о необходимости поощрения и развития как инициативы в общественной жизни, так и частной коммерческой инициативы. Вот один из характерных фрагментов: «Тому, чтобы поколение умело наращивать мускулы, надо помогать. Вот я из деревни родом, да? Так я еще мальчишкой застал время, когда с дедом на базар ездил, сливы продавал — доволен был, за прилавком

> стоял, з а р а б а т ы в а л! А теперь? Считается, что, мол, детям зарабатывать ни к чему. Неверно это, баловнями растут, на родительских шеях сидят. Надо б сказать громко и открыто: «Валяйте!», Вон семнадцатая статья Конституции — открывай себе, дедушка с бабушкой, пенсионеры дорогие, домашнее кафе или пошивочную мастерскую — прекрасно! И пусть внуки, сделав уроки, бабушке с дедушкой помогут, мускулы порастят... А подите-ка в финотдел, спросите разрешения? Затаскают по столам, замучают, пропади это кафе пропадом! А как бы нам всем жить стало легче, открой таких кафе в городе штук пятьсот! Семейное кафе, собираются, как правило, люди друг другу известные, там хулиганство как-то в схему не укладывается, в семейном кафе и стены добру помогают...»[117].

Легализация кооперативного предпринимательства в последние годы существования советской власти быстро породила массовое кооперативное движение.

У нас нет сомнений, что предпринимательский дух в нашем обществе еще дышит, и инициатива жива, а проблемы российского капитализма и предпринимательства надо искать совсем в других вещах.

В конечном счете, именно развитие общества стало основой массовой поддержки «перестроечных» перемен второй половины 80-х гг. прошлого века и сделало возможным мирный и добровольный отказ от тоталитарной системы.

Что мешает модернизации

Главный вывод, ради которого, собственно, и написаны предыдущие разделы — российское общество не отвергает реформы, способствующие движению по естественному для него европейскому пути. Однако и о сколько-нибудь серьезном продвижении по пути, прерванному большевистским переворотом, даже через 20 лет после формального конца созданного большевиками государства, говорить не приходится. Списывать все проблемы на ошибочную политику власти, значит признать, что общества в России нет.

Если оно есть (а оно есть), значит, в общественном сознании, психологии есть серьезные препятствия для успешного осу-

117 Семенов Ю. С. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 5. М.: Современник, 1984. С. 367–368.

ществления необходимых стране реформ, пусть и совсем не те, стереотипные.

◆ ◆ ◆

На наш взгляд, специфика состояния сознания российского человека рубежа XX—XXI вв. — нестабильность и противоречивость сознания каждого человека, его внутренняя фрагментированность, выражающаяся в наличии разнородных, вступающих в конфликт друг с другом моделей мышления и поведения.

Эта расколотость не сводится к противостоянию «архаистов» и «прогрессистов», принадлежащих к четко идентифицируемым социальным группам. Более того, главные разделительные линии проходят на личностном уровне, в сознании каждого человека, к какой бы социальной группе он ни принадлежал и каких бы взглядов ни придерживался. По сути, в российском обществе объект и субъект истинной реформы, ориентированной на перемены в общественном сознании, неразделимы.

При этом каждая группа ощущает себя меньшинством, оказавшемся в осажденной крепости.

Даже в мышлении русских националистов рубежа XX—XXI вв. образ терпеливого большинства, угнетаемого «инородным» меньшинством, потеснен образом вымирающей России, зияющую пустоту которой заполняют «понаехавшие». Более того, часто люди вообще не идентифицируют себя с какой-либо группой. В чуждую и враждебную категорию «они» попадают все, кроме ближайшего окружения человека.

> В 1999 г. ВЦИОМ проводил опрос, в который включались как вопросы о «качествах, которые чаще всего можно встретить у русских» и «качествах, которые присущи Вам лично». Характерная черта полученного результата — заметная разница между показателями очевидно негативных качеств. Так, ленивыми русских вообще называли 27 % опрошенных, а себя — только 8 %, безответственными — 16 % и 2 %, забитыми и униженными — 16 % и 2 %[118].

Эта проблема — не новость для отечественной социологии. Однако в подходе к ней есть парадоксальный нюанс, вносящий серьезные искажения в анализ причин, и сделанные выводы: ис-

118 Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999. Предварительные итоги сравнительного исследования // Общество на фоне. М.: ОГИ, 2001. С. 19.

следователи (как правило, либерально настроенные) увязывают эту проблему с консерватизмом, традиционализмом, проповедью «особого пути» России.

> Подобная конструкция, например, содержится в одном из последних выступлений Бориса Дубина. Созданный им «портрет проблемы», на наш взгляд, в своей основе точен, ярок[119]. Однако четко обозначенная автором его «привязка» к сторонникам «особого пути» России создает у части аудитории, не разделяющей эту идеологему, иллюзию, что «портрет» ее не касается.

В результате в «либеральных» кругах разговор сводится к старому тезису о «некачественном народе», тормозящем движение страны вперед. А этот тезис сам по себе является проявлением феномена, описываемого социологами. «Консервативная» же среда, в свою очередь, связывает разобщность общества с проникновением западных ценностей, а такими чертами как высокомерие, нежелание слушать оппонентов, признавать хотя бы относительную правоту другого наделяет ненавистных «креаклов».

Мы хотим подчеркнуть, что проблема разомкнутости, разобщености общества, а также локализма мышления, его ограниченности собственной субкультурой не имеет прямой связи с политическими взглядами. Точнее, в нашем обществе смена знака позиции не означает качественного изменения сознания.

> Образ подобного явления в эмигрантской среде создал С. Довлатов: «Иногда меня посещают такие фантазии. Закончилась война. Америка капитулировала. Русские пришли в Нью-Йорк. Открыли здесь свою комендатуру. Пришлось им наконец решать, что делать

119 «Практика общественного мнения в России, риторика власти и отдельных групп, которые на нее претендуют, состоит не в выделении собственной, особой точки зрения, а в ее соединении с любой другой. Нет ничего чужого. Точка зрения других лишь ресурс для моего самооправдания. Власть легко использует риторику вчерашних правозащитников и интеллигентов. Берется любая точка зрения и соединяется с любой другой. Таков язык власти, общественного мнения, СМИ. Поэтому в нем нет общего, обобщенного, универсального языка, ценностей и ориентиров. Все зависит от практической ситуации, сегодняшних геополитических интересов. Вместо риторики оправдания и обоснования своей позиции и признания относительной правоты другого — «предъява», «наезд», «разборка», «склока», «выясняловка». Все это взаимодействие без взаимности. В российской публичной сфере принципиально не ставится вопрос «могу ли я стать другим?». Есть две инстанции, апелляция к которым позволяет уйти от вопроса, — враг и прошлое. Можно вынести вопрос в прошлое или перевести его на фигуру врага: и то и другое разгружает тебя от ответственности и необходимости реальных действий, изменений. С фигурой врага связано ощущение опасности, оно чрезвычайно существенно для российского общественного мнения и сопровождает отношение россиян к социальной политической реальности. Отсюда же роль особого, чрезвычайного, экстраординарного: чрезвычайное положение, «особые отделы» имеют решающее значение в российской жизни» (Дубин Б. Нарциссизм как бегство от свободы).

с эмигрантами. С учеными, писателями, журналистами, которые занимались антисоветской деятельностью. Вызвал нас комендант и говорит: — Вы, наверное, ожидаете смертной казни? И вы ее действительно заслуживаете. Лично я собственными руками шлепнул бы вас у первого забора. Но это слишком дорогое удовольствие. Не могу я себе этого позволить! Кого я посажу на ваше место? Где я возьму других таких отчаянных прохвостов? Воспитывать их заново — мы не располагаем такими средствами. Это потребует слишком много времени и денег... Поэтому слушайте! Смирно, мать вашу за ногу! Ты, Куроедов, был советским философом. Затем стал антисоветским философом. Теперь опять будешь советским философом. Понял? — Слушаюсь! — отвечает Куроедов. — Ты, Левин, был советским писателем. Затем стал антисоветским писателем. Теперь опять будешь советским писателем. Ясно? — Слушаюсь! — отвечает Левин. — Ты, Далматов, был советским журналистом. Затем стал антисоветским журналистом. Теперь опять будешь советским журналистом. Не возражаешь? — Слушаюсь! — отвечает Далматов. — А сейчас, — говорит, — вон отсюда! И помните, что завтра на работу»[120].

В действительности препятствием для движения к организации общественной жизни, соответствующей времени, часто становится не косность мышления, не традиция, а упрощенно усвоенное, искаженное, в чем-то даже фетишистское представление о прогрессе.

То, что в 1996 г. президентский пост был сохранен за Борисом Ельциным без отмены выборов и открытой диктатуры, тогда участниками операции «голосуй или проиграешь» расценивалось как победа, да и до сих пор многие так думают.

Становление путинской авторитарной «вертикали» на начальном этапе также сознательно поддерживали многие либералы, которым экс-глава ФСБ, начавший вторую чеченскую войну, виделся русским аналогом Маргарет Тэтчер или Рональда Рейгана[121].

120 Довлатов С. Филиал // http://www.sergeidovlatov.com/books/filial.html.

121 Блок «Союз правых сил» поддержал Путина и его действия в Чечне. Г. Каспаров в декабре 1999 г. писал: «Пусть со скрипом, но в обществе приживается система смены действующей власти путем голосования. Впрочем и в целом обстановку, в которой прошли нынешние выборы, можно охарактеризовать как наиболее здоровую за всю избирательную историю России. Если, конечно, не принимать в расчет войну в Чечне. На этот раз избиратели, похоже, голосовали именно за тех кандидатов и те партии, программа которых наиболее соответствует их собственным взглядам. Именно поэтому в новом составе Государственной думы ситуацию будут контролировать правоцентристские партии – реформаторы в экономике и ястребы во внешней политике. Неожиданно хорошие результаты СПС показали, что идеи свободного рынка живы. В СПС входят люди, которые видели спасение в реформах западного образца, но никогда не получали возможности провести их как нужно. Поскольку Путин поддерживает экономическую

В 2001 г. во время событий вокруг телекомпании НТВ и холдинга Медиа-Мост в целом наибольшим, на наш взгляд, препятствием для консолидации общества была не традиционная пассивность (митинги в защиту НТВ собирали тысячи человек, подписей собиралось на порядки больше), не державность, уходящая корнями в «московскую» историю, а утвердившееся в новом «среднем классе» представление о корпоративной этике. Дело здесь не только в том, что близкие к власти журналисты и издания стыдили коллег, осмелившихся не по-современному «жить кишками наружу», а в том, что подобного рода тезисы упали на благодатную почву. Да и на смену «команде Киселева» пришли не дикторы ЦТ советской выучки, а амбициозный «второй эшелон» журналистов, профессионально сформировавшихся в 90-е. В этом контексте только с улыбкой можно отнестись к рассуждениям о «социокультурном расколе общества», наличии «культурного авангарда», обладающего современным сознанием и инертной массой, «гасящей» модернизационные импульсы.

• • •

В общественно-политической сфере в этот период особенно ярко проявился феномен «ухода», выразившийся в падении интереса к политике, нежелании участвовать в политических процедурах.

программу СПС, его правительство сможет проводить такой курс, который Дума не заблокирует. Та поддержка, которую российские граждане выражают своим солдатам в Чечне, не является результатом только государственной пропаганды... большинство россиян связывают с решительными действиями в Чечне надежды на то, что и во всей России будет покончено с коррупцией и криминалом. [Западные лидеры] не должны требовать от Путина немедленного прекращения операции в Чечне и не должны угрожать отменой финансовой помощи. Предполагаю, мы сейчас можем наблюдать постепенное восприятие идеологии правых правящим классом России. И, между прочим, увеличение военных расходов и военный успех были также важными компонентами тэтчеровской и рейгановской «революций»: Фолк-ленды, Гренада, бомбежка Триполи – знакомо, не правда ли? Национализм еще может воспрянуть и перечеркнуть либеральные реформы. Прошлое Путина, его связь со спецслужбами и сильная поддержка со стороны военных могут оказаться труднопреодолимыми препятствиями. Но новый правящий класс в России принадлежит к поколению, которое никогда не сидело на заседаниях Политбюро и не испытывает застарелой ненависти к Западу. Он будет вести переговоры с позиций геополитических интересов России, но без каких-либо идеологических предрассудков. Выработав взаимоприемлемую систему отношений в новом веке, Запад может рассчитывать на партнерские отношения с Россией» (Каспаров Г. Победа демократии // Ведомости, 22.12.1999).

> Согласно данным ВЦИОМ, только с 2005 г. по март 2011 г. доля тех, кому политика интересна, сократилась с 48 до 39 %, а тех, кто не уделяет ей внимание, напротив, увеличилась с 50 до 59 %[122].
>
> Один из ведущих отечественных экспертов по проблемам коммуникации Иосиф Дзялошинский отмечает: «Социологи и политологи знают, что, начиная примерно с 2000 года, все большая часть населения уходит в «приватизацию» жизни. По моим данным, около 70 % россиян вообще изъяли себя из общественной и публичной сфер! Гражданин у нас ни за что и ни перед кем не отвечает, кроме как перед своими чадами и домочадцами»[123].

Мы уже не в первый раз говорим об «уходе». Тут следует заметить, что разные формы «ухода», существовавшие в России на протяжении веков, можно принципиально свести к двум: «уход» чисто географический в буквальном смысле этого слова и «уход» в частную жизнь. Криминал, пьянство и наркотики — это тоже формы сугубо частной жизни, пусть и вырожденные.

Альтернатива «уходу» для молодых и активных — политическое насилие.

> Павел Чиков, председатель межрегиональной правозащитной ассоциации «Агора»: «В 80-х годах молодежные группировки в советских городах активно «делили асфальт», избивая друг друга металлическими прутьями и цепями по признаку района проживания, формируя фундамент рэкета и «крышевания» как нового бизнеса в новой России. 90-е годы многим помнятся по бандитским разборкам в духе «Антикиллера» или «Бригады». И снова жестокое насилие, но уже с огнестрельным оружием. Параллельно активно развивалось новое в криминологии явление заказных убийств как способа коммерческих разборок между конкурентами. Две «чеченские войны» с сильнейшим влиянием событий на Северном Кавказе на российскую общественно-политическую жизнь заставили россиян привыкнуть к терактам под соусом национально-освободительной борьбы за отделение от России... Во всех крупных российских городах незаметно рос насильственный потенциал новых молодежных — идеологических — направлений... Привыкшие с 90-х годов к заказным убийствам бизнесменов и разборкам бандитов, россияне столкнулись с новым явлением — нападениями и убийствами, в основе которых не личные обиды, криминальный кодекс чести, кавказская кровная месть или передел собственности,

122 ВЦИОМ. Интерес к политике растет или падает? // Пресс-выпуск № 1725, апрель 2011 http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111495.

123 Дзялошинский И.М. 70 % россиян выключили себя из жизни общества // http://www.bib.co.up/Russian/Russia/2011/04/110405_Russia_poll_dzialoshinsky.shtml.

> а мотивы куда более высокого порядка... Ребята эти живут в среде отрицания принятых в обществе правил поведения — в не вполне здоровом обществе неизвестно кем принятых кривых правил. В их мире насилие допустимо и оправдано, есть четкое понимание добра и зла, друзей и врагов, неприятие полутонов. Любой представитель власти для них — обитатель другого мира, мира тупых обывателей, смотрящих «зомбоящик», не задающих вопросы и ведущих себя как индифферентное стадо»[124].

Заметно разделение отношения к политике на локальном и общегосударственном («державном») уровне.

На локальном уровне, когда речь идет о вещах, которые людей непосредственно касаются, они в большинстве своем — сторонники реальной демократии. Они понимают, что нужно защищать свои права от посягательств чиновников, милиции, наглого бизнеса и т.д. Естественной и непротиворечивой также выглядит мысль об участии граждан в принятии решений, последствия которых их коснутся. Они готовы сотрудничать с самыми разными политическими партиями и общественными организациями, отбирая их только по одному критерию — способности помочь.

Однако когда дело доходит до разговоров о «высокой» политике или выборов на федеральном уровне, ситуация меняется. Место аргументов, связанных с повседневной жизнью, занимают либо мифы и стереотипы, либо псевдорациональные схемы.

> Распространенная в России модель высказывания о ситуации в стране: констатируется ужасающее положение во всех сферах (падение нравственности, коррупция, социальный разрыв и т.д.), но когда дело доходит до ответа на вопрос «кто виноват, разговор вдруг перескакивает на козни дьявола или каких-то сил, которые работают против России (ЦРУ, «агенты влияния», масоны — впрочем, конкретика здесь не всегда и присутствует). Далее, как естественное продолжение, следует тезис о необходимости наведения «порядка», под которым каждый понимает что-то свое, как правило, очень неконкретное.
>
> Пример из личного опыта: На научной конференции, посвященной проблеме сохранения памятников архитектуры в Москве, женщина-профессор долго рассказывала о том, что власти не хотят обращать внимание на разрушение памятников, что чиновники санкционируют разрушительные проекты, что у священников

124 Чиков П. Стреляют все // Газета.ру, 25.11.2009 // http://www.gazeta.ru/comments/2009/11/25_a_3290740.shtml.

часто отсутствует элементарный вкус... А закончила: «просто дьявольское наступление какое-то».

Политические и общественные деятели при этом воспринимаются как обитатели некоего параллельного мира. Если традиционно это был мир мифологический, мир легенды об идеальном царе, то теперь о политиках часто рассуждают как об эстрадных звездах (в стиле «желтой прессы») или героях телесериала. Однако суть явления та же — отделение политики, всего, что связано с государством, от повседневной жизни, от реалий, в которых живет человек.

При этом в отношении к «политике» в большинстве случаев не разделяются власть представительная и исполнительная, властная «вертикаль» и партийная система — весь политический круг часто воспринимается как «начальство вообще». Вектор отношения к «политике вообще» — негативный.

Согласно опросу, проведенному в 2011 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 58 % россиян считают, что политика — «дело грязное» и высоконравственных людей в ней быть не может[125].

При этом проявляется устойчивый комплекс маленького человека», полностью зависимого от внешних обстоятельств и неспособного на них повлиять. Мысль о том, что социально-политическое развитие может определяться не только движением «вышних сфер», что на него в позитивном или негативном плане может влиять индивидуальный выбор человека и гражданина, по-прежнему остается сложной для восприятия.

Литературовед Андрей Немзер: «Мы, дети застоя, входили во взрослую жизнь с единственным, но твердым убеждением (кого гнетущим, а кого веселящим) — в родной стране ничего нового не случится. Во всяком случае, на нашем веку. Шаг вперед, два назад... исчез сыр, где-то выкинули бананы, кому-то книжку (спектакль, фильм, публикацию «из наследия», цитату из Розанова) разрешили, кого-то в лагерь загнали (к отъезду принудили)... того сняли, этого назначили... надо честно делать свое дело, да только как оно пойдет «послезавтра», когда переведутся редкие и сейчас (но с партбилетом) начальники?.. надо пробиваться любой ценой: мой дом — моя крепость, сажать экономически невыгодно, а от дураков-правдолюбцев один вред.... Подарили Брежневу черепаху, тот

125 ВЦИОМ. Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще// Пресс выпуск № 1728, апрель 2011 // http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514.

спрашивает: — Сколько лет она живет? — Четыреста. Генсек плачет: не успеешь привыкнуть к животному, оно умирает. Наш анекдот... Любимые байки вроде бы мужающих юнцов, что призваны были ответить на вызов истории. И ответили. Самодовольством, безответственностью, все той же инфантильной уверенностью: теперь-то ничего не изменится. Сперва это значило: наше время пришло, свое возьмем, свободы не отнимешь! Потом: свободы никогда не было, все режимы одинаковы, миром правили и будут править деньги и ложь (пиар). Разумеется, в генерации нашей есть прагматики и идеалисты, карьеристы и маргиналы, халтурщики и работники, но инфантильность (победительная или обиженная) и растерянность перед будущим (потому и надо всеми силами отрицать на глазах свершившуюся историю, что пугают ее новые виражи) приметны почти у всех»[126].

• • •

Одна из ключевых проблем, крайне затрудняющая модернизацию, — подмена элиты номенклатурой — бюрократическим слоем, живущим совсем по другим законам, к тому же, пронизанным коррупцией и подверженным моральной деградации.

С другой стороны, умные, одаренные люди, природой или Богом предназначенные для того, чтобы служить обществу, не выполняют своего предназначения, а используют свои лидерские возможности и способность влиять на массы в узко частных целях.

При этом разговоры об узости массового сознания, о толпе, об обществе потребления — это самое лучшее прикрытие бездействия и безответственности, какое только можно придумать: «во всем виноваты не мы, такие тонкие, интеллигентные и умные, а они — тупые и ни к чему не стремящиеся».

Ключевой негативный процесс — отсутствие у тех, кого сегодня включают в элиту, чувства ответственности за страну и живущих в ней людей.

В определенной степени это отражение глобального процесса, о котором Ортега-и-Гассет писал так: «Но следует избегать тяжелейшего греха корифеев XIX века — притупленного чувства ответственности, которое вело их к утрате тревоги и бдительности. Отдаваться течению событий, полагаясь на попутный ветер, и не улавливая ни

126 Немзер А. Доигрались // Московские Новости, № 32, 16.05. 2011. С. 15.

> малейших признаков опасности и ненастья, когда день еще ясен — это и есть утрата ответственности»[127].
>
> Однако для нашей страны не менее, а скорее всего, более важными являются специфические внутренние процессы, в частности, то, что трагически большое число достойных, мыслящих, порядочных людей уничтожили, изгнали из страны.
>
> Правда, «золотого века», в котором просвещенные аристократы мудро правили страной, в России никогда не было. В конце концов, именно правившее сословие, с крайним трудом поступавшееся своими правами и привилегиями, не желавшее делиться властью, последовательно вело и в конце концов привело страну сначала к первой русской революции, а потом и к катастрофе 1917 г.

Существующая элита у страны доверия не вызывает и страны, в свою очередь, боится. Вся — и консерваторы, и модернизаторы. Разница только в том, что они предпочитают как средство контроля — одни softpower, другие старый «добрый» hard.

Российский режим часто сравнивают с оккупационным или колониальным, или со «стационарным бандитом», для которого существует только одно право — его право «снимать» дань с проезжающих. Отделенность государства от народа зафиксирована верно.

Только оккупанты-колонизаторы — это внешняя сила, отличная от общества по внешнему виду и, что еще важнее, ментальности. Ей можно противопоставить национальное сплочение и выдвинуть на острие сопротивления национальную элиту.

То, что мы называем «элитой» — либеральная, консервативная, национал-патриотическая, интернационалистическая, почвенническая, вестернизированная — все местные. Поэтому и раскол этой элиты по какому-то из признаков, попытка противопоставить одну ее часть другой ни к чему не приведет.

Почему они такие? Такими были правила отбора «в элиту». Попадали те, кто согласился на определенного рода сделку. Тот, кто не шел на сделку — не попадал.

Это правила игры, они же правила жизни, сформировавшиеся и закрепившиеся в советской, а потом и постсоветской России. Их практически никто открыто не одобряет, но по ним живут, потому что признают их объективными обстоятельствами, с которыми ничего нельзя поделать.

---

127 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М.: Грантъ, 2000. С. 200–201.

В конце 80-х – первой половине 90-х у российского общества был исторический шанс преодолеть номенклатурность и сформировать новую элиту. Он не был использован. Люди, которые могли бы взять на себя функции элиты, обменяли эту возможность на очень сомнительную собственность, на очень большие деньги, на привилегии и участие во власти, наконец, на то, что казалось реализацией идеи индивидуальной свободы — возможность устройства собственной жизни по своему усмотрению. Многие просто приняли правила жизни, в соответствии с которыми так делать было рационально. Просто решили, что по-другому быть не может.

> В 1996 г. произошла консолидация либеральных лидеров общественного мнения и журналистского сообщества вокруг Ельцина. Имеет ли это отношение к национальному характеру и желаниям масс? Нет, скорее, к общественно-политической традиции. «Гершензоновская»[128] логика пронизывает 90-е. Сколько среди тех, кто тогда боялся выбора масс и радовался победе «управляемой демократии», тех, кто сейчас сетует на пассивность общества?

Те, кто по ним живет, сами не ощущают себя хозяевами страны. Они — временщики, понимающие или чувствующие, что своему сегодняшнему, «элитному» положению они обязаны случаю, а следующий случай может все изменить. Большевики захватывали Россию как плацдарм утопической мировой революции и постоянно были готовы к разгрому, бегству, подполью[129]. Стратегия, предлагаемая стране руководством с тех пор —

128 Гершензон Михаил Осипович – литературовед, философ, публицист, один из инициаторов издания в 1909 г. сборника «Вехи», в своей статье, опубликованной в сборнике, в частности, писал: «Между нами и нашим народом — иная рознь. Мы для него — не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Правда, в отличие от самого Гершензона, политические и общественные деятели, о которых мы говорим, часто считают неразрывную связь с властью 90-х не проблемой интеллигенции, а ее естественным состоянием.

129 Люди, которые составляют сегодняшнюю российскую власть, в истории России случайны в квадрате. У большевиков в 1917-м была хотя бы партия и они сами устроили переворот. Нынешние — случайный набор случайных людей, приведенных наверх другими. Их роднит с большевиками стремление сохранить раз обретенную власть во что бы то ни стало, неразборчивость в средствах, цинизм и много что еще. Но свою случайность они если даже не понимают разумом, затуманенным властью, местью, лестью, то чувствуют. Отсюда пустота, неуверенность, постоянное ощущение зыбкости приобретенного, сколько бы много его не было. Это и прикрывается цинизмом в смеси с замашками «крутых пацанов».

только инструмент, средство обретения и удержания власти, которая сама по себе является для временщиков высшей ценностью. Тоталитаризму вообще присуща склонность ради какой-то мелкой, подчас чисто личной тактической задачи придумывать и реализовывать опасную общенациональную, а то и глобальную стратегию.

◆ ◆ ◆

В сфере идей огромное препятствие для движения страны вперед — не преодоленный большевизм. В информационном пространстве за 20 с лишним постсоветских лет многое поменялось. Однако 70 лет советской власти, за годы которой сменилось несколько поколений, наложили глубокий отпечаток на общественное сознание, которое до сих пор остается пропитанным большевизмом на подсознательном уровне.

В самые «либеральные годы» члены царской семьи упорно не признаются жертвами политических репрессий, а станция метро Войковская, названная в честь человека, участвовавшего в хладнокровном убийстве семьи, в которую входили двенадцатилетний мальчик и четыре девушки, так и не поменяла своего названия, многие архивные материалы остаются закрытыми, история органов безопасности современной России попрежнему отсчитывается от «дня чекиста» и т.п. Все это — не просто слова и листки календаря, а целая цепь ассоциаций, логических связей, стандартов мышления, сковывающая современную систему с ее советской предшественницей.

Сколько ни переписывай советский гимн в основе — «Гимн партии большевиков»:

«Страны небывалой свободные дети,

Сегодня мы гордую песню поем

О партии, самой могучей на свете,

О самом большом человеке своем!

Славой овеяна, волею спаяна,

Крепни и здравствуй во веки веков!

Партия Ленина, партия Сталина,

Мудрая партия большевиков!»

Эта ассоциативная цепь поддерживается не только современными идейными сторонниками большевиков, но и общественными институтами, общественная позиция которых, казалось бы, противоречит большевистской архаике.

> Например, центр Ю. Левады в июне 2013 г. провел опрос о политической ситуации в России, основываясь на формуле «революционной ситуации», предложенной В. Лениным («Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого, и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить»[130]). Непонятно, что это — признание научной актуальности формулировки В. Ленина в России XXI в. или постмодернистская игра, однако в любом случае перед нами актуализация большевистского наследия. К нему обращается организация, переживающая попытку «навесить» на нее ярлык «иностранного агента», извлеченный из того же пыльного большевистского сундука, что и формула «революционной ситуации»[131].

«Нормальное» или нейтральное отношение к большевизму и сталинизму — беда нашего общества. Ситуация усугубляется государственной политикой, при этом проблема не только в акциях путинской администрации, открыто актуализирующих «большевистский пласт», таких как возвращение мелодии советского гимна в качестве гимна современной России или возня вокруг переименования Волгограда в Сталинград. Вся политика «склеивания» государственной символики и идеологии из ярких осколков, принадлежащих к различным историческим эпохам, — это воспроизведение большевистской практики избирательного применения истории в целях укрепления собственной легитимности.

Подчеркнем, что это проблема не только 2000-х гг., но и всего постсоветского периода истории российского государства. Дело здесь не в косности электората КПРФ, а в отсутствии политической воли, государственной политики дебольшевизации и восстановления исторической преемственности с реальной Россией, пусть очень трудно, но шедшей к парламентской демократии. Государство ограничилось сменой символики, да к тому же стало заигрывать с «державной» составляющей нацио-

130 Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Ленин В. И. Полное собрание сочинений, издание 5-е. Т. 41. М.: Издательство политической литературы. Т. 41. С. 69—70.

131 См.: 57 % россиян считают ситуацию в стране революционной. Пресс-выпуск Центра Ю. Левады, 18.06.2013 // http://www.levada.ru/18-06-2013/57-rossiyan-schitayut-situatsiyu-v-strane-revolyutsionnoi.

нального сознания, причудливо сочетавшего царско-имперские элементы с советско-имперскими. В качестве герба новой российской республики был утвержден имперский двуглавый орел с коронами, который в отсутствие осознанной исторической самоидентификации символизировал преемственность даже не с предреволюционной монархией, а с полусказочной, абстрактной «Россией, которую мы потеряли», с лубочным, «конфетно-бараночным» образом прошлого.

Этот идеал не прижился, но проложил дорогу другому, советскому утопическому идеалу. Имперский орел был дополнен тяжеловесным советским гимном. Появление его в 2000 году было таким же логичным, как приход на смену олигархическому ельцинскому режиму путинского олигархического же авторитаризма.

Главное же следствие и свидетельство неизжитости большевизма — тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики. Ложь — органический элемент и современной эклектичной государственной системы, желающей сохранить свою связь и преемство и с советским режимом, и с умершим самодержавием, и с современным миром.

Сегодняшняя политическая система России продолжает вести свое начало от государственного переворота, захвата власти группой преступных элементов и кровавой гражданской войны. Именно отказ от осознания этого факта и попытка построения якобы постсоветской России на преемственности и вбирании в себя лжи большевистских десятилетий делает в принципе невозможным движение вперед и предполагает деградацию общественного сознания. Это тупик. Выйти из него можно только обеспечив минимально необходимую легитимность государства и власти, прерванную почти столетие назад, восстановив логику исторического развития страны.

◆ ◆ ◆

Продолжением или перерождением большевизма в нашей стране можно считать явление, которое иногда называют «либеральным фашизмом». Термин неточный, скорее это, все же, необольшевизм (если считать сутью большевизма не левую фразеологию, а пренебрежение к «человеческому материалу»

и выделение в привилегированную группу тех, кто призван слепить из него каркас нового общества), но заимствовавший некоторые идеи из среды, породившей нацизм. Это извращенная праволиберальная идеология, в центре которой — деление человечества на более и менее ценные особи с точки зрения сохранения их жизни и уважения их прав. Социал-дарвинизм. Восприятие социальной политики как обузы, нести которую можно только имея в виду больных и ущербных. Этот взгляд часто сочетается с раздвиганием традиционных для европейского (христианского или иудео-христианского) мира моральных границ по вопросу жизни и смерти (эвтаназия, например).

В Европе и США эта идеология имеет своих адептов, свою нишу, однако в силу демократического политического устройства и повышенного внимания к человеческой жизни как ценности, она маргинальна и не имеет шансов на то, чтобы стать влиятельной. Ее адепты традиционно поддерживают крайне правых, однако в условиях европейской демократии ни один, даже крайне правый политик, ни один политический режим не может воплотить праворадикальный курс во всей целостности его элементов — отказа от социальной политики и жесткого подавления недовольных ради воплощения либеральной экономической программы.

Однако такие воплощения возможны в странах с не столь устойчивыми демократическими традициями и с не столь «ценным» населением. Классический пример — режим Аугусто Пиночета, осужденный и морально, и юридически на своей родине в Чили, но имевший покровителей и до сих пор имеющий поклонников в так называемом «цивилизованном мире».

В России открытые поклонники Пиночета и его социально-экономической политики с начала 90-х присутствуют не в статусе маргиналов, к ним принадлежат люди, с начала 90-х работающие в правительственных структурах, причисляемые к политической, экспертной, журналистской «элите», владеющие крупным бизнесом.

Провалившиеся экономические реформы 90-х, с одной стороны, в значительной степени являются результатом опоры на представления отечественных сторонников Пиночета о стране и ее населении. С другой стороны, провал реформ укрепил либеральных «ультрас» в их взглядах. Вместо честного анали-

за провала и выработки программы демонтажа криминально-олигархической системы — возложение ответственности на внешние обстоятельства (низкие цены на энергоносители) и «невосприимчивый» к либерализму народ.

При этом надо особо отметить, что сторонники этой точки зрения оказались защитниками уже не просто абстрактно-идеалистических размышлений на тему эффективных реформ в отсталой стране любой ценой, а совершенно конкретной криминально-олигархической системы, сформированной реформами 90-х. В частности, они оказались защитниками залоговых аукционов и их результатов.

Сформированный в результате политики 90-х — 2000-х режим органически склонен к фашизации. При приведении к власти Путина была сделана ставка именно на спасение криминально-олигархического режима через установление правой диктатуры. Путину, который «позиционировал себя как либерал» и от которого ждали неких «непопулярных реформ», представители «либеральной элиты» готовы были простить авторитаризм, разгром НТВ, формирование «вертикали власти».

Развитие российского авторитаризма пошло в несколько ином направлении — корпоративно-популистского коррупционного режима в духе Муссолини или национал-большевизма.

Могло ли и может ли российское общество противостоять фашизации? Основания рассчитывать на это есть, и уж во всяком случае стремиться к этому надо. Однако особая ответственность за то, что это не получается, лежала и лежит на тех, кого смотрят и слушают, а также на представителях оппозиции, которые в силу самого факта противостояния аморальной власти обретают некоторый моральный авторитет в глазах россиян.

Однако часть тех, кто мог бы выйти в настоящие лидеры общественного мнения, связали свое будущее с режимом, а многие из тех, кто открыто выступал против курса власти, привычно ощущают себя одиночками, противостоящими обществу. Они не то чтобы склоняются к правому радикализму как идеологии, но демонстрируют характерное для него неверие в людей и стремление найти некую силу, которая поведет страну и народ в нужном направлении. При этом неоимперскому национал-большевизму, по сути, противопоставляются его видоизмененные формы, признаваемые «меньшим злом».

В середине прошлого десятилетия таким образом был создан союз части либеральной оппозиции с левыми радикалами, в частности, национал-большевиками Эдуарда Лимонова. Затем в качестве «союзников» были привлечены националисты.

• • •

Разгром властью леворадикального протеста, лидером которого был Сергей Удальцов, яростная поддержка Лимоновым и национал-большевиками политики российской власти в отношении Украины, роль националистов в событиях на киевском Майдане сделали ставку на союз с националистами основной.

> Искусствовед, журналист и блогер Григорий Ревзин об опыте Майдана: «Националисты соединены с диссидентами опытом противостояния советской власти, совместным пребыванием в лагерях по политическим статьям, в эмиграции, работой в самиздате и тамиздате — это долгая история. В республиках они были практически неразличимы, само понятие национально-освободительного движения предполагает, что либералы и националисты — это два лица одного и того же, где одни отвечают за свободу (liberty), а другие — за национальное чувство. Фигура Александра Исаевича Солженицына, долгое время бывшего знаменем российского прозападного либерального движения, а в итоге оказавшегося одним из столпов русского национализма, олицетворяет этот союз на русской почве. Успехи Алексея Навального, показавшегося либеральной общественности свежим ветром перемен в либеральном лагере — яркая демонстрация того, что тандем возрождается.
>
> Это все более или менее азбучные истины. И черт с ними, номенклатурой и уголовниками, тут все ясно, конструкция предполагает, что наверху Путин, а внизу — Цапки. Но случай Украины как-то очень остро ставит вопрос о соединении либералов с националистами. Все же события, начавшиеся как движение страны в Евросоюз, а продолжившиеся как героическая борьба, смерть и победа со святым именем Бандеры на устах — это такой потрясающий извив политической логики, что над ним как-то трудно не задуматься. И в Прибалтике вхождение в Евросоюз как-то парадоксально соединялось с парадами ветеранов Waffen-SS, но все же там эти соединения не являлись боевым отрядом евроинтеграции. Сегодня же в Украине совершенно очевидно, что Майдан не добился бы никаких успехов без преемников УНА-УНСО. Я знаю, что все прогрессивные люди в едином порыве отрицают националистическую природу победоносной украинской революции, утверждая, что все обви-

> нения в фашизме — это не более чем гнусная пропаганда путинского агитпропа, а эти люди просто уважают Степана Андреевича как личность, чья история более чем неоднозначна. Оно конечно так, но, по-моему, это попытка спрятаться, засунув голову в песок — эти ребята не фашисты в том смысле, что у них нет газовых камер и идей всемирного господства, но в националистической природе их политических идеалов сомневаться странно.
>
> Для России это более или менее острый вопрос. Миссия Алексея Навального — соединение белоленточников с русским маршем, и тут не так важно, соответствует ли это его внутренним убеждениям, или перед нами политтехнология. Опыт Украины нам ясно показывает — без такого соединения победить правящий режим невозможно, а если оно удается, то шансы резко возрастают»[132].

Создан миф, во-первых, о неопасности националистов (немногочисленные организации с не очень умными вождями, с которыми легко справиться), во-вторых, о «цивилизованных» националистах, которые, с одной стороны, удержат в узде идейно близкие к ним массы, с другой, будучи европейски ориентированными, «не тронут» своих либеральных союзников.

Мы считаем национализм крайне опасным явлением для России.

Русские националистические организации действительно в большинстве своем инфантильны и социально безответственны. Их идеология направлена на изоляцию, защиту от внешнего мира. Они не учитывают никаких особенностей России — ни исторических, ни географических, ни социокультурных. Они могут только требовать чего-то от действующей власти, реагировать на ее действия, защищать свою этническую группу, но у них нет целостного представления об управлении многонациональной Россией в ее нынешних границах. Это утопия.

Однако это опасная утопия. Такой же утопией была большевистская идея мировой революции или крестьянская мечта о свободном хозяйствовании на социализованной земле. Но эта утопия обеспечила социальную поддержку крестьянства большевистской диктатуре.

Тезисы «цивилизованности», «европейской ориентации», «малочисленности» и «неопасности» националистов заставляют вспомнить опыт 1917 г., когда малочисленная партия большевиков с утопической программой и вождями, находящимися за границей,

132 Ревзин Г. О либералах и националистах. Сайт радиостанции «Эхо Москвы». http://echo.msk.ru/blog/revzin/1264688-echo/.

в тюрьме или подполье, в течение короткого времени захватила власть в стране и стала самой массовой политической силой.

Сегодняшним либералам не стоит искать утешения в мысли о том, что либерализм и нацизм несовместимы, что они никогда не перейдут границу между терпимостью к националистам и примирением с нацизмом. Опыт все того же большевизма богат на постмодернистские сочетания несочетаемого, такие, как союз бандитов-узурпаторов с идеологией мировой революции, левой интеллигенции с идеей обновления и прорыва во что-то неведомое и высокое через революционную бурю, и крестьянства, увидевшего возможность реализации утопии «черного передела».

Собственно, с подобным эффектом либеральная общественность, на свою беду, уже имеет дело. Мысли о притесняемом русском народе, который должен, наконец, защитить свои национальные интересы, о необходимости формирования русского национального государства (без хоть в какой-то степени очерченного представления о том, каким будет это государство в многонациональной России), распространению и информационной раскрутке которых в течение нескольких лет способствовала оппозиция, сейчас активно используются властью в ее украинской политике, внешней политике в целом, наконец, во внутренней политике по отношению ко все той же оппозиции, которая обвиняется в предательстве национальных интересов. Попытки некоторых лидеров националистов объяснить настраиваемым на националистическую волну массам, что «не любить» надо не украинцев, а выходцев из Средней Азии, выглядят наивными и лишь подчеркивают их политический инфантилизм.

На что опираться модернизационной альтернативе

Расколотое и фрагментированное по многим линиям российское общество, тем не менее, остается скорее однородным в социокультурном отношении.

В сегодняшнем российском обществе нет пропасти, такой, как между крестьянским и «интеллигентским» сознанием начала XX в.

Не существует непреодолимых социокультурных барьеров для понимания между различными общественными группами и типами сознания (таких, как между Судьей и Денисом Григорьевым в чеховском «Злоумышленнике»[133]), да и особенности сознания невозможно четко ассоциировать с определенными социальными группами.

В целом, можно выделить следующие факторы, которые могут и должны стать опорными точками модернизации:

- высокий уровень образования, в основе которого — научный взгляд на мир, единая образовательная система, охватывающая практически все население страны, широкое распространение высшего образования. Несмотря на то, что хорошее образование является весьма ограниченным социальным лифтом, оно остается в числе приоритетных ценностей россиян;
- наличие значительного слоя высококвалифицированных специалистов, профессионалов в различных сферах, высокий творческий потенциал народа, большое число талантливых людей[134];
- способность россиян к быстрой социальной адаптации в современном обществе. Большинство россиян, попавших

133 «– Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

– А то что же ? Не в бабки ж играть!

– Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой -нибудь...

– Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки не найтить... И тяжёлая, и дыра есть.

– Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

– Избави господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нешто мы некрещеные или злодеи какие ? Слава те господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было... Спаси и помилуй, царица небесная... Что вы-с!

– А отчего, по-твоему, происходят крушения поездов ? Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение!

Денис усмехается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

– Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил господь, а тут крушение... людей убил... Ежели б я рельсу унес или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогды, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! гайка!» (Чехов А.П. Злоумышленник).

134 Ситуация сейчас, правда, такова, что многие из них скорее находят применение своим талантам за границей, чем на Родине, однако как-то странно винить в этом общественное сознание (то есть, самих этих людей), перекладывая на него ответственность государства и элит, неспособных создать условия для использования потенциальных возможностей граждан на благо родной страны.

в современное западное общество, легко адаптируются и не проявляют асоциальных склонностей;

- включенность в евроатлантический идейный, культурный, бытовой контекст, знакомство с разделением властей, демократическими институтами, выборами, отсутствие концептуального отторжения этих институтов у большинства.

Это, конечно, не означает, что в общественном сознании не осталось предрассудков, архаичных черт и тому подобного. С иллюзией о том, что распространение просвещения и достижений технического прогресса само по себе приведет к прогрессу социальному, наш мир расстался, по крайней мере к середине XX в.

Однако говорить о сохранении архаичного сознания в сколько-нибудь целостном виде или его элементов как заведомо доминирующих в начале XXI века невозможно.

Поэтому и анализ сегодняшней ситуации в обществе и состояния общественного сознания на основе противопоставления архаики и модерна малопродуктивен или контрпродуктивен.

В современной жизни, конечно, можно искать и даже находить явления, поразительно напоминающие средневековое общество и средневековое мышление[135]. Однако надо разделять аналогичные и гомологичные явления. Аналогичные сходны по форме, гомологичные — по сути.

Как правило, красивые примеры бытования и даже процветания в современном российском обществе средневековых институтов и черт «традиционного» сознания — это аналогичные явления.

> Как мы уже отмечали, между сталинским колхозом и крепостной общиной есть внешнее сходство — при крепостном праве нельзя было уйти от одного помещика к другому, при Сталине у крестьян отобрали паспорта и также лишили их мобильности, а землю, орудия труда и скот обобществили. Однако на деле сталинские колхозы — это совсем не «всплеск» общинно-крепостнической архаики. «Всплеск архаики» был бы движением деревни, направленным против города. А коллективизация была направлена совсем в противоположную сторону — на мобилизацию ресурсов для модернизации промышленности ценой уничтожения традиционного крестьянского хозяйства.

135 В последнее время проведением таких аналогий увлекается один из лучших политологов страны Андрей Рябов – см., например, Рябов А. Новый русский феодализм // Газета.ру, 28.04.2010 – http://gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml.

Также ошибочно связывать, например, сращивание крупного бизнеса и власти с «синкретизмом» традиционного мышления, стремящегося то ли к первобытно-общинному идеалу «царя-пахаря», то ли к средневековому восприятию государя как проекции Бога на земле. Оценка «олигархическому» строю в общественном сознании дается однозначная и совсем не позитивная, и если что и противопоставляется ей, то вполне современный циничный прагматизм.

«Крышевание» бизнеса криминальными и криминализованными государственными структурами — совсем не продолжение патронажа помещика над ушедшими на отхожие промыслы крестьянами[136]. Для крестьян такая ситуация была естественной, для большинства «крышуемых» сегодня она крайне неудобна и чаще всего позорна, но, к сожалению, непреодолима. То же самое и с коррупцией, армейской дедовщиной, несамостоятельным парламентом, управляемыми выборами и т.д., и т.п.

Разрыв между пониманием того, как правильно и цивилизованно должна быть организована жизнь и повседневностью, рождает ситуацию постоянного дискомфорта. Мы полагаем, что именно этот дискомфорт выливается в неудовлетворенность жизнью вообще, тут и там прорывающуюся в разговорах, казалось бы, с весьма благополучными людьми.

Вместе с тем это значит, что социально-бытовая, профессиональная и т.д. модернизация не приведет автоматически к совпадению социально-политического пространства в России в соответствие с современным европейским стандартом. Социально-политическое сознание определяется социально-политическим же бытием, а не бытием вообще. В социально-политической сфере у российского общества крайне мал или вообще отсутствует опыт самостоятельной жизни не на периферии отделенного от общества государства.

При этом подчеркнем еще раз, нет оснований говорить о социокультурном расколе общества, наличии «культурного авангарда», обладающего современным сознанием, и инертной массы, «гасящей» модернизационные импульсы.

То, что часто принимается за «социокультурный» раскол, — противостояние по поводу некоторых моментов отечественной истории, спор «либералов-западников» с «патриотами-почвенниками», взаимная неприязнь успешных, адаптировавшихся к новым

136 Примеры трактовок современных явлений через противопоставление архаики и модерна взяты из работ А. Яковенко.

условиям жизни и балансирующих на грани нищеты «москвичей» и «провинциалов», — является чем-то иным. Это, конечно, раскол, но не на уровне культуры, ментальности, образа жизни и мысли.

Это даже не уровень базовых жизненных потребностей. В основном люди хотят одного и того же — стабильности, уверенности в будущем, того, чтобы их жизнь и будущее их детей зависели не от случая и силы, а от их труда, знаний, умений.

Удовлетворение этих потребностей связывается с разными идеологическими конструкциями, а чаще — с мифами, опирающимися на «желаемые образы прошлого».

По поводу необходимости кардинальных перемен в стране, подлинной модернизации в стране существует консенсус, но дискуссия о модернизации мечется между советско-азиатским идеалом модернизации сверху, «жесткой рукой» и идеалом свободы, основанном на ельцинских 90-х.

Ценности, на основе которых можно строить Европейскую Россию (европейскую с точки зрения ценностей и образа жизни, а географически это — от Калининграда до Петропавловска-Камчатского), в сознании россиян присутствуют. Однако их надо актуализировать, выводить на первый план во внутренней иерархии.

> Рассмотрим, в частности, отношение к свободе. У тезиса о специфическом восприятии русскими свободы как безграничной «воли», об инверсионном метании русской души между анархией и тиранией есть основания. Многовековая авторитарно-тоталитарная традиция — тоже не сказка. Вместе с тем, если бы дело было, прежде всего, в особенностях ментальности, мы бы неизбежно встретились с достаточно четким отторжением европейского представления о свободе и демократии и демократических институтов европейского типа. Такого отторжения нет. Это регулярно подтверждается результатами социологических опросов. Они показывают, что свобода и демократия вполне вписываются в картину мира и ценностные представления российского человека. В то же время эти ценности уступают стремлению к порядку и достатку.
>
> На наш взгляд, суть проблемы в связи между порядком-достатком, с одной стороны, и политической активностью и свободой-демократией, с другой. Ее нет потому, что никогда не было на практике.

> Мнение о патернализме и социальном иждивенчестве как глубоко укорененных чертах российского обывателя нам также представляется весьма поверхностным. Напротив, в условиях весьма далеких от социального государства, когда миллионы людей пережили личные драмы, катастрофы и трагедии, россияне явили многообразие способов выживания с опорой только на собственные силы.

Может быть, в России сравнительно с европейскими странами действительно больше людей с иррациональной деструктивной организацией сознания, демонстрирующих искреннюю симпатию к тоталитарным традициям, ностальгию по «жесткой руке», оправдывающих государственный террор как политический метод. Однако, по нашим оценкам, доля таких людей в последние 20 лет более или менее стабильна. Применительно к политике этот процент сравним с электоратом В. Жириновского. Этот слой не был доминирующим, представлял собой уродливо разросшуюся по сравнению с Европой, но все же маргиналию.

> Даже разочарование в реформах и рост ностальгических настроений выражается в популярности не столько ныне покойных тоталитарных лидеров, сколько общекультурных символов. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в начале 2011 г., главным русским кумиром XX века для россиян является Юрий Гагарин (35 %), Владимира Высоцкого считают кумиром 31 % россиян, на третьем месте — маршал Советского Союза Георгий Жуков (20 %). По данным ВЦИОМ, в первую десятку кумиров россиян также вошли Лев Толстой (17 %), Иосиф Сталин (16 %) и Александр Солженицын (14 %). Рейтинг продолжают Владимир Ленин (13 %), Андрей Сахаров и Андрей Миронов (по 12 %), Михаил Булгаков (10 %). В список «русских кумиров XX века» россияне также включили Михаила Шолохова, Ирину Роднину (по 9 %), Антона Чехова, Майю Плисецкую (по 8 %), Любовь Орлову (7 %), Льва Яшина (6 %), Федора Шаляпина (5 %). Замыкают рейтинг Василий Чапаев, Дмитрий Шостакович (по 4 %), Илья Репин, Михаил Горбачёв (по 3 %), Иосиф Бродский (2 %)[137].

Как мы уже отмечали, специфика состояния общественного сознания нынешнего рубежа тысячелетий в России (обусловленная особенностями отечественной истории и прежде всего тем, что трансформация традиционного общества завершалась в условиях тоталитарной системы) — это не социокультурные различия между более или менее четко определенными социальными группами, а внутренняя расколотость сознания каждого человека, ведущая к его нестабильности и противоре-

137 Интерфакс, 20.01.2011.

чивости, неустойчивости или даже отсутствию иерархии ценностей.

Как в общественном, так и в индивидуальном сознании одновременно присутствуют и деструктивные (архаичные и абсурдистско-постмодернистские), и адекватные времени модели мышления и поведения. Соотношение между ними подвижно. Вопрос в том, какая часть сознания актуализируется лидерами общественного мнения, политиками, обстоятельствами, внутренней политикой, мировым контекстом.

Гражданский бунт или политическая альтернатива?

Опыт преодоления смуты, возвращения государства и единой страны фактически из небытия в отечественной истории был. За счет чего Россия выжила четыре века назад?

Исток той смуты — тоже не случайные или личностные факторы. Это полномасштабный кризис средневекового русского государства, признаки которого начали проявляться до пресечения династии Рюриковичей. Опричнина Ивана Грозного — это уже смута: царь, который параноидально боится своих подданных, политические репрессии, массовые казни, доносительство и палачество, возведенные в ранг заслуг перед государством...

По сути, на рубеже XVI — XVII веков стоял вопрос о переосновании государства, а проблема поиска новой, легитимной династии стала формой его выражения.

> Борису Годунову этого сделать не удалось, несмотря на то, что в его руках были все нити государственного управления и он при «безмолвствии народа» мог устроить спектакль с Земским собором[138].
>
> Возврат к «старине» — чудесное избавление царевича Димитрия, истинного Рюриковича, казалось наилучшим решением. Москва и многие русские города встречали Лжедмитрия ликованием и надеждой. В июне 1605 г. Дмитрий Иванович венчается на царство в Кремле. Однако через год (в мае 1606 года) ликование сменилось разочарованием. И дело не в том, какую политику проводил Лжед-

138 Впрочем, воцарение Бориса Годунова не обошлось без фальсификаций — грамота о его избрании на царство собором, состоявшимся в феврале 1598 года, была составлена «задним числом» в июле, при этом на ней появились подписи и тех «участников» собора, которых в Москве в феврале не было физически.

митрий, и не в том, что пришел с поляками (венчанию на царство это не мешало). Главное разочарование — царь ненастоящий.

Потом выборы Боярской Думой «первого среди равных» Василия Шуйского и снова неудача — ненастоящий царь, с которым продолжала конкурировать старая идея о чудесном спасении последнего Рюриковича (Лжедмитрий II).

Источником легитимности не смогла стать ни «старина», вернувшаяся чудесным образом (хотя этого очень хотелось значительной части, если не большинству народа), ни консенсус элиты. Московская «элита» готова была признать царем буквально кого угодно, лишь бы ей гарантировали сохранение привилегированного положения. С.М. Соловьёв писал об обстановке смутного времени: «Доверие было нарушено, и связь ослабела, государство замутилось; вера, раз поколебленная, повела необходимо к суеверию: потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему... Негде было искать спасения. Лучшие, энергические люди, около которых можно было сосредоточиться, погибли жертвами безнарядья; люди, разрознившие свои интересы с интересами государства, брали явно верх...».

Выходом из катастрофической для России ситуации, когда страна не просто распалась на части, а атомизировалась, стали:

- появление на государственно-исторической сцене новой элиты, способной формулировать и выражать интересы нации;
- «Собор всея Земли» — единственно возможная на тот момент форма реального народного представительства.

Новая элита не принадлежала к какой-то специфической социальной группе — знатной или незнатной, столичной или провинциальной. Это были разные люди — горожанин Кузьма Минин, князь Дмитрий Пожарский, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын и еще много других людей. Они не участвовали в подлостях смутного времени, делали каждый на своем месте то, что считали нужным и достойным, и думали о будущем страны больше, чем о своем собственном, хотя ситуация порождала сомнения в наличии у России какого бы то ни было будущего.

Земский собор, собравшийся в январе 1613 года, в отличие от того, который «избирал» Бориса Годунова, был именно наиболее полным на тот момент народным представительством, собравшимся для того, чтобы решать вопрос о новом государе и новой, легитимной династии. Ответ на этот вопрос не был заранее известен никому из участников собора. Вернее, часть из них (принадлежащая

в основном к московским боярам) думали, что они-то ответ знают и провести свое решение сумеют, но они ошибались.

Новая династия — «произведение» Земского собора, который действительно собрался для того, чтобы выбирать. Потом, конечно, было и помазание на царство (в июле 1613 г.), но помазаны были и Годунов, и Шуйский, и Лжедмитрий. Первоисточник легитимности — не помазание, а собор. Династия, основанная Земским собором, оставалась легитимной три века, за которые многое произошло, облик страны радикально изменился. Был большой шанс, что династия оставалась бы и дальше: конституционная монархия — возможная форма существования демократического государства.

• • •

Почему в России фактически отсутствует массовая гражданская самоорганизация? Почему социально-психологический дискомфорт не выливается в борьбу за социальные и политические права, в голосование за оппозицию на выборах и иные формы политической активности? Почему возникающая гражданская активность быстро превращается в субкультуру?

Первая реальная проблема, связанная с состоянием общественного сознания, — это уже отмеченное нами распространение различных форм «ухода».

Подчинение обстоятельствам и неверие в возможность их изменить — это не поддержка существующего порядка вещей и власти, которая его олицетворяет.

То, что довольно часто принимается за любовь к «жесткой руке» и популярность авторитаризма, — это, прежде всего, — традиционная покорность существующему ходу вещей.

Кроме того, в обществе и элитах высок уровень конформизма. Общество податливо к пропаганде, особенно через электронные СМИ.

Показатель специфического, условного характера поддержки власти — на всем протяжении «нулевых» и в начале 2010-х гг. высокие рейтинги доверия первых лиц сочетаются с недоверием к основным общественным и государственным институтам, к политикам и общественным деятелям.

Во-вторых, уже внутренняя политика «реформаторов» 90-х, атомизировав и грубо индивидуализировав общество и практически ликвидировав его участие в формировании власти фальсификациями голосования на президентских выборах, сделала мысли о переустройстве уклада жизни мечтами, мало соотносящимися с повседневной практикой. Внутренняя политика 2000-х окончательно закрепила эту тенденцию.

По-европейски рациональной реакцией на сегодняшнюю социально-политическую действительность стало приспособление.

Препятствующие модернизации модели отношений у нашего общества не в исторической глубине осознания, а в вызывающей отвращение и дискомфорт, но кажущейся непреодолимой повседневной практике.

> Тамара Морщакова, судья Конституционного суда в отставке: «Я решительно не согласна с тем, что у нас такой народ — страдающий правовым нигилизмом в тяжелой форме, не уважающий право, и поэтому мы должны работать в режиме ручного управления. В области правосудия недопустимо, чтобы всякий раз следовала команда: этого сажать, этого не сажать. Народ мудр. И четко адаптирован к условиям, в которых ему приходится жить. Он знает, что закон не выполняется, что можно с милиционером договориться, если тот хочет за что-то наказать. И что если он с милиционером не захочет договариваться, то в суде точно милиционеру проиграет. Поэтому народ знает: соблюдать закон не надо, надо договариваться. Люди поставлены в такие условия. Правовой нигилизм нужно искать во властных структурах, в чиновничьем аппарате»[139].

Кроме того, в общественном сознании присутствует опасение того, что вместе с несовершенной и часто ненавидимой властью рухнет, развалится историческая Россия. Если при отсутствии видимой альтернативы не доверять еще и первым лицам — начинает рушиться картина мира — просто нельзя жить в такой стране. Эта мысль вытесняется как неудобная.

Вероятно, именно опасениями такого рода руководствовался в последние годы жизни Александр Солженицын, которого в привычке жить «чужим умом» или симпатии к отечественным деспотическим традициям (особенно в их советской версии) обвинить сложно.

---

139 Морщакова Т. «Не согласна, что народ страдает правовым нигилизмом в тяжелой форме» // Московские новости, 10.06.2011.

Конечно, с нашей точки зрения, односторонние призывы «не трогать» власть демонстрируют отсутствие воли к переменам, только увеличивают вероятность суверенного коллапса, но это уже совсем другой разговор.

• • •

В такой ситуации любое нарушение стабильности, в том числе и всплеск военной истерии, наблюдаемый сегодня, чреват коллапсом государства, которое так же как в 1917-м и 1991-м останется без общественной поддержки. Истерическая поддержка не должна обманывать. Чтобы радостное единение вокруг императора сменилось злобой, ненавистью, подозрениями в августейшей измене, в условиях Первой мировой войны понадобилось около двух лет. Сейчас все социально-политические процессы идут быстрее.

В критической ситуации лояльность к авторитарному государству, основанная на его безальтернативности, быстро сменится желанием «подтолкнуть падающего».

Учитывая это, очень важно подумать об извлечении уроков из всплеска общественной активности, начавшегося в декабре 2011 г.

Протест обладал рядом специфических черт, которые позволяют говорить о сохранении парадигмы «ухода» и исторически сложившихся форм взаимоотношений с властью даже в среде самых активных граждан — участников массовых протестных акций.

Не только авторитарное государство, но и политика как таковая воспринимались в протестной среде как нечто чуждое, неприятное, не заслуживающее доверия. Популярность приобрела концепция «неполитического гражданского протеста». Даже люди, открыто выражавшие недовольство фальсификациями на выборах, стремились дистанцироваться от политики и ее атрибутов — партий, идеологий, программ, пытались противопоставить участию в «политике», традиционно вызывающей негативные эмоции, эмоционально позитивный «чистый» гражданский протест.

Очевидное преобладание в оппозиционных акциях эмоциональной составляющей над программно-рациональной, на наш взгляд, позволяет говорить о сохранении в начале XXI в. черт, восходящих к традиционной форме народного протеста — бунту. Как мы уже отмечали, бунт представляет собой не акт гражданского действия, направленный на достижение логически обоснованных политических целей. Напротив, он даже не оборотная сторона, а форма существования той же социально-политической сути, которая вне бунта выражается в социальной апатии, покорности неизменным обстоятельствам, различных формах «ухода». Это не прорыв к выходу из неизменного круга вещей, а органическая составляющая этого круга, в принципе не нацеленная на то, чтобы его разорвать.

> О. Сухова о крестьянский бунтах начала XX в.: «Поляризация представлений о социальной справедливости в контексте противопоставления Правды и Кривды в родовом сознании великороссов позволяла идентифицировать собственное участие в погромном движении как санкционированное свыше вознаграждение, расплату за долготерпение и страдания. Отчасти, это воспроизводство преломленной в архетипах крестьянской ментальности идеи о цикличности развития мироздания, о чередовании эпох смирения (социокультурного гомеостаза) и бунта (социокультурного кризиса).

У бунта есть лидеры, но функция лидера и авторитета — не в формировании требований, не в переговорах с властями, не в претворении массовых настроений в политическую форму, а в эмоциональной «настройке» на массу. О том, что делать дальше, лидеры бунта не знают и не могут знать. Более того, претендующие на знание бунту и не нужны, они за пределами ритуала.

Начинается и заканчивается бунт спонтанно, конкретный момент спрогнозировать сложно, понятно только, что конструктивного результата у бунта заведомо быть не может, — протестная масса либо распадется, либо произойдет срыв в хаос.

> О. Сухова: «Погромные выступления, несмотря на определенные элементы формальной организованности (принятие решения на сходе, агитация вплоть до принуждения: "сожжем", кто не поедет, "виноватым будет" и т.д.), носили, безусловно, стихийный характер. Все действия были подчинены незамедлительному удовлетворению потребности в эмоциональной разрядке, жажде мщения, возмездия, причинения ущерба тому, кто в оценках крестьян являлся социальным носителем образа "врага"».

> Достижение желаемого результата, сброс, разрядка сверхсильного эмоционального напряжения — эта фаза в развитии социальной агрессии приобретает форму всеобщего ликования, массового «праздника», «карнавального действа» или «масленичного гуляния», со всеми присущими последнему атрибутами: «Народ этот кричал: «Ура!», бабы пели песни», «кто-то играл на гармонии» (с. Любятино Пензенской губ.); «крестьяне обоего пола, распивая водки и вина, закусывали варением и плясали под беспорядочные звуки пианино» (с. Б. Верхи Пензенской губ.)[140].

Массовые митинги протеста 2011—2012 гг. — это не погромные выступления. Но и участники — не крестьяне-общинники начала века. Это люди XXI века, получившие современное образование, воспитание, представление о добре и зле. Физическое разрушение, насилие, убийство для них не является морально оправданным даже как регуляция сверхсильных переживаний. Они, как «люди слова», скорее, склонны к вербальной самореализации. Однако и для них выступление — это, прежде всего, способ регуляции эмоциональных переживаний, способ избавления от становящегося невыносимым (во многом — в результате процесса «говорения») чувства унижения через единение с массой. Каждый из принадлежащих к современной массе, конечно, считает себя личностью и не любит слово «масса», но с какой гордостью и даже упоением участники процесса говорят о численности собравшихся.

> Иллюстрация «регуляции эмоциональных переживаний» — цитата из блога В. Шендеровича: «Утро началось с письма от немолодого друга-поэта, проведшего субботний день на проспекте Сахарова. В этом письме много жестких наблюдений за выступавшими, по персоналиям, а главный итог такой: «Те, кто внизу, были мне гораздо милее тех, кто сверху. Не было сверху интонации уверенного веселья, победительного умного веселья». Победительное умное веселье! Очень точная формула успеха. Надо копить это чувство — и пытаться соответствовать...». Здесь важно не то, насколько ощущения блогера соответствуют реальной атмосфере, а сам по себе характер этих ощущений и то, что они для автора записи — главное в происходящем.

Однако выступления 2011—2012 гг., на наш взгляд, имели шанс перерасти в качественно другой, более рациональный, осмысленный, облечённый в четкие политические формы протест. Ситуация, сложившаяся в конце 2011 г., — отражение ситуации

140 Сухова О. В. Десять мифов крестьянского сознания. С. 250.

в российском обществе и общественном сознании в целом. Бунт — не единственная модель социально-политического поведения, присутствующая в общественном сознании современной России. Непосредственный повод для выступлений был политическим (фальсификация результатов выборов), начали его, прежде всего, люди, участвовавшие в выборах и голосовавшие за демократическую оппозицию (до 40 % пришедших на проспект Сахарова 24 декабря 2011 г. заявили, что участвовали в выборах и голосовали за партию «ЯБЛОКО»[141]). Запланированные на март 2012 г. президентские выборы давали протестующим возможность политической консолидации вокруг собственного кандидата, который бросил бы вызов непосредственно Путину. То, что протест не пошел по этому пути, а «свалился» в модель бунта, а потом в строгом соответствии с этой моделью стал терять участников, — ответственность конкретных людей, оказавшихся лидерами протеста.

◆ ◆ ◆

Для нас очевидно, что общественная потребность в реальной модернизации, направленной на создание нового качества жизни, будет пробивать себе дорогу даже в условиях общественного застоя, располагающего к конформизму и уходу от гражданской активности.

При этом нельзя просто положиться на то, что снижение авторитарной нагрузки на социально-политическую систему, предоставление гражданам реальных политических и гражданских свобод постепенно выведет страну на перспективный путь развития.

Расколотое, эклектичное сознание нестабильно, оно находится в движении. Если оно не будет двигаться к современной европейской организации взаимоотношений между обществом и государством, оно будет деградировать и «сваливаться» в национализм, реваншизм, вместо реальной цели следовать за утопиями и фантомами. Кроме того, будет продолжаться нарастание числа окончательно потерявших перспективу. При этом нельзя просто останавливаться на констатации факта

141 Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря 2012 г. Пресс-выпуск Центра Ю. Левады 26.12.2011 // http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya.

неразрывной связи модернизационного прорыва и социально-политической трансформации, как это делает большинство либеральных аналитиков.

Мысль о том, что сами по себе гражданские свободы и нефальсифицируемые выборы постепенно решат проблему российской трансформации, не очень глубока.

Если проблемы сопротивления массового сознания модернизации, неприятия реформ как таковых нет, то проблема переходного периода существует. Политический дилетантизм, неопытность недавней оппозиции в области государственного управления, подмена содержательной дискуссии краснобайством, групповщина, гипертрофированное влияние радикалов привели к расшатыванию и крушению государства в 1917 г.

К тому же, мы теряем историческое время. Накопившиеся за последние 20—25 лет отклонения от принципов и норм построения демократии, циничное извращение демократических лозунгов, их использование для прикрытия воровства и коррупции, многолетняя имитация важнейших институтов, бесконечная ложь, приравнивание государственных интересов к личным и кастовым, существенная изоляция правящей номенклатурой России от остального мира, — все это привело страну и общество в качественно новое состояние, когда:

1. Любые, даже, казалось бы, разумные решения либо неисполнимы, либо бессмысленны, потому что сложившуюся систему невозможно (или почти невозможно) корректировать и реформировать.

2. Давно и всем известные пути нормализации общественной жизни — свобода слова, федерализация, свободные выборы — имеют все меньший шанс на реализацию. В перспективе вполне вероятен обвальный крах существующей ельцинско-путинской системы и появление на ее месте чего-то еще более отвратительного.

Это в полной мере относится и к экономическим проектам и инициативам.

С точки зрения развития сложившаяся корпоративная полукриминальная система мертва — у нее нет вектора развития, нет пространства для движения.

В этих условиях необходима сознательная, волевая, целенаправленная работа, суть которой — предложение стране профессионально разработанной, затрагивающей интересы всех слоев общества модернизационной альтернативы.

Глава 3

Европейский путь, или Кто, как и когда будет модернизировать Россию

Где нет еще доброй лежислации, тут немного происходит способных людей... нет в Европе просвещенного народа, который бы свое просвещение не заимствовал бы от разумной лежислации.

Никита Иванович Панин[1]

В Европе царей Россия могла иметь силу, даже решающую; в Европе народов она — толстое бревно, прибиваемое к берегу потоком народной культуры. Когда в международной борьбе к массе и мускульной силе присоединилась общественная энергия и техническое творчество ломившейся вперед России, где этих новых двигателей не было заготовлено, пришлось остановиться и только отбиваться, чтобы не отступать.

Василий Осипович Ключевский[2]

В предыдущей главе мы стремились показать, что такое «русская система», как формировался русский национальный характер, к какой цивилизации принадлежит народ России, действительно ли он настолько своеобычен, что может развиваться по европейскому пути только ценой отказа от ряда ключевых особенностей мышления и мировосприятия.

1 РГАДА. Ф. 19, оп. 1, д. 286, ч. 1, л. 60 об.

2 Ключевский В. О. Из записной книжки // Ключевский В.О. Литературные портреты. М.: Современник, 1991. С. 454.

Мы стремились показать, что, несмотря на трудности и испытания, наш народ при определенных условиях способен создать государство, в котором мерилом всего будет человек и его достоинство.

В последней главе мы сосредоточимся на том, что необходимо для по-настоящему глубоких модернизационных перемен в России, одним из главных результатов которых станет современное правовое социальное государство.

История модернизации в России

Прежде всего отметим, что модернизация для России — это не единовременное предприятие, вызванное столкновением с чуждой, но более успешной цивилизацией. Это уходящий корнями в глубь веков процесс, тесно связанный с российско-европейскими отношениями. С XV в. Московское государство, вернувшееся в европейскую политику после 200-летнего «перерыва» на ордынское иго, проявляло заинтересованность в европейском опыте и его носителях. Однако этот интерес был, прежде всего, практическим, технологическим[3].

Если же понимать модернизацию как качественное изменение государства и общества, то для России речь идет не столько о заимствованиях, сколько о включении в ритм европейского Нового времени, неизбежность которого остро ощущалось за десятки лет до петровских реформ.

Первая попытка кардинального переустройства жизни государства и общества была обращена не на Западную Европу, наследницу Рима, а на ту часть древней империи, с которой на Русь пришло христианство.

Религиозная форма и возвращение к «древнему благочестию», как мы уже отмечали, не должны вводить в заблуждение — речь шла о масштабном переустройстве одной из важнейших сфер жизни страны и народа, целью которого было достижение качественно нового уровня развития государства. Планы патриарха Никона предусматривали не только исправление богослужебных книг, но целый комплекс мер, в результате реализации

3 См.: Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV — XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012.

которого русское государство должно было стать центром православного мира не только в духовно-мировоззренческом плане (идея Москва — третий Рим), но в политической реальности. Существовали планы административного переустройства церкви, предусматривавшие, в частности, увеличение числа епархий и архиереев, следствием которого стало бы сближение церковной иерархии с паствой.

В реформе в полной мере проявились черты, свойственные одной из моделей русской модернизации и в дальнейшем:

- при эндогенном начальном импульсе, большую роль играют внешнеполитические, экспансионистские цели;
- планирование и проведение реформы «сверху», предъявление ее обществу в качестве готового решения, не подлежавшего изменению;
- радикально-насильственный характер реформы;
- резкий разрыв со «стариной»;
- своего рода фетишизм, придание большого значения второстепенным внешним признакам[4].

Петровская модернизация, отстоявшая от никоновой реформы на полвека, имела тот же внутренний источник — давно назревшую, не удовлетворенную и постоянно напоминавшую о себе (волнениями и другими проявлениями кризиса управления, внешнеполитическими трудностями) потребность переустройства государства, но иную направленность. Место Греции как ориентира заняла Западная Европа. Новая Россия видела себя уже не как центр вселенского православия, а как новая великая европейская держава. Никон строил под Москвой Новый Иерусалим с точной копией Храма Гроба Господня, а символом петровских реформ стала новая столица на Балтике. Сосредоточе-

4 Говоря о фетишизме, мы имеем в виду не перемены в богослужении, которые имеют отношение к сути реформы, а подчас граничившее с манией стремление во всем жить по-новому (в данном случае по-гречески), свойственное патриарху Никону. Р.Г. Скрынников так описывает эту сторону никоновой реформы: «Грекофильство Никона не знало предела. Он велел духовенству сменить традиционное русское облачение на греческое. На патриаршей кухне была заведена греческая еда. Старорусские обряды предавались осмеянию с неуместной запальчивостью и резкостью. Грекофильство имело в основе не преклонение перед эллинистической культурой и византийским наследием, а провинциализм патриарха, выбившегося из простых людей и претендовавшего на роль главы вселенской греческой церкви». (Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб. Искусство-СПб, 2000. С. 394–395).

ние на религиозной жизни сменилось вниманием к экономике, военному делу, политическим институтам.

Однако характерные черты взаимоотношения властителя-реформатора со страной и народом в полной мере проявились и в ходе петровских преобразований. Единственным субъектом реформ была власть, высоким был уровень насилия, радикализма, разрыв со «стариной» был резким и демонстративным, заметным был и «реформаторский фетишизм».

Укрепление абсолютистского самодержавного государства[5], которое способствовало военной, технической, промышленной модернизации, становилось преградой для модернизации социальных отношений внутри страны, появления элементов договорной культуры, закрепления прав сословий.

Такой исторический выбор усилил позиции России как одного из главных действующих лиц европейской (что в контексте XVIII в. равнозначно мировой) политики, но прямо обусловил несколько стратегических последствий, с которыми мы имеем дело до сегодняшнего времени.

> А. Каменский: «Сама модернизация оказалась средством сохранения и даже усиления значения государства... Крепостное право было этому государству необходимо, ибо оно укрепляло его власть над подданными, но оно же, крепостничество, становилось постепенно и главным врагом государства, поскольку истощало его силы, тормозило дальнейшую модернизацию, а дворянство при этот делало все более крепким и при этом от государства независимым... В условиях экономической зависимости от крепостного крестьянства сословное развитие дворянства неминуемо влекло за собой усиление крепостничества и, следовательно, не приближало Россию к гражданскому обществу, а, наоборот, отдаляло»[6].

> А. Медушевский: «Идеи рационального и справедливого государства, присущие Петру, на практике привели, однако, к созданию полицейского государства по образцу западноевропейских абсолютных монархий. При отсутствии каких бы то ни было институтов социального контроля государство не было связано ничем в ходе

5 Определение императора в толковании к 20 артикулу Воинского Устава: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете ответа о своих делах дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли яко христианский государь по своей воле и благомнению управлять».

6 Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке, традиция и модернизация. М.: Текст, 1994. С. 303.

рационализации и модернизации, которая поэтому неизбежно приобретала принудительный, навязанный характер...»[7].

Несмотря на эндогенный характер модернизации, на практическом уровне для российской власти она часто и легко превращалась в инструмент достижения определенных целей, прежде всего военно-политических.

Даже «просвещенные» европейски мыслящие государственные деятели, признававшие необходимость модернизации, интенсификации экономики, отодвигали начатое на второй план, когда возникала необходимость мобилизации ресурсов для решения насущных задач государства.

На практике такое соотношение приоритетов выливалось в крах многих модернизационных начинаний при их столкновении с текущей политикой, с тактическими политическими решениями, с сиюминутными нуждами.

Показательный исторический пример — выпуск первых русских бумажных денег, ассигнаций. Введение в оборот бумажных денег было качественно значимым шагом для развития экономики, однако практически сразу после появления ассигнаций их эмиссия использовалась для покрытия расходов на ведение русско-турецкой войны. Результат — обесценивание, утрата доверия. Впрочем, если бы не война с Турцией, наверняка возникла бы еще какая-то неотложная государственная нужда. Главное — как только появились бумажные деньги, их выпуск стал рассматриваться как дополнительный ресурс и при первой же возможности этот ресурс был мобилизован.

Экономическое мышление российского руководства хорошо иллюстрирует фрагмент «Инструкции о казенных доходах», данной Комиссии о коммерции (созданной для приведения в порядок и улучшения состояния торговли и финансов) в 1763 г: «Многие из нас думают, что государственную экономию всяк тот может знать, кто у себя дома добрый хозяин, но мы понимаем, что государственная финанция тому только известна, кто из прямых ее оснований разуметь старается и что знание домашнего хозяйства и хозяйства государственного совсем происходят от противных принципий. Партикулярный человек делает в своем доме расход, смотря по доходу, а нам должно делать доход, смотря по расходу... Ибо и без того наши государственные расходы превосходят доход казенный более, нежели целым миллионом»[8].

7 Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. С. 51.

8 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 397, оп. 1, д. 20, л. 13.

Целый ряд реформ, необходимость которых осознавали и обосновывали в многочисленных «прожектах» как чиновники, так и активные представители общества, вообще не начинались всерьез, потому что государство не было готово вкладывать в них деньги, не видя перспектив их быстрого возвращения. Особенно это было характерно для проектов, предполагавших трансформацию образа мышления и действия значительных социальных групп.

Так, во второй половине XVIII в. неоднократно ставился вопрос об активизации внешней торговли и коренном изменении образа мысли и действия российского купечества. Григорий Теплов, руководитель Третьей комиссии о коммерции, фактически игравшей при Екатерине II роль министерства торговли, и видный екатерининский вельможа Никита Панин, активно участвовавший в деятельности Комиссии, выступали с резкой критикой русского купечества. Теплов обвинял купцов в удовлетворении «тем продуктом, который оне от внутренней коммерции получают, употребляя к тому разные пронырства и хитрости»[9]. Н.И. Панин, писал, что «по большей части наше знатное и именитое купечество обогащается угнетением своих собратьев меньше имущих»[10]. Такому характеру предпринимательской деятельности русского купечества противопоставлялся идеал «истинной коммерции», сформированный под влиянием идей просветителей и западных экономистов. «Истинная коммерция» характеризовалась большим числом участников-предпринимателей, действующих в условиях честной конкуренции, обеспеченной справедливыми законами.

Реализация этого идеала в России, согласно проектам Панина и Теплова, предусматривала создание правового фундамента массовой предпринимательской активности, именно повышение социального статуса купечества, создание системы коммерческого образования.

На практике, однако, социальные реформы и новые законы так и остались на бумаге не из-за косности и архаичности купечества, а из-за отсутствия у власти воли к социальным реформам и денег на развитие образования.

Забота о коммерческом образовании ограничилась указом от 9 апреля 1764 г. об отправке купеческих детей на учебу за границу[11]. В нем упоминались аналогичные постановления петровского

9 РГАДА. Ф. 397, оп. 1, д. 32, л. 15 об.

10 См. РГАДА. Ф. 19, оп. 1, д. 286, ч. 1, л. 58 об.

11 См. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649—1825. (ПСЗ). СПб, 1830. Т. 16. N 12150.

времени, но, в отличие от них, указ 1764 г. не предусматривал финансирования учеников. Исследование, проведенное Н.В. Козловой, показывает, что и в дальнейшем эффективных мер по повышению уровня коммерческого образования предпринято не было. Единственное специализированное учебное заведение, основанное в годы правления Екатерины II, — Московское коммерческое воспитательное училище, в силу особенностей его организации не могло оказать серьезного влияния на существовавшее положение дел, да и оно финансировалось не казной, а П.А. Демидовым[12].

Впрочем, сами просвещенные чиновники в неудаче своих начинаний винили не власть (то есть себя), а традиционную косность подведомственного им населения.

Консервирование крепостного права и жесткость сословной структуры служили непреодолимым препятствием для последовательного развития качественно новых элементов в рамках традиционного общества.

В организованном по крепостному принципу обществе не могли закрепиться новые виды экономической, социальной, гражданской активности, которые появлялись, но существовать могли только вне рамок, установленных государством, вне закона, вне системы. То есть и здесь, вместо выстраивания системы отношений, способных развиваться, эволюционировать, расширять круг вовлеченных в них людей, реализовывалась модель «ухода», выводящая наиболее активные элементы за пределы социальной структуры.

А. Каменский в исследовании на материалах уездного города Бежецка[13] показывает, что русская городская община уже во второй половине XVIII в. могла обладать признаками общины в европейском понимании, однако ее развитие и становление как института гражданского общества тормозилось жесткой сословной структурой и иными государственными установлениями: «Городская община по сравнению с другими группами горожан обладала значительно большей степенью легитимности в том смысле, что ее статус был более детально проработан в законодательстве. Именно это, собственно, и делало ее полноценной общиной не только в том значении, в каком это понятие традиционно употреблялось в контексте русской истории, но и в более широком понимании, обозначаемом обычно английским словом «community». Укрепляло статус город-

12 Козлова Н.В. Организация коммерческого образования в России в XVIII веке // Исторические записки Т. 117. М.: Наука, 1989. С. 298–300.

13 Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006.

ской общины и наличие, при всей ограниченности их функций и возможностей, выборных органов самоуправления. Однако отсутствие в России в тот период понятия «гражданство», сам характер социальной структуры русского общества и соответствующая ей система административного управления, предполагавшая подчиненность отдельных социальных страт параллельно существующим властным вертикалям, с одной стороны, крайне затрудняли разрешение возникающих конфликтов, с другой — порождали зоны своего рода безвластия, оказавшись в которых человек, по крайней мере, на время, мог находиться вне контроля государства... даже в условиях паспортной системы и тотального контроля государства человек мог годами и, по сути дела, бесконтрольно передвигаться по стране, переезжая с места на место и находя различные формы заработка»[14].

Как отмечает А. Каменский, «потребности экономики в рабочих руках и различных профессиях были много шире того, что предусматривала социальная структура общества, подчиненная фискальным целям государства. Иначе говоря, социальная структура находилась в противоречии с потребностями экономики и тормозила ее развитие»[15].

Естественно, существенного и достаточно быстрого роста качественно новых элементов, накопления их критической массы в таких условиях быть не могло. Нерегламентированная никакими законами территория «воли»[16] при этом играла

14 Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей... С. 135.

15 Каменский А.Б., Повседневность русских городских обывателей... С. 30.

16 Кстати, ситуация, когда самореализация наиболее активных элементов общества связана с уходом от государственного контроля и сословного общества, наводит на мысль о том, что такое специфически русское понятие как «воля» — это не доморощенная бесшабашная, безграничная и безответственная альтернатива европейской свободы, а единственно доступная форма реализации индивидуальной свободы при сложившихся у нас взаимоотношениях между народом и государством. То, что русская «воля» — это не вседозволенность, не безудержная и разрушительная бесконтрольность, а именно «уход», образно описала Н. Тэфи: «Мы, русские, дети старой России, рождались с этим чувством воли. Крестьянские дети, дети богатых буржуазных семей и интеллигентной среды, независимо от жизни и воспитания, понимали и чувствовали призыв воли. На этот голос откликались тысячи бродяг, каких ни в какой другой стране не увидишь. И не потому не увидишь, что, мол, в других странах порядок строже и жизнь обеспеченнее, так что нет ни возможности, ни смысла бросить родное гнездо. У нас к бродягам тоже относились строго, арестовывали, приговаривали к наказанию, водворяли на место жительства. И не всем, покинувшим свой дом, жилось в этом доме плохо. Так что причина лежит не здесь. В чем же она? Любовь к путешествиям, что ли? Купите такому бродяге билет, отправьте его с деньгами и комфортом в чудесное русское место, на Кавказ, в Крым, так он выпрыгнет из вагона где-нибудь в Курске, деньги пропьет и пойдет пешком в Архангельск. Зачем?

— Да там, говорят, деготь дешево продают.

— А на что тебе деготь?

роль клапана, дававшего выход разного рода общественной активности, но не позволявшего ей трансформировать ни общество, ни государство, ни взаимоотношения между ними.

Говоря об очевидном промышленном росте, можно указать на такое же очевидное стратегическое ограничение: крепостная промышленность не могла развиваться самостоятельно, по законам рынка, свободной конкуренции. В крепостной системе не было свободных рабочих рук, рынка труда. Кроме того, серьезной помехой для действия рыночных механизмов была государственная защита интересов дворянства, использование которыми «административного ресурса» создавало заведомо неравные условия в отношениях с купеческим сословием. Что касается самих дворян-промышленников, особенно крупных, то они были ориентированы на вложение доходов не в производство, а в поддержание подобающего сословию образа жизни.

Быстрая, но сословно ограниченная европеизация дворянства в сочетании с консервацией и распространением крепостного права привели к формированию явного культурного разрыва между властвующим меньшинством и абсолютным большинством населения страны.

В конце XVIII — первой половине XIX в. государственная система все больше и больше противопоставляла себя идее развития, стремилась к статике, а европейскую динамичность воспринимала как угрозу.

Идейное отталкивание от революционной Европы выливалось в развитие и укрепление идеи об уникальном пути развития России, к которому неприложимы общеевропейские тенденции.

Император Николай I, видимо, сознавал проблему разрыва между государством и народом, грозившую России потрясениями, но пы-

— Да, так, к слову пришлось.

Дело не в дегте, а в том, что надо идти. Идти, куда глаза глядят. Вот она, цель русской души. Куда глаза глядят. Как в сказке – пойди туда, не знаю куда.

И ходят-ходят по всей России, по дорогам, по тропочкам, прямо по целине, вдоль, поперек, старые, молодые.

Поймают такого, вернут на родину – он опять уйдет. Их у нас на севере называли «Спиридоны-Повороты».

Шагает такой Спиридон-Поворот по дороге, на голове самая неожиданная шляпа-ермолка, скуфейка, панама без верха, одна тулья, шапокляк. Все, что угодно, вплоть до бабьей косынки. Ноги босые, в опорках, за спиной котомка или узел, на поясе, сбоку, жестяной чайник. Идет, словно его наняли, а и сам не знает, куда и зачем» (Тэфи Н. Воля // Тэфи Н. Так жили. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 209–210).

тался решить ее оригинальным способом — выстроить уникальную государственную систему по модели семьи, где государь занимал бы место строгого, но справедливого отца, направляющего развитие страны и народа по своему разумению. Идеологической опорой стала «триада» министра просвещения Уварова «православие — самодержавие — народность».

Попытка двигаться по «уникальному» историческому пути сопровождалась недооценкой и даже отрицанием важных элементов технической модернизации, которая рассматривалась как часть того, что разрушает стабильность, традицию.

Один из ключевых чиновников правительства Николая I Егор Канкрин, проработавший на своем посту 23 года, был убежден в несвоевременности развития в России железных дорог. Дело в данном случае не идет об архаичном менталитете русского чиновника, не понимавшего значения технического прогресса. Выпускник Магдебургского и Геттингенского университетов, известный экономист своего времени ценил науку и техническое развитие, способствовал распространению передовой научно-технической мысли в России, направлял в Европу агентов для сбора информации об изобретениях. Однако идея развития в России железных дорог противоречила его представлениям о сохранении стабильности — как в финансовой системе, так и в стране в целом. Наряду с железными дорогами, стабильности, по мнению Канкрина, угрожали свобода печати и суды присяжных[17].

В 30—40-х гг. XIX в. Россия достигла пика бюрократического контроля за внутренней жизнью страны и внешнеполитического могущества, примеривала на себя мундир «жандарма Европы».

Однако это была логика мира европейских монархий, в котором особо ценилась стабильность, достигнутая с помощью русских штыков.

В мире продолжающихся развиваться технологий все перевернулось с русской венценосной головы на ноги и оказалось, что Россия не выдерживает военно-технической конкуренции. Результат — неожиданное для власти поражение в Крымской войне, которое Николай I не смог пережить.

Цикл форсированной модернизации, ориентированной на внешние образцы, с акцентом на военно-промышленное обнов-

17 См.: Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб: Типография Высочайше утвержд. товарищества «Общественная польза», 1893.

ление, модернизации, неотделимой от насильственных методов ее осуществления, был еще раз воспроизведен в СССР.

Мы не будем подробно рассматривать вопрос об эффективности сталинской модернизации, вкладе режима в Победу и цене Победы[18]. Отметим только самое важное — то, что составляет суть фатального российского модернизационного цикла.

Сталинская модернизация сопровождалась насилием в отношении абсолютного большинства населения страны, которое рассматривалось властью как ресурс повышения темпов перемен.

Она включала элементы культурного развития (всеобщая грамотность, повышение образовательного уровня, внедрение элементов бытовой культуры), однако была ориентирована, прежде всего, на достижение военно-политических или даже геополитических целей.

Система государство—человек—внешний мир была ориентирована на закрытость, подозрительность, поиск государственной измены в каждом контакте с внешним миром.

После Второй мировой (Великой отечественной) войны сталинский СССР, ставший одной из двух сверхдержав, воспроизвел утопическую попытку николаевской России остановить «прекрасное мгновение» пика могущества.

Могущественное государство «проворонило» генетику и кибернетику, значение которых не могло быть продемонстрировано столь наглядно, как важность атомного проекта.

Новые попытки «догнать и перегнать» Запад, не меняя сути государства и его взаимоотношений с обществом, привели к еще одному крушению империи.

Описанную модель модернизации нельзя назвать половинчатой. Половинчатая — это когда что-то не завершено, недоделано. Здесь же достижение ускоренных темпов военно-технического развития за счет мобилизации ресурсов посредством жесткой социальной структуры — ключевое свойство системы.

При этом описывать происходящее с точки зрения противопоставления архаики и модерна также вряд ли представляется возможным.

18 Подробнее о позиции авторов в отношении сталинской модернизации и сталинизма см.: Преодоление сталинизма. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2009.

Это была тоталитарная модернизация. Тоталитарная система стала исторически новым для нашей страны и всего мира явлением. Свести его к архаичному наследию деспотически-холопской Московской Руси — это уход от анализа темы, важной для всей Европы, которую в середине XX в. едва не поглотил нацистский тоталитаризм.

Альтернативный путь модернизации — Великие реформы 60—80 гг. XIX в. Их принципиальное отличие:

- участие общества как в формулировании их целей, так и в разработке планов реформы;
- направленность «реформы сверху» на переустройство общественных отношений, создание современных институтов, изменение общественного сознания, формирование новой картины мира[19];

19 А.Н. Медушевский: «Концепция реформ включала создание системы институтов обеспечения обратных связей общества и государства. Последующими реформами закладывались основы гражданского общества и правового государства, причем общий вектор состоял в унификации гражданских прав и расширении общественного представительства в институтах самоуправления. Земская реформа, правовые основы которой сформулированы в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» (от 1 января 1864 г.), способствовала привлечению населения к управлению и закладывала институциональную основу преодоления сословной замкнутости – каналы вертикальной социальной мобильности. Впервые создавалась система выборных всесословных учреждений, выборы гласных в которые осуществлялись на цензовой основе не только от землевладельцев, торговцев и промышленников, но также от сельских обществ. В результате была создана (первоначально в 34 губерниях) система уездных и губернских земских собраний, формировавших земские управы соответствующего уровня. Активная деятельность земства в хозяйственной сфере, строительстве, школьном образовании, страховании и медицинской помощи способствовала кооперации социальных слоев, формированию новой гражданской этики. Эти принципы были распространены на городское самоуправление... Переход от сословных судов, созданных еще законодательством Екатерины II в 1775 г., к суду бессословному, равному для всех подданных, стал ключевым результатом Судебной реформы 1864 г., действительно обеспечивавшей «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Несмотря на то что правовой дуализм не был преодолен полностью (крестьяне получили особые волостные суды для решения дел, возникающих в их сословной среде), реформа качественно переломила ситуацию в пользу принципов правового государства... Смысл Судебных уставов 1864 г. состоял в установлении независимости и несменяемости судей; отделении судов всех трех инстанций – мировых, окружных и судебной палаты – от администрации; проведении демократических основ судопроизводства – его открытость и гласность, состязательный характер – рассмотрение аргументов обвинения (прокурора) и защиты (адвоката), вынесение вердикта присяжными и установление судебного приговора... Уравнивание сословий перед законом и государством стало смыслом военной реформы, осуществленной Д.А. Милютиным: воинская повинность была распространена на все сословия (устав о воинской повинности 1874 г.), причем принципы судебной реформы были положены в основу деятельности военных судов (военно-судебный устав 1867 г.). В концептуальной форме новая социальная практика выразилась в идее земского либерализма о «мелкой бессословной единице» как ячейке формирующегося гражданского

- интеграция большинства населения в жизнь общества как цель реформы, направленность на интеграцию, а не на раскол общества в целом;
- вложение государством в реформу значительных средств, которые направлялись внутрь страны, обеспечивая масштабную социальную реформу[20];
- правовой характер преобразований.

Реформы были успешными. Они позволили стране динамично развиваться как в экономическом, так и в социальном плане, создавать адекватную времени экономику, строить гражданское общество.

Социальная трансформация исторического значения, затрагивавшая интересы и образ жизни всех социальных групп сверху донизу (в первую очередь, конечно, помещиков и крестьян, как писал Н.А. Некрасов: «Порвалась цепь великая, порвалась, расскочилася. Одним концом по барину, другим по мужику»), не привела к полномасштабному социальному конфликту, сравнимому, например, с гражданской войной в США.

Историческая незавершенность модернизации, ее срыв во втором десятилетии XX в., как мы уже отмечали, во многом обусловлены внешними факторами, прежде всего Первой мировой войной. Вместе с тем, можно отметить и проблемные моменты в самих реформах.

Во-первых, реформы могли быть начаты раньше. Неослабевающий интерес власти и общества к решению «крестьянского вопроса» и социально-политической реформе с конца XVIII в. и на протяжении всей первой половины XIX в.[21] показывает, что проблема назрела и могла решаться Россией — победительницей Наполеона в 10-х гг. XIX в. Тогда, вероятно, не было бы оснований говорить об отставании от Европы и «догоняющей модернизации».

общества и основе перехода от монархии к представительному образу правления» (Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России. С. 6–7).

20 Именно государство финансировало кредит на 49,5 лет, за счет которого осуществлялся выкуп у помещиков крестьянских полевых наделов. Это позволило провести выкупные операции в исторически кратчайший срок – с 1 января 1883 г. обязательные отношения крестьян к помещикам были прекращены.

21 Вопрос о крестьянской реформе рассматривался екатерининской Уложенной комиссией 1767 г., тема отмены крепостного права и политической реформы поднимались в реформаторских проектах М.М. Сперанского. Особенно важно здесь то, что эти проекты были не фантазиями частного лица, а результатом выполнения государственного заказа.

Однако в реальности десятилетия были потрачены на стратегически тупиковый поиск «особого пути». В результате Россия очевидно отстала от европейского времени. Так и не преодоленное отставание на фоне неизбежной включенности России в общеевропейские (глобальные) экономические, политические, военно-политические процессы[22] в конечном счете и сделало нашу страну тем самым «слабым звеном», для которого испытания, выпавшие на долю всех европейских стран в начале XX в., закончились катастрофой.

◆ ◆ ◆

Вторым фактором, обусловившим срыв модернизации, было затягивание полноценной политической реформы. Под «политической реформой» мы имеем в виду не одномоментное введение демократических институтов и резкое расширение политических прав населения, а, прежде всего, наличие политической воли и неуклонное обозначение вектора политической реформы.

Проекты П.А. Валуева, великого князя Константина Николаевича, М.Т. Лорис-Меликова вполне соответствовали этой задаче. Однако реализованы они не были. Более того, контрреформы 80-х гг. XIX в. обозначили совсем другой, охранительный вектор.

У российских либералов начала прошлого века была надежда на то, что политические реформы станут естественным следствием распространения частной собственности, прежде всего, крестьянской частной собственности на землю. В незавершенности этого процесса корень проблемы срыва 1917 г. видят и современные историки.

> А.Н. Медушевский, например, так пишет о взаимоотношениях общества и государства в ходе реализации Великих реформ: «Необходимый на исторически длительный срок консенсус общества и государства вновь разрушился. Экономическая свобода требовала

22 Сейчас, по прошествии столетия, можно рассуждать о вступлении России в мировую войну, а уж тем более о продолжении участия в ней после февральской революции, как об ошибке, но, учитывая реалии того времени, геополитическое положение России, особенности мышления европейской политической элиты, включая и российскую элиту, нам представляется невероятным вариант неучастия России в этом глобальном конфликте.

политических реформ, а для их реализации был необходим этап становления гражданственности, нового отношения к собственности, труду, политической культуре. Консенсус оказался под угрозой срыва, сменяясь деструктивными и утопическими программами немедленных радикальных изменений по всему спектру социальных структур и общественных отношений»[23].

Заметим, однако, что нереализованная перспектива легко поддается идеализации. На практике превращение крестьян в мелких и средних собственников вряд ли автоматически решило бы проблему несправедливого с точки зрения крестьян распределения земли между ними и помещиками, а значит, колоссальное напряжение, рожденное этим вопросом, имело все шансы сохраниться и определять вектор любой общественно-политической дискуссии, в которую оказались бы вовлечены крестьяне. Если же говорить о более глубоком процессе «становления гражданственности», то он, во-первых, непростой и длительный (а историческое время, отпущенное реформаторам, уходит быстро), во-вторых, вряд ли вообще возможен в ситуации отсутствия перемен в организации верховной власти.

На наш взгляд, чуть ли не самый главный урок, который дает нам отечественная история последних полутора столетий, заключается в том, что откладывание политической реформы, затрагивающей «верхние этажи» власти, «на потом», в ожидании того, что социальное развитие создаст некую базу для формирования демократических институтов, — тупиковый путь. Еще раз повторим, не обязательно все делать сразу, но политическая воля, вектор реформы, должны быть понятными и обществу, и самой власти. В противном случае истинным мотивом откладывания реформы оказывается не забота о сохранении стабильности и ограждении страны от «великих потрясений», а примитивный страх потерять власть.

• • •

Третий путь разрешения накопившихся проблем — революционный, предполагающий разрыв правовой преемственности, высокий уровень насилия, радикализма, разрушения, мы не склонны характеризовать как модернизацию вообще. Это срыв модернизации, а не ее ускорение.

23 Медушевский А.Н. Великие реформы... С. 24.

А.Н. Медушевский: «Революция, как показывает исторический опыт, не является конструктивным решением проблем, но, скорее, означает срыв модернизации, выражающийся в отказе от самого поиска рационального решения. Спонтанная аграрная революция (как антитеза рациональной аграрной реформе) повсюду в мире выступала фактором ретрадиционализации общества — восстановления архаичных институтов и представлений (например, советов), становившихся тормозом устойчивого и разумного процесса социальных преобразований. Это цивилизационная ловушка, способная поглотить достижения предшествующего позитивного развития. Во всех случаях избрания стратегии аграрной революции это означало срыв конструктивной работы по преобразованию общества, который объяснялся как трудностями реформ, так и консерватизмом правящего класса»[24].

Вариант модернизации, ограниченной техническими инновациями и не затрагивающей ни общественное сознание, ни социально-политическую систему, рассматривать тоже не стоит. Может быть, в рамках относительно компактного общества на этапе индустриализации это и возможно, но для России постиндустриальной эпохи такой вариант нереален. Российские реформы, какими бы ограниченными и односторонними они ни были, никогда не ограничивались одним только техническим перевооружением. Без модернизации сознания никакие реформы были бы просто невозможны. Эта модернизация, правда, могла затрагивать не все общество и далеко не все сферы жизни, однако все равно ее нельзя уложить в схему «старых мозгов», вооруженных новыми технологиями[25].

24 Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России. С. 14.

25 В качестве главной задачи в середине 80-х гг. XX в. советское руководство обозначало ускорение социально-экономического развития через модернизацию производства, внедрение достижений научно-технического прогресса и, в первую очередь, автоматики. Эта формула звучала из уст Ю.В. Андропова, в 1984–1985 гг. эта формула кочевала из одного выступления М.С. Горбачёва в другое. Однако практически сразу стала ощутимой назревшая потребность в других переменах — не столько в экономическом укладе и уж тем более политике, сколько в области реализации человеческого потенциала. И политика Ю. Андропова, и «ускорение» как начальный этап перестройки были попыткой решить одну и ту же проблему – сделать так, чтобы люди работали эффективнее, чтобы изменилось отношение к работе, были максимально раскрыты потенциальные человеческие возможности. Даже архаичные попытки добиться этого через андроповское «повышение трудовой дисциплины» или введение «госприемки» при Горбачёве – уже выход за рамки идеи чисто технического перевооружения. Антиалкогольная кампания середины 80-х гг. — неуклюжая, осложненная «советскими» комплексами, но очевидная попытка изменения общественного сознания, образа жизни, мышления, поведения.

Постсоветские реформы в историческом контексте

Реформы последней четверти века сквозь призму отечественного опыта модернизации выглядят следующим образом.

Суть Перестройки, вошедшей в отечественную и мировую историю, была в идее изменения образа и стиля жизни, мышления, взаимоотношений общества и государства. Именно такого рода перемены были общественной потребностью, именно они поддерживались обществом.

По вектору (изменение мышления, открытость, ориентация на Европу и европейские ценности, политизация общества, развитие гражданского общества) Перестройка в таком понимании похожа на Великие реформы. Принципиальное отличие — отсутствие не только четкого плана реформ, но и более или менее оформленного представления власти, инициировавшей процесс перемен, об их реальном воплощении. В советском государстве, где ложь была системообразующим элементом, в принципе невозможным было появление аналога «секретных комитетов», которые бы обсуждали планы концептуальных реформ, затрагивающих основы устройства экономики, политики, общества.

> Когда М.С. Горбачёва спрашивали «что такое перестройка», он отвечал «живое творчество масс».
>
> Ю. Щекочихин, вспоминая об обстоятельствах подготовки и публикации в «Литературной газете» материала «Лев прыгнул»[26], в котором впервые говорилось о существовании в СССР организованной преступности, был уверен в том, что официальное отношение к статье было определено одним человеком — Горбачёвым. Именно его одобрительный звонок редактору газеты А. Чаковскому привел к тому, что источник информации и соавтор Щекочихина майор милиции Александр Гуров вместо наказания «по служебной линии» через некоторое время возглавил новообразованный отдел по борьбе с оргпреступностью[27].

Возможность ликвидировать этот концептуальный недостаток, соединить политическую волю власти с интеллектуальным по-

26 Гуров А., Щекочихин Ю. Лев прыгнул // Литературная газета, 20. 07. 1988.
27 Щекочихин Ю. Лев прыгнул в XXI век // Новая газета, 25. 01. 2001.

тенциалом общества существовала. Пример — программы «400 дней доверия»[28] и «500 дней»[29], которые рассматривались на высшем уровне как российской, так и союзной власти. Однако реализован этот вариант не был.

Реальность — процессы, происходившие внутри власти, безнадежно отставали (и чем дальше, тем надежды становилось меньше) от движения освобожденной общественной мысли и процессов, происходивших в стране.

> В конце 80-х актуальной была идея заключения нового союзного договора, дающего больше самостоятельности (прежде всего экономической) республикам. Для того времени такая степень компромисса, движения навстречу потребностям республик со стороны союзного центра была достаточной. Однако со стороны союзного центра не было даже попыток движения в этом направлении. Они начались только в 1990 г., но к тому времени момент был упущен политически. В 1991 г. СССР перестал существовать.

Экономическая реформа, начавшаяся в 1992 г., соответствовала модели форсирования преобразований, для которой характерно рассмотрение населения скорее как ресурса, а не цели модернизации, ставка на «опережающие» социальные группы, реформаторский фетишизм.

Очевидно не оправдывалось ожидание того, что падение тоталитарного государства и рыночные отношения автоматически вызовут к жизни новую культурно-политическую и институциональную «надстройку».

Егор Гайдар в одной из последних работ ретроспективно сетовал на то, что ошибочными были не действия реформаторов, а их надежды на то, что «преодоление трансформационной рецессии, начало экономического роста, повышение реальных доходов населения позволят заменить несбыточные мечты о восстановлении империи прозаичными заботами о собственном благосостоянии»[30].

---

28 Явлинский Г.А., Михайлов А.Ю., Задорнов М.М. 400 дней доверия. Как вывести страну из экономического тупика? Как перейти к рынку с наименьшими негативными социальными последствиями? Есть ли успешный мировой опыт перехода к рынку? М.: ЭПИцентр, 1990.

29 Переход к рынку. Концепция и программа. Проекты законодательных актов. М.: ЭПИцентр, 1990.

30 Гайдар Е.Т. Уроки СССР. Очерки экономической истории // Вестник Европы, 2006. №17 // http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/ga3.html.

В основе этого противопоставления — убежденность в том, что необходимые векторы перемен в сознании следующие:

- уход от коллективного и развитие индивидуального;
- уход от поиска несбыточного державного идеала к решению реальных повседневных проблем.

Задача реформ воспринималась как преодоление коллективистской традиции, которая виделась и в крестьянской общине, и в большевистской коммуне.

В действительности русское общество было застигнуто катастрофой октября 1917 г. на стадии далеко зашедшего, но не завершенного процесса распада традиционного общества вообще и крестьянской общины в частности. Логическим завершением этого процесса должно было стать формирование общества на новых основаниях. Этот естественный процесс был прерван. Коммунистический эксперимент не отбросил страну назад, к общине, а в какой-то степени «заморозил» стадию распада с растерянным, дезориентированным сознанием. Когда тоталитарная «заморозка» отошла, проблемой, основным проявлением «архаики» стали не коллективистские рефлексы, а нараставшая атомизация.

Ошибочным было и противопоставление «мечты об империи» «заботам о благосостоянии».

Мы понимаем, на чем основано это распространенное противопоставление.

> В работах ряда современных культурологов эта проблема представляется следующим образом: «...в православии ценность земной жизни и ее обустройства ставится ниже, чем в католической, не говоря уже о протестантской версии христианства. Град небесный в нем не просто противопоставлен граду земному, но представлен как единственная подлинная реальность, по отношению к которой посюсторонняя реальность выступает как профанная. Этим предопределяется особый статус идеально-божественного должного и его абсолютное верховенство над греховным человеческим сущим, над материальной практикой и материальными интересами...»[31].

31 Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: Конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005; также см.: Яковенко И.Г. Небесный Иерусалим, или Российская империя: диалектика должного и сущего // Рубежи. 1997. № 5–8.

Однако реальная проблема была не в увлечении небесно-идеальным в ущерб конкретно-земному. Самые глубокие духовные поиски на протяжении веков русской истории соседствовали с заботой о хлебе насущном и рациональным хозяйствованием.

Иное дело — рациональное обустройство государства. Если свою частную жизнь люди обустраивали и обустраивают как могут, то государство — нет. На этом уровне рациональный расчет действительно заменяется мифами, мечтами, химерами, но, прежде всего, потому, что государственно-политическая сфера действительно была недоступна для какого бы то ни было вмешательства «маленького человека».

Советская система усугубила этот комплекс ликвидацией частной собственности. В результате в сферу государственного, а значит, не подлежащего рациональному обустройству попало все, что лежит за пределами его личного мира, — квартиры в городе, хаты с палисадником и огородом в деревне.

Противоположность комплексу «маленького человека» — не выталкивание в сферу обустройства частной жизни, а, напротив, предоставление возможности участвовать в формировании и деятельности государства, но не в качестве «винтика» госмашины, а на новых основаниях — как в Европе.

Однако строительство нового по сути государства не было приоритетом для реформаторов. Закономерный результат — цветение на свободном месте не только имперского и советско-ностальгического, но и более широкого круга державных мифов, катализированное падением уровня жизни и сокращением финансовых возможностей.

> Корни ностальгии по «имперскому», «советскому», сопровождающейся активацией худших сторон советского образа мысли, таких, как изоляционизм, патернализм, тяга к авторитарному лидерству и «жесткой руке» и т.д., на наш взгляд, следует искать не столько в самом имперском и советско-имперском прошлом (косности мышления, приверженности традиционным архетипам), сколько в том самом сокращении горизонта мышления до «заботы о благосостоянии».
>
> Например, один из самых распространенных ностальгических образов — большая страна, жители которой могли свободно пере-

мещаться. Возможно, люди и говорят, что при СССР было лучше, потому что была единая большая страна, и можно было поехать куда угодно. Но, на самом деле, для многих людей так говорящих и даже думающих поездка в российский Сочи так же проблематична, как в Прибалтику. А для тех, кто может поехать в Сочи, открыты и Прибалтика с Крымом, и Италия с Испанией, не говоря уже о Турции. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в мае 2011 г., 2 % россиян планировали выехать летом за рубеж СНГ, при том, что хотели бы провести отпуск за границей СНГ — 31 % россиян. Подавляющее большинство россиян — это 54 %, которые остаются этим летом дома, ограничены в средствах и не могут позволить себе отдых[32]. Психологическая основа состояния неудовлетворенности — не ностальгия по вчерашней или позавчерашней империи, а сегодняшнее отсутствие возможностей, перспективы.

А государство, уловив эти настроения, стало сознательно заигрывать с «великодержавными» комплексами.

Уже в 90-х произошла и заметная эрозия идеологии «новой» власти. Столкнувшись с крайней непопулярностью реформы 1992 года, руководство страны начало заигрывать с архаичными политическими силами, идеями и настроениями.

Оправдывая действия власти в Чечне в декабре 1994 — январе 1995 г., часть политиков и политических комментаторов с репутацией демократов в своей критике противников войны мало чем отличались от В. Жириновского.

Советник президента Георгий Сатаров, комментируя выход нескольких человек (в том числе Сергея Ковалёва) из состава Президентского совета в знак протеста против начала войны в Чечне говорил: «Все-таки Президент Ельцин — это человек, который несколько раз в самых критических ситуациях брал на себя ответственность и принимал очень серьезные решения и в результате защищал всех нас. Для меня это в чистом виде бегство с корабля, бегство с корабля в очень трудной ситуации... Это чистой воды большевизм. Моя точка зрения, что это чистой воды истерия, истерия чисто такая суицидальная. Если вы уж занимаетесь политикой, то не нужно быть таким впечатлительным. Это дело серьезное»[33].

Фактически можно говорить о формировании ситуационного блока сторонников президента, который объединил часть де-

32 Интерфакс, 06.06.2011.
33 НТВ, «Герой дня», 25.01.1995.

мократов и тех, кто еще за год до ввода войск в Чечню рассматривался как их основные противники, — ЛДПР, националистов, левых радикалов[34].

Если в 1993 г. партия власти шла в парламент с более или менее демократическим имиджем и демократическими лозунгами, то НДР образца 1995 г. черты либерально-демократической партии утратила, в партийный список был включен генерал Рохлин.

Перед выборами 1996 года Чубайсом и Березовским был придуман «проект Лебедь», получивший безусловную поддержку государственных и близких к власти СМИ.

Предвыборная кампания партии власти в 1999 году была полностью построена на апелляции к архаичным комплексам «осажденной крепости» и «жесткой руки».

Одна из ключевых черт кампании — отождествление образа России с имиджем власти. Летом и осенью 1999 года борьбой против России государственные телеканалы дружно называли любую информацию о темных финансовых делах Ельцина и его окружения.

Попытки публичного расследования криминальных финансовых схем, в причастности к которым можно было с полным основанием заподозрить власть, стали преподноситься как антипатриотичные действия, инспирированные врагами России.

За этим «прологом» последовала вторая чеченская война, конструирование и агрессивная пропаганда «Единой России», победа Владимира Путина на президентских выборах 2000 г.

Периферийный капитализм и провинциальный авторитаризм — исторически закономерное следствие выбора модели реформ. Экономика «периферийного капитализма» по потенциалу схожа с крепостной экономикой — она устойчива, может поддерживать и воспроизводить себя в течение длительного времени,

34 Например, в поддержку президента выступил Эдуард Лимонов, предложивший ему опереться на НБП: «Это единственный и первый раз, когда политика Президента в национальном вопросе совпадает с нашей политикой. Это первая справедливая война на территории России. Более того, мы предлагаем Президенту встретиться с нами, опереться на нас. Сегодня, когда он потерял поддержку либералов, и рано или поздно правительство и сам Президент будут с нами сотрудничать, вне всякого сомнения» (РТР, «Вести», 17.01.1995).

но ее сохранение, во-первых, гарантирует отставание в глобальном масштабе, во-вторых, направляет творческую активность общества, которая может и должна стать основой качественного роста, в направлении «ухода». Политическая стагнация, попытка вместо реализации европейского вектора пойти «особым путем» — также предсказуемый итог сведения реформ к «формированной» модели.

Обратим внимание на изменение скорости исторического времени — хронологические последовательности между взаимосвязанными процессами резко сокращаются. Это значит, что у современной России гораздо меньше времени на формирование эффективной модели реформ, чем в позапрошлом и прошлом веке.

Модернизация России в XXI веке

Вектор реформ

В первую очередь, необходимо внести ясность в вопрос о конечных целях российской модернизации. Необходимо определиться, какие ценности будут культивироваться в нашей стране с ее противоречивым прошлым и не менее противоречивым настоящим; какое место она будет занимать в мире, — в мире, который в обозримом будущем неизбежно будет оставаться внутренне разделенным, — через десять, пятнадцать, двадцать пять лет.

Нравится это нам или нет, но реальность нашего времени такова, что мир продолжает оставаться крайне неоднородным — наряду с группой стран, концентрирующих у себя большую часть наиболее ценных экономических ресурсов, в первую очередь, интеллектуальных и технологических, а также финансовых и силовых, существует и будет существовать огромная мировая периферия, лишенная доступа к основной части благ, являющихся результатом использования этих ресурсов. Для России как страны, находящейся сегодня в «серой зоне», где имеются объективные предпосылки для движения в разных направлениях, существуют только два пути: либо, используя эти предпосылки, попытаться стать частью ядра мирового капиталистического хозяйства (этот путь условно можно назвать «европейским выбором» для России), либо искать свое место на его периферии. Можно приводить аргументы в пользу того или

другого варианта, но очевидным должно быть одно — никакого «третьего», «евроазиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет.

Страх поступиться частью собственного суверенитета как аргумент против «европейского» или «евроатлантического» пути для России понятен и даже отчасти обоснован. Но единственная альтернатива — место на периферии мировых процессов. Она также неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета — не обязательно формальным, но по существу еще более значительным, поскольку суверенитет и независимость имеют смысл только в той степени, в какой имеются практические возможности их реализации. Суверенитет слабого и зависимого — это как свобода без денег: вроде бы есть, а воспользоваться невозможно.

Если же мы посмотрим на то, чем отличаются страны, входящие в первую группу, от остальных, то нельзя не признать в качестве общей и объединяющей их черты наличие определенного набора базовых ценностей, к которым в первую очередь относятся приоритет прав человека, в том числе права собственности, индивидуальная свобода и понятие социальной справедливости.

Можно спорить о том, что первично — эти ценности или экономическая эффективность. Является ли относительное экономическое процветание этой группы стран следствием приверженности их политической элиты названным ценностям или, наоборот, экономическое благополучие создает возможности для относительно более полной реализации принципов личной свободы, безопасности и сглаживания социального неравенства? Представляется, что истина в этом споре лежит где-то посередине, но главное в другом. Признавая, что было бы контрпродуктивно, да и просто глупо пытаться немедленно перекроить ткань общественных отношений в строгом соответствии с названными ценностями, нельзя вместе с тем не видеть, что без формулирования их как общественных целей, как ориентира при выборе стратегии никакие реформы как средство модернизации российского общества невозможны. Модернизация государства без человека, без провозглашения и реального приоритета интересов конкретного гражданина неизбежно приведут нас в ряды наций бедных и бесправных, то есть в конечном итоге к ситуации, прямо противоположной задачам модернизации.

Итак, первым шагом на пути реальной модернизации и эффективных реформ как ее инструмента должно быть принятие в качестве базовых ценностей — человека и гражданина, и его свобод; его права на собственность и одновременно на социальную справедливость; приоритета института права по отношению к соображениям политической целесообразности и субъективными представлениями о ней конкретных лиц, наделенных властью и собственностью. Естественно, речь идет не о слепом следовании этим принципам во всех возможных ситуациях, но о принятии их в качестве главных, базовых ориентиров. Другими словами, понятия правового государства, гражданских прав и свобод, социальной справедливости должны стать своего рода компасом «дорожной карты» российских реформ.

Политическая цель — создание современного государства, связанного с обществом, являющегося продолжением общества, фактически — переоснование государства. Переоснование такой же значимости, как в 1613 г. Тогда нельзя было строить государство на наследии смутного времени, сейчас — тоже. Еще раз подчеркнем, что наша смута — это не последние 20 лет, а все время после большевистского переворота.

Для переоснования государства, имеющего историческую перспективу в XXI в. принципиальны три аксиомы.

Первая — это понимание, что в мире XXI века никакие империи, как формы государственно-общественного и национального существования, невозможны. Процесс современной глобализации кардинально не совпадает с эпохой XIX — середины XX века, когда почти все очаги геополитической силы были представлены империями. Крушение империализма как системы, охватившее Западный мир во второй половине 40-х — начале 70-х гг. XX в., вполне было завершено крушением последней империи — советской.

Вторая — модернизация политической системы постсоветской России должна завершиться созданием системы со строгим разделением властей, работающими механизмами общественного контроля за властью и ее сменяемостью, независимым правосудием.

Третья — поиски «самобытного пути», «суверенной демократии» и прочее подобное ведут к самообольщению, самообману, самоизоляции России, что, как показал не только отечествен-

ный опыт, но и опыт великих средневековых государств Востока (Индии, Китая, Персии, Японии), имеет итогом стагнацию и отсталость, потерю ведущих геополитических позиций в мире.

«Россия — есть европейская страна...» — этот постулат, высказанный Екатериной II в «Наказе» Уложенной комиссии, может вполне вдохновлять политиков современной России. Что, конечно, не избавляет от необходимости учитывать исторические и социокультурные особенности России, а также специфическое состояние ее общества, порожденное глубочайшим кризисом, связанным с крушением социально-политического социалистического эксперимента.

Современную Россию именуют постсоветской, т.е. находящейся в переходном состоянии от советского прошлого к новой социально-политической и государственной системе. За более чем 20-летие, с 1991 г. по сегодняшний день, данная задача не решена, а по многим параметрам усугублена. Поэтому под методами, средствами и формами, в которые пытались облечь ее решение в эти годы, надо подвести черту и признать их неудачными.

При этом необходимо четко и недвусмысленно констатировать, что в российской истории и культуре нет непреодолимых препятствий для реализации идеи о современной европейской России. Объективные трудности есть (при этом их львиная доля порождена не тысячелетиями и веками, а советским периодом и затянувшейся неудачей его преодоления), но они преодолимы.

Принципы и предпосылки успеха

Как осуществлять реформы в России, чтобы они были эффективными, глубокими и необратимыми? Осмысление теории реформ с учетом российской культурной и исторической традиции и критический анализ их практики позволяет сформулировать некоторые уроки[35].

Урок первый. Главный объект реформы, претендующей на эффективность в условиях XXI в., — общественное сознание. Реформа утверждается через мотивы и ценности, через сложившуюся культуру, и именно в этом смысле, в конечном счете, — через законы. При этом общество и его сознание нельзя «ломать через колено». Реформам нужно прорастание, а не перелом. Никакие

35 См. также: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта.

решения не могут быть реализованы, если они противоречат жизненным интересам абсолютного большинства людей.

Урок второй. Нельзя раскалывать общество. Цель модернизации — интеграция общества, а не его разделение. Носители модернизации, ее движущие силы, очаги и островки должны быть связаны со страной. Концепция модернизационного «локомотива», который подтянет к себе всю страну, не сработает. Государство должно быть инструментом интеграции общества, а не «локомотивом реформ», опережающим общество. Необходимо формирование такой государственности, которая осуществляет задачу интеграции массового сознания.

Урок третий. Не следует искать готовых решений в своем или чужом прошлом. Нельзя копировать готовые решения, необходимо вырабатывать пути трансформации, применимые к данному обществу в данный момент.

Урок четвертый. Скорость реформы — не главное. Постоянное ожидание быстрого эффекта и истерия по этому поводу крайне вредны в стратегическом плане. Это очевидно на расстоянии, но надо научиться видеть это внутри процесса.

Урок пятый. Необходимо избегать «реформаторского фетишизма» — сведения реформы к одному элементу, например, к экономике, а внутри экономики — к монетаризму.

Урок шестой. В целом, реформа — это не поход армии. Это тропинка, которая иногда исчезает. Это выращивание будущего из небольшого первоначального звена, обладающего зачаточными чертами реформы.

Базовый принцип — отталкиваться от сегодняшних российских реалий.

Во-первых, необходимо учитывать особенности состояния общества, социальной психологии, обусловленные как исторически, так и событиями последнего времени.

Кроме того, для экономических реформ и экономической политики крайне важно понимать механизмы «периферийного капитализма» и его предшественницы — советской экономики.

В-третьих, размер территории, разнообразие регионов, составляющих нашу страну (это разнообразие больше, чем формальное деление на субъекты федерации), разница в историческом

и личном опыте населяющих их людей делает необходимым дифференцированный подход к реформам[36].

Крайне важен правовой характер реформ, преемственность, интегрированность реформ в историю и культуру страны. При этом задача обеспечения преемственности и правового характера реформ сегодня серьезно отличается от той, которую решали разработчики Великих реформ второй половины XIX в. Тогда речь шла о необходимости органичной интеграции радикальных по сути перемен в существовавший культурно-исторический и правовой контекст[37]. После семи десятилетий власти, происходящей из государственного переворота и разгона Учредительного собрания, и двух десятилетий безуспешных попыток механически соединить самодержавно-имперские, большевистско-советские и либерально-демократические элементы истории XX в., понятно, что историческую и правовую преемственность надо устанавливать с добольшевистским государством. При этом необходимо учитывать логику развития этого государства, которая заключалась в исчерпанности самодержавной легитимности и необходимости формирования новой, демократической.

Модернизация должна быть пошагово спланирована, по крайней мере, на первоначальном этапе. Нужно не просто «обозначение векторов» развития, а детальное представление о том, что будет делаться вплоть до подготовки проектов необходимых законов.

Это нужно, прежде всего, для того, чтобы просчитывать последствия этих шагов, возможный негатив и реакцию на него. Кроме того, четкое представление о реформах и их предполагаемых последствиях, предъявленное гражданам, — шаг к ним навстречу со стороны власти, которая не предлагает потерпеть ради будущего, а берет на себя ответственность за осуществление конкретных мер, результат которых не должен значительно отличаться от прогнозируемого.

36 Н. Зубаревич, в частности, отмечает, что при решении остро стоящей сегодня проблемы моногородов необходимо учитывать разницу между нефтегазовыми моногородами Восточной Сибири, сформировавшимися в 60-х–80-х гг. XX в., и городами Северного Урала, история которых насчитывает несколько столетий. Население первых высокомобильно, жители вторых «вросли корнями» и с большим трудом принимают мысль о смене места жительства (см.: Путин обещает спасти моногорода, выполнимо ли это? Интервью радиостанции «Финам» // http://finam.fm/archive-view/4046/3/).

37 В частности, важно было логически обосновать тезис о том, что предоставление крестьянам личной свободы не является отъемом у помещиков собственности, принадлежащей им по закону.

У общества должно быть четкое представление о том, что предлагает и собирается делать власть, — не в виде «желаемого образа будущего», а день за днем, шаг за шагом, представления о том, как жизнь изменится завтра и послезавтра[38].

Граждане — субъект модернизации в той же степени, что и объект. Для сегодняшней России продуктивны только проекты, в которых граждане участвуют сознательно, понимая, что и для чего делается.

Реформы в сегодняшней России не будут успешными, пока в них не будет сознательно заинтересовано если не математическое большинство, то близкая к нему критическая масса народа. Речь идет не о «поддержке снизу» очередного мессианского начинания начальства, а именно о понимании и ощущении связи реформ с каждодневной жизнью человека. Современный российский человек сможет полноценно участвовать в строительстве современной экономики и современного государства только тогда, когда сам будет стоять в центре модернизации, только тогда, когда он, а не догоняющее развитие будет главным и неоспоримым приоритетом для государственной власти, политической и прочей элиты, для него самого, наконец.

Этот человек должен быть не из будущих поколений, а сегодняшний, такой, какой есть. Быть центром модернизации для него значит, что все реформы, перемены, должны делаться для него и с учетом его индивидуальных (индивидуально-групповых) особенностей и интересов. При этом важно понимать, что

- нет «локомотива реформ», опережающей группы, к новому образу, уровню, качеству жизни которой могло бы постепенно «подтягиваться» все общество;
- опорой модернизации могут быть не только сознательные «либералы-западники». Потребность и готовность участвовать в преобразованиях есть в самых разных средах, социальных группах.

Государство — необходимый элемент модернизации. Противостояние государству как таковому, рассмотрение его как поме-

38 У Временного правительства такого представления не было, оно видело свою функцию в продолжении войны и подготовке выборов в Учредительное собрание, и это, на наш взгляд, одна из ключевых предпосылок катастрофы власти, произошедшей в октябре 1917 г.

хи, сдерживающей творческий потенциал гражданина — тупиковый путь. Проблема не в отсутствии достаточного творческого потенциала, а в том, что принцип «до основанья, а затем...» — утопия. Распространение схемы «ухода», фрагментированность и атомизация общества — предпосылки распада, который навсегда поставит крест на модернизации России.

Это не значит, что не надо «трогать» действующую власть. Тупое бездействие охранительно ориентированного государства — не меньшая опасность тупого же расшатывания государства. Просто надо понимать, что смена власти — это не самоцель и уж тем более не гарантия качественных перемен в стране.

Для учета особенностей и интересов граждан недостаточно либерализации политической системы, потому что политически более либеральные по сравнению с сегодняшним днем 90-е — яркий пример невнимания к интересам огромных социальных групп, в совокупности составляющих абсолютное большинство россиян.

Необходимы качественные изменения в системе человек—общество—государство, создание государства, которое люди считали бы своим. Только в этом случае можно добиться того, чтобы перемены в сознании были массовыми, — речь, может быть, не о том, чтобы с места сдвинулись сразу все или большинство, но некая критическая масса должна быть достигнута.

Российскому менталитету соответствует социальное государство, потому что это европейский менталитет. Апелляция к тому, что Европа когда-то «заработала» свои сегодняшние высокие социальные стандарты, а мы должны положить жизнь пары-тройки поколений на то, чтобы «догнать», — не работает.

Во-первых, потому что она по сути большевистская: какая разница, ради какого светлого будущего призывают жертвовать настоящим — коммунистического или капиталистического?

Во-вторых, «догнать» в буквальном смысле — так, чтобы уровень ВВП и уровень жизни были точь-в-точь, как в «старой» Европе, все равно не получится. Жизнь же с постоянным ощущением принадлежности ко второму государственно-человеческому сорту, учитывая такие особенности отечественной ментальности, как вынесение общественно-политической сферы за пределы круга сущего и склонность к поиску лучшего мира (реального

или мифологического), станет стимулом не к обустройству жизни в своей стране, для одних — к эмиграции (реальный лучший мир), для других — к продолжению разговоров на кухне о преданной державе или уходу в национализм (идеальный лучший мир), для третьих — к алкоголизму и наркомании (уход от мира вообще).

Чем привлекать людей (какими могут быть первые шаги)

Необходима кардинально новая социально-экономическая политика, разработанная профессиональным научным сообществом с учетом российской специфики и разнообразного международного опыта. Суть ее должна состоять в уходе от всех форм монополизма, порожденного покровительством государства, к системе конкуренции.

> Первым оздоровительным шагом может служить запрет на занятие руководящих постов и «хлебных» мест в наблюдательных советах корпораций высшими должностными лицами и всеми государственными чиновниками.

Вне зависимости от конкретных механизмов и инструментов новой экономической стратегии, данная политики должна иметь в виду осуществление понятных большинству жителей России приоритетов, к примеру:

Дома — не профанация различного рода «национальных проектов» на эту тему, прикрывающих, как говорят в народе, «распил очередного миллиарда» в кругу близких к власти единиц, а программа создания реального, доступного большинству жителей страны, особенно молодежи, жилья.

Дороги — имеется в виду принципиальное качественное и количественное развитие не только автомобильной сети России, но и всех иных видов транспорта, включая наиболее современные, до параметров среднестатистической европейской страны.

Инфраструктура — пока мы окончательно не вступили в полосу техногенных катастроф, необходима ревизия всех инфраструктур в масштабе всей страны и программа их качественного ремонта, замены устаревшего. Россия, добывающая и продающая всему миру газ, не осуществила газификацию собственной страны — 40 % газификации страны, это не цифра для современной экономики и быта, газ отсутствует в ближайших к Подмоско-

вью сельских населенных пунктах, не говоря уже о положении сел в провинции.

Реализация данных трех проектов создаст стимулы для развития внутренней экономики, не связанной с экспортом газа и нефти, — стимулы для малого и среднего бизнеса, создающие рабочие места, особенно в застойных регионах. «Дома — дороги — инфраструктура» нужны везде.

Образование — действующий с 2000 г. курс в области образования является губительным, ибо заключается в некомпетентном бюрократическом реформировании, а точнее, разрушении сверху образовательных программ, форм обучения, учреждений среднего и высшего образования. Единственный видимый смысл псевдореформы — облегчение бюджета страны, ее следствиями хотят увидеть коммерциализацию образования, особенно высшего, сокращение числа студентов и степени доступности образования для самых широких слоев населения. Такой подход полностью противоречит политике в области национального образования наиболее развитых стран и требованиям времени. Планирование числа учащихся и студентов, уровень бюджетных затрат на образование в России XXI в. не может быть ниже среднестатистических затрат развитых стран. К программе развития образования должна логично примыкать программа развития науки, однако без решения проблем сегодняшнего образования решение проблем науки в нашей стране мало возможно, поскольку все они будут сродни «парадно-пропагандистскому» проекту «Сколково», не имеющему ничего общего с выправлением дел в реальной отечественной науке.

Удар по коррупции от имитации борьбы с коррупцией и «забалтывания» проблемы коррупции, т.е. очередного «вранья», раздражающего общество, перейти к одной решительной мере, а именно:

- вместо смехотворных деклараций о доходах должностных лиц ввести обязательное доказательство соответствия находящейся у данных лиц и их родственников недвижимой собственности и прочих материальных активов их легальным доходам;
- в случае несовпадения производить разбирательство в суде с обязательным изъятием необъяснимо откуда взявшегося богатства, и пожизненным запретом для данных лиц занимать какие-либо должности на государственной службе;

- для лиц, находящихся на службе в органах МВД, ФСБ, ФСО, случаи коррупции рассматривать как более тяжкие преступления ввиду наибольшей опасности для общества и государства коррупции лиц, занятых охраной общественного порядка и конституционных основ государства.

Медицинское обслуживание — нужна качественно иная система здравоохранения. Алкоголизм, принявший форму общенациональной угрозы, рост наркомании и СПИДа на фоне высокого уровня заболеваемости населения прочими болезнями при отсталой и некачественной системе оказания массовых медицинских услуг, — все это заставляет констатировать предельно опасное положение в вопросе здоровья нации.

Демографическая ситуация также неблагоприятна, при уровне рождаемости, равном развитым западным странам, уровень смертности в России значительно выше. (Рождаемость 11 человек на 1000 человек населения. Смертность 15 человек на 1000. По смертности Россия занимает 22 место в мире, по продолжительности жизни — 157 место. По данным Министерства здравоохранения и социального развития, в постсоветский период продолжает расти наметившаяся еще в конце советского периода тенденция к росту показателя детской смертности в большинстве регионов России. Учитывая еще и постоянный исход наиболее предприимчивой и молодой части населения в фактическую эмиграцию, ситуация еще хуже.)

• • •

«Дома — дороги — инфраструктура — образование — здоровье» — ключевой, но далеко не полный перечень возможных социально значимых приоритетов, которые должны быть включены в единый общенациональный план действий.

Разработка его не может происходить без широкой информации общественности, а главное — без привлечения профессионально компетентных сообществ и специалистов.

Учредительное собрание

Все названные меры (новая экономическая политика, приоритетные социально-экономические программы, первичные

меры обуздания коррупции и произвола) должны быть дополнены программой постепенного политического реформирования. Вместе они составят общенациональную программу преодоления кризиса государства.

Эта программа требует общенациональной легитимизации, под которой следует понимать:

- ознакомление общества с программой;
- открытость для внесения общественной корректировки;
- одобрение на уровне общественного консенсуса;
- оформление в качестве закона на период действия.

В рамках общенациональной программы, помимо экономических и социальных шагов, должны быть рассмотрены важнейшие аспекты политической жизни. В частности, вопрос о Конституции, возможности и порядке внесения в нее поправок только на уровне чрезвычайного, отражающего мнение всех слоев населения, демократическим путем избранного органа.

Никто всерьез не считает Федеральное собрание органом, отражающим реальные воззрения разных общественных слоев.

Только Учредительное собрание — реальная альтернатива продолжению Смуты, а значит и окончательному распаду страны[i].

Современное Учредительное собрание восстановило бы историческую традицию, начало которой положили Земские соборы, общенационального пути консолидации и дальнейшего развития государства в эпохи сложных исторических переломов.

Для того чтобы эта идея не стала очередной профанацией, декоративным политическим спектаклем, Учредительное собрание необходимо готовить, изменяя нынешнее состояние общества и систему государственной власти. Идея Учредительного собрания должна превратиться в идею общественной консолидации, направляющей оппозиционную активность, особенно образованных и нравственных сил в созидательное, а не разрушительное русло. Но это возможно лишь при наличии консолидированной воли общества к изменению государства в конкретном, всем понятном направлении. Учредительное собрание должно быть действительно легитимным, то есть признанным абсолютным большинством общества. Иначе даже

не стоит затевать эту историю. Собрать меньшинство и пытаться говорить от имени нации — заведомо провальный проект. Ничем не лучше попытки заменить Учредительное собрание церемонией подписания некоего общественного договора с произвольным составом участников. Такая попытка предпринималась в 90-х. Она провалилась.

Требуется четко заявить, что современная Россия — правопреемница исторической России, жившей и развивавшейся до большевистского переворота октября 1917 г. и разгона Учредительного собрания.

Созыв Учредительного собрания и провозглашение на нем данного постулата в качестве одобряемого всем обществом международно-правового заявления современной России — необходимое условие решения проблемы преемственности.

Так как речь идет о политическом по своей сути процессе, чтобы сохранить созидательную суть, гражданскому обществу надо преодолеть отвращение к политике, неверие в возможность построить свое государство, и начать заниматься этим сложным, но важнейшим на сегодня делом не в ограниченном пространстве активного меньшинства, а в масштабе страны. При этом надо обеспечить такие условия, чтобы решение было глубоким, продуманным, реалистическим. Свобода безумия, утопии (националистическая, реваншистская, лево-популистская) — это тоже свобода, но она разрушительна. Свободе, позволяющей строить будущее, надо учиться.

Протестные настроения — это еще не политическая оппозиция, это просто протестные настроения. Оппозиция — это организованная сила, имеющая свое лицо, своих лидеров, свою позитивную программу, и только в этом случае протестные настроения могут сыграть созидательную, а не деструктивную роль.

Чтобы демократическая оппозиция стала серьезным действующим лицом российской политики, надо не дать общественной активности полностью уйти в эмоциональную сферу, в «самоудовлетворение», которое закономерно сменяется новой депрессией и «уходом». Общество надо приучать к настоящей политике.

Тактически, на самое близкое время, это значит, что осознавшим свои цели и силу гражданам надо политически органи-

зоваться и вести ежедневную политическую работу, создавать конкурентные выборы, бесцензурное пространство в СМИ, добиваться освобождения неправедно осужденных и прекращения использования суда в политических и корыстных целях, гражданского контроля за правоохранительными органами. Нужно участвовать в выборах всех уровней и побеждать.

Стратегически нужно формировать и отстаивать альтернативу общественного и государственного развития. В конечном счете, станет всероссийский общественный политический диалог реальностью или нет, зависит не столько от желания власти, сколько от общественного интеллекта — его потенциала, стремления думать и действовать, способности формулировать вопросы, «носящиеся в воздухе», и давать на них адекватные ответы.

Настоящий компромисс разнонаправленных общественно-политических сил (к примеру, правозащитников и националистов) в ближайшие годы маловозможен. Надо искать те действия и формы, те решения, против которых не будет выступать подавляющее большинство. Здесь решение поддерживать достигнутый уровень благосостояния и развивать его по линии «дома — дороги — инфраструктура — образование» очень важно. Точками поиска консенсуса также могут стать вопрос о собственности и противодействие коррупции.

Еще одно необходимое условие успеха Учредительного собрания — межрегиональный консенсус. Необходимо пересмотреть распределение налоговых поступлений по линии «сильный центр» — «сильные регионы». Ликвидировать гипертрофированный перевес центра, который высасывает ресурсы из богатых, производящих регионов, лишая их возможности самостоятельно решать проблемы местной экономической и социальной жизни, и использует перераспределение налогов в бюджет для манипулирования региональной властью при одновременном перенаправлении на нее недовольства населения в случае провалов.

Такое положение ведет к слабости региональной власти, разрыву ее контакта с населением, росту коррупции и криминализации жизни. В национальных регионах получают популярность националистические иллюзии. В итоге растет радикализация взглядов и популярность прямых нелегальных действия, которые уже погрузили весь Северный Кавказ в состояние ползучей

гражданской войны. Необходимо признать, что вариант «чеченского урегулирования» есть полный провал, осложнивший ситуацию на Кавказе. Он привел к созданию архаически-средневекового кланового авторитарного режима, практически выведенного из-под действия российской Конституции.

Для кризисных регионов, включая хронически стагнирующие, а также отдаленные от центра, но близкие к Китаю, необходимо разработать особые программы реабилитации. Главное внимание должно быть обращено на Северный Кавказ и Восточную Сибирь с Дальним Востоком.

Дееспособная нравственная элита, или Кто будет модернизировать Россию?

Реальное противостояние, от которого зависит будущее страны не социальное, а этическое, мировоззренческое. В центре — вопрос о новых правилах жизни во всех ее аспектах и проявлениях.

Важнейший вопрос — качественная смена элит.

Дважды в истории России этот фактор недооценивался (1917 г. и 1991 г.). Союзники по антивластной коалиции думали, что свергнуть режим важнее всего, а дальше будет видно. Но оказывалось, что после свержения режима наступал хаос. Люди это помнят, — это уже в генетической памяти россиян, — и инстинктивно избегают такого сценария.

Люди понимают, что власть — это значительно большее, чем Путин и его окружение. Это довольно большой по численности и уже устоявшийся по своему персональному составу слой бизнеса и чиновников, которые владеют собственностью и распоряжаются ею. Если не изменить персональный состав властного класса или не заставить его вести себя по-новому, то свержение Путина ничего не изменит.

Люди чувствуют, что и существующая власть, и значительная часть оппозиции одинаково аморальны и не заслуживают доверия. Больше того, люди вообще не видят вокруг себя ни партий, ни организаций, которые представляли бы собой силу и в то же время заслуживали доверия с точки зрения честности и порядочности. Это наиболее трагическое следствие преступлений в ходе реформ 90-х годов. Отсюда ощущение, что перемена пер-

сон во власти ничего не изменит. И, если заглянуть дальше, неверие в будущее России.

Эти же факторы обесценивают, затрудняют многие полезные и даже необходимые политические шаги, как, например, созыв Учредительного собрания.

Люди не поверят в эти шаги, будут считать их декоративными и бессмысленными, поскольку, по их мнению, собственность и, следовательно, реальная власть остаются в тех же руках, что и сейчас.

Режим держится у власти потому, что нравственный климат, господствующий в стране, способствует этому. У судей, выносящих несправедливые приговоры, у членов избиркомов, вбрасывающих в урну поддельные бюллетени, никто не держит пистолет у виска. Да, власть понуждает их к этому, но они и сами охотно идут на это, так как не видят в таких действиях ничего позорного. В фальсификации истории, в пропаганде милитаризма, в науськивании одной части россиян на других участвует огромное количество людей. Они делают это по нескольким причинам:

- они сами согласны с моралью «цель оправдывает средства»;
- окружающие их люди не осуждают такую мораль;
- в обществе распространились безграмотность, невежество, незнание истории, и это больше не считается стыдным, поведение власти не шокирует людей, не вызывает отвращения, нетерпимые друг к другу и к чужому мнению люди, тем не менее, вполне терпимы к политическому хулиганству, грубости, унижению личности (чужой), к клоунским выходкам, примитивным шуткам, архаичному восприятию мира;
- люди готовы тратить свое время и свою энергию на выражения протеста, на вражду, на праведный гнев, но любая позитивная цель, любое созидательное предложение вызывает только неверие, насмешки.

Особенно разрушительной чертой сегодняшнего нравственного климата является неверие, что можно достичь благополучия честным трудом, отсутствие уважения к труду, трудовой этики, привычка решать житейские, бытовые вопросы с помощью взяток. Поэтому важнейшая часть предлагаемого нами альтернативного курса — смена этических установок. Точно так же, как

в политике самым главным индикатором должно стать различие между правдой и ложью, между воровством и честным служением, — так и в повседневной бытовой, экономической жизни необходим возврат к тем ценностям, которые веками культивировались прогрессивными классами дореволюционной России: к этике ремесленника, который гордится своим продуктом и отвечает за его качество; к этике крестьянина, сельского производителя, чей труд в России всегда считался священным; к этике предпринимателя, банкира, для которого невыносима сама мысль об обмане, о невыполненном обещании.

Именно возрождение трудовой и предпринимательской этики должно стать основой образования и патриотического воспитания. Мы противопоставляем это тому пониманию патриотизма, которое насаждается властью и заключается в культе силы, милитаризме, в восхищении «гениальными вождями».

Поэтому движение за переоснование государства начинать надо с широкого общественного движения за:

- нравственность не чужую, а свою собственную;
- воспитание культуры поведения и уважения к человеку;
- культ знания, образованности, свободомыслия;
- возрождение традиций российской интеллигентности — как светской, так и основанной на искренней религиозности;
- возрождение трудовой и предпринимательской этики.

Выдвижение на первый план общественной, политической, государственной жизни дееспособной элиты предполагает появление новых лидеров, не замешанных в подлостях, лжи, воровстве. Впрочем, это не обязательно стопроцентная «смена кадров». Главное — коренное изменение приоритетов, ценностей, ориентиров, стиля работы и жизни.

Нужно показать и власти, и всей стране, что противники проводимой политики — не специфические узкие группы (люди, ностальгирующие по советскому прошлому, либо, напротив, считающие себя «продвинутым» европейским меньшинством в отсталой «совковой» стране). Надо показать, что основа протеста — те, кто объективно являются базой российской государственности — энергичные, активные, нацеленные на успех и, одновременно, чувствующие свою ответственность за страну и людей.

В последнее время ярко о себе заявили люди, которые хотят свободы для себя и для страны и не разделяют эти «понятия». Это пока главный результат кампании гражданского протеста. Люди начинают понимать, что без разговора о том, в какой стране мы живем, невозможна личная свобода, самостоятельность, опора на собственные силы. Все это постоянно будет под угрозой, если государство устроено так, как сейчас, и правила жизни такие, каковы они сейчас. Таких понимающих людей может быть много, потенциально гораздо больше, чем участников самых многочисленных из протестных митингов. У нас относительно однородное по уровню образования, ментальности общество. Главное — чтобы оно поверило в возможность коренного изменения приоритетов, в то, что здесь, в России, сегодня можно обустроить жизнь по-человечески.

Тогда на первый общественный план и выйдет элита, способная претендовать на моральное лидерство, в основе которого нечто гораздо большее, чем обличение жуликов и воров, находящихся у власти.

Основа реального морального лидерства, которое нужно современному миру и России как его большой и важной части, — репутация.

Другие необходимые качества — вера в страну и способность видеть ее перспективу в современном мире[39].

Бесценную помощь обществу в обретении нравственных приоритетов и выдвижении новой элиты могла бы оказать Церковь. Церковь, вызывающая уважение и доверие, может стать естественной площадкой для объединения порядочных людей. На церковной площадке могут возникать достаточно сильные объединения граждан, и со временем они превращаются в политическую силу, — не теократическую, а просто имеющую твердые моральные принципы.

Еще классики русского либерализма (Бердяев и др.) указывали, что попытки построить справедливое демократическое общество без духовной опоры на истинно христианские ценности и христианское понимание свободы обречены на неудачу.

Оппозиция еще даже не поняла, какой огромный ущерб нанесла власть, лишив нас в данный момент возможности сотрудничать

39 Такое перспективное видение не надо путать с рисованием образа «светлого будущего», почерпнутого из того или иного варианта идеализированного прошлого.

с церковью. Союз церковного руководства с властью возмущает оппозиционную часть граждан. В своем возмущении многие переходят разумные границы. Церковь, защищаясь, просит поддержки у властей и получает ее; в ответ ей приходится еще дальше идти по пути «помазания» власти.

Получается порочный круг. Ради духовного возрождения России этот круг должен быть разорван. Серьезная партия сегодня обязана понимать данную проблему и предлагать пути ее решения. Мы надеемся, что внутри Церкви произойдет обновление, — не в смысле догматического раскола, а в том, чтобы потребовать от власти начать процесс восстановления истинной легитимности. Только в этом случае Церковь сможет по-настоящему включиться в работу по духовному возрождению нации, а ее участие, с нашей точки зрения, просто необходимо.

Активная оппозиционная часть общества со своей стороны могла бы сделать следующее.

В России еще с позднесоветских времен существует традиция интеллигентского индивидуального духовного поиска.

Этот поиск имеет черты диссидентства, поиска альтернативного образа жизни, который позволяет «не сотрудничать со злом» в лице власти.

До сих пор подобный поиск вел людей к внутренней эмиграции, к обособлению. В отличие от той же Европы, США, Индии, такие духовные эмигранты не пытались направить свою энергию в сторону объединения, в сторону общественно-политической активности, в сторону защиты экономических и других интересов наиболее обездоленных слоев населения (включая защиту тех, кто подвергается политическим гонениям).

Задача демократических сил — сподвигнуть таких людей к общественной активности, опираясь при этом на умную, прогрессивную, либеральную часть священников и прихожан.

Именно так мы видим возможное сотрудничество с Церковью.

Если режим соблазнил часть церковных иерархов обещанием государственной поддержки и в обмен за эту поддержку лишил РПЦ независимости, то мы — демократические силы — должны предложить ей повторное освобождение от государства и сотрудничество на этой основе.

В этой линии — альтернатива сегодняшней, тупиковой и разрушительной ситуации, но в ней, надо отметить, нет ничего революционного. Это продолжение традиции как митрополита Филиппа Колычева, видевшего свой долг в защите русских людей от потерявшей моральные ориентиры власти, так и Поместного собора 1917—1918 годов и избранного им патриарха Тихона. Это Собор, а никакие не большевики, поставил и активно обсуждал вопрос о реальном отделении Церкви от государства, ее жизни в условиях настоящей независимости. Жизнь эта не обещала быть простой, но необходимость ее устройства представлялась тогда очевидной, так же как в политике очевидным представлялось демократическое обустройство общества, начинающееся с Учредительного собрания.

Нам такая политическая позиция позволяет обозначить свою линию как христианско-демократическую в противовес принципу территориализма и включения Церкви в корпоративное государство как подчиненной структуры.

Примечания к 3-й главе

i Учредительное собрание или Конституанта — разновидность временно действующего представительного, парламентского учреждения, собрания депутатов, уполномоченного оформить новый государственный строй, выработать основополагающие законы, конституцию страны. Теоретическим источником идеи Учредительного собрания стали правовые искания мыслителей позднего средневековья, идеология западноевропейского Просвещения. Выдвинутые его выдающимися представителями концепции народного суверенитета и общественного договора исходили из естественного, неотчуждаемого права всех народов самим выбирать свой политический и социально-экономический строй, свою форму правления. Но первый опыт практической реализации этого права был осуществлен в Северной Америке, где он был положен в основу принятой в 1776 г. «Декларации о независимости», составляющей до сих пор основу Конституции США.

В формально-юридическом смысле учредительным собранием может считаться любой представительный орган, наделенный учредительными функциями: от собрания граждан в античной республике — до современного парламента. В этом смысле можно согласиться с теми, кто ведет предисторию Всероссийского Учредительного собрания еще от средневековых российских Земских соборов. На них тоже решались важные государственные вопросы, избирались цари, как Борис Годунов в 1598 г. или Михаил Романов в 1613 г., принимались основные правовые кодексы — Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г.

Таким образом, идея общенационально представительного органа не чужда российской истории. Гласная постановка этого вопроса о созыве именно Учредительного собрания впервые прозвучала в ходе отмены крепостного права и Великих реформ Александра II. Ее озвучил на рубеже 70-х—80-х гг. XIX в. И.И. Петрункевич. Частично (в плане созыва центрального всесословного законосовещательного органа) она была использована в проекте «Конституции Лорис-Меликова». Данный проект был подан министром внутренних дел России генералом М.Т. Лорис-Меликовым и подписан Александром II. Он рассматривался как способ консолидации всех, в том числе господствовавших в местных органах самоуправления (земствах) либералов, вокруг программы реформ, предложенных центральной властью, а также для борьбы с крайними радикалами. Проект не состоялся по вине народовольцев, убивших Царя-освободителя за неделю до обсуждения «Конституции Лорис-Меликова» в Государственном совете (органе, который во многом был предшественником современной Общественной палаты).

Вернулись к идее Учредительного собрания после Февральской революции. Росту популярности высшего представительного и законодательного форума способствовала сама процедура его формирования. Выборы в Учредительное собрание представлялись очень демократическими — депутаты должны избираться на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов. Правда, избиратели голосовали не персонально за определенные кандидатуры, а за списки партий и других политических и общественных организаций.

Согласно положению о выборах, вся страна была разбита на избирательные округа, каждому из которых выделялась пропорционально численности населения депутатская квота в Учредительном собрании, т.е. примерно один депутат от 200 тысяч жителей. Для Сибири предоставлялась льгота: один депутат от 179 тысяч населения. Принцип пропорциональности использовался не только для определения депутатской квоты для округов, но и при подведении итогов голосования. Пропорциональная система для выборов в Учредительное собрание была заимствована у Бельгии. Главная особенность этой системы заключалась в том, что благодаря ей обеспечивалось представительство во властных органах не только большинства, но и меньшинства населения. Но поскольку некоторые регионы России были малочисленными, то в них выборы проводились по мажоритарной системе. В общей сложности в 12 округах состоялись выборы по этой системе. Примером мажоритарных выборов может служить Камчатка, где имелось менее 20 тысяч избирателей, и поэтому в Учредительное собрание был избран соответственно только один депутат. Положение о выборах во Всероссийское Учредительное собрание было самым демократичным для того времени. Оно предоставляло активное и пассивное избирательное право всем гражданам страны с 20-летнего возраста и военнослужащим с 18 лет. Право голоса получили и женщины. В 1917 г. право участвовать в выборах женщины имели только в Норвегии, Дании, Финляндии, Новой Зеландии, Австралии и ряде штатов США.

Реально в выборах, проведенных уже большевиками в ноябре 1917 г., приняло участие чуть более 50% избирателей. Этот кворум на пределе с правовой и политической точки зрения обеспечивал легитимность высшего законодательного и представительного форума российского государства.

Созыв Учредительного собрания 5 января 1918 г. явно запоздал. Россия уже вступила в полосу экономической и социально-политической катастрофы.

Радикализация настроений, готовность рушить все старое, с одной стороны, и нарастающая усталость населения — с другой, позволяла таким решительным радикалам, какими являлись большевики, приступить к осуществлению их «великого социального эксперимента». Хотя результаты прямого волеизъявления народа в ходе выборов в Учредительное собрание свидетельствовали, что у большевиков нет никаких правовых и нравственных оснований брать на себя ответственность за судьбу страны. (За большевиков проголосовало 10 649 тысяч или 24 %; за эсеров, меньшевиков и депутатов различных национальных партий 26 374 тысячи человек или 59 %; за кадетов и партии, состоящие правее их 7 420 тысяч или 17 %. Из 703 депутатов, избранных в Учредительное собрание, 370 – эсеры; 168 – большевики; 39 – левые эсеры. Таким образом, даже с левыми эсерами большевики уступали партии социалистов-революционеров (ПСР) вдвое.

Большевики разогнали Учредительное собрание на следующий день после его открытия (6 января 1918 г.).

Легкость разгона Учредительного собрания с тактической точки зрения объясняется крайней радикализацией населения столиц, настроение которых совершенно не соответствовало, судя по итогам выборов, настроению остальной страны. В Петрограде, где проходило Учредительное собрание, большевистская партия получила 45 % голосов против 16 % у эсеров, а в Москве соответственно 56 и 25 %. Однако стратегически в тот решающий для судеб России момент российское общество продемонстрировало одну из негативных своих слабостей: неспособность в обстановке крайнего кризиса и усталости самоорганизоваться в целях защиты своего мнения. «К черту! Все равно ни хлеба, ни обуви эти выборы не дадут», — так образно выразила настроения горожан газета «Приазовский край». Молодежь, самый активный элемент общества, была полностью захвачена «уличной революцией», идеей прямого революционного действия без какой-либо правовой базы. Например, в городах Московской губернии наблюдался самый низкий показатель явки молодежи на выборы в Учредительное собрание (у 20-летних он составил 45,5 %).

На фоне всего этого новая власть, при достаточной ее решимости и агрессивном навязывания своего «коммунистического мифа», легко справилась с немногочисленными протестами, превратив память об Учредительном собрании в очередной негативный миф.

Так в январе 1918 г. был потерян исторический шанс уйти от национальной катастрофы, воплощенной далее в гражданской войне, интервенции, реализации грандиозной социально-экономической перестройки, которая завершилась падением советской империи через 7 десятилетий, не принеся стране обещанной в 1917 г. самой передовой экономики и общественно-политического строя.

Заключение

Сегодня Россия переживает антиевропейский разворот.

Политика, осуществляемая после возвращения Владимира Путина в Кремль в 2012 году, закончится даже не кризисом, а крахом, потому что в XXI веке невозможно длить курс, драматически расходящийся с реальным направлением развития нашей страны и всего мира. Общий для нас с Европой ход истории — это единственный реальный вектор развития России. Он сильнее любых девиаций, отклонений уходов, которые могут быть очень влиятельными, но все равно слабее реальности. Главный политический вопрос при этом — насколько сознательная политическая деятельность соответствует сути движения.

Правда, в истории России были 70 лет большевизма, которые в первые годы после переворота тоже многим казались невозможными. Однако совмещать изоляционистскую диктатуру с постиндустриальным обществом трудно. Да и историческое время движется все быстрее. Поэтому мы исходим из того, что уже в недалеком будущем нашей стране придется осуществлять очень серьезные системные преобразования, делать, наконец, то, что не удалось за 20—25 постсоветских лет.

Была ли эта неудача закономерной в стране, где Великие реформы десятилетиями назывались половинчатыми и неудачными, а перестройка самими ее авторами и вдохновителями позиционировалась как продолжение ленинской революции? Мы так не считаем. Альтернатива, способная вывести общество, государство, страну на новый качественный уровень, была реальной. Сейчас главное — не повторять ошибок, а тем более, сознательных преступлений, которые сорвали ее реализацию.

Почему за четверть века не это получилось, а теперь должно получиться? В том числе и потому, что у нас есть опыт. Неудачи, ошибки и преступления недавнего прошлого – объект анализа и извлечения уроков, открытый для всех. И один из этих уроков определенно состоит в том, что успешные реформы возможны

только с учетом всего исторического опыта страны, историко-культурного контекста. В противном случае только и останется, что жаловаться на контекст.

В действительности, нет ничего невозможного в том, чтобы тяжелый опыт неудавшихся постсоветских реформ и исторический опыт России был глубоко осмыслен и стал основой качественного развития, чтобы неизбежные и необходимые нашей стране реформы основывались не на мифах, стереотипах, поверхностных суждениях, а на знании или, точнее, стремлении знать страну и ее людей.

Абсолютного знания, «фирменного» ключа к стране нет и не будет. Безусловно, у нас есть рабочая гипотеза, она изложена в предложенных нами заметках, мы стремились ее обосновать и сделать как можно более доказательной. Но, в отличие от научных монографий, главным мотивом этой работы было не обоснование гипотезы, а стремление начать важный для нас разговор, раскрыть перед читателем мыслительный процесс, к которому можно присоединиться, показать поле деятельности.

Для того чтобы отказаться от авторитаризма, жестокости, неприятия чужого мнения, сегодня надо знать, но не надо переоценивать всю историю, публично отрекаясь в XXI веке от опричнины Ивана Грозного или стрелецкой казни Петра I. То, с чем нам надо, просто жизненно необходимо политически «разбираться» сейчас — большевистская система. Это та история, которая действительно является частью сегодняшней политики, влияет на политику, даже определяет ее.

Ключевая характеристика общественного сознания, пережившего индустриальную модернизацию при большевистском режиме, — даже не те или иные архаичные черты, которые могли сохраниться до сих пор, а искалеченность тоталитаризмом.

Она не залечивается временем — ростом образовательного уровня, числа путешествующих за границу, развитием информационных сетей, как это действительно происходит в странах, где общество еще проделывает путь от традиционного к современному. У нас общество уже давно не традиционное и даже не транзитное. Оно было модернизировано в тоталитаризм, после падения которого вынуждено было жить по правилам бандитского капитализма в олигархической социально-политической системе. Любой учитель знает, что переучивать гораздо труднее,

чем учить. Универсальные методики не работают, надо отталкиваться от конкретного человека и той формы, в которой в него вложены знания и сформированы навыки.

Реформы, которые могут претендовать на успех в таком обществе, должны быть терапевтическими, направленными на залечивание травм большевистских десятилетий, преодоление лжи, восстановление связи между обществом и государством, создание и укрепление фактора доверия как основной социально-политической категории. Всё это не исключает фундаментального характера необходимых социально-экономических и социально-политических изменений, большого количества недовольных со всех сторон и даже потрясений. Но реформы, имеющие целью преодоление разрыва и укрепление доверия, будут создавать механизм преодоления трудностей.

Главное — реформы получаются только если их смыслом и центром становится человек, его достоинство и (это очень важно) не человек будущего, а сегодняшний, живущий сейчас, являющийся одновременно объектом и субъектом, двигателем и целью реформ.

В этом главный урок для тех, кто будет делать реформы после окончания столетнего смутного времени и ухода в историю постсоветского периода Путина. Именно об этом мы и хотели написать в этой книге.

Библиография

Acemoglu D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics // Journal of Comparative Economics 31 (2003). P. 620—652. http://economics.mit.edu/files/4461.

Acemoglu D., Robinson J. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. London. Profile books, 2013.

Griffiths D.M. Eighteenth-century perception of backwardness: Projects for creation of a third estate in Catherinian Russia // Canadian-American slavic studies. Vol. 13. 1979. № 4. P. 457—472.

Yavlinsky G. «500 Days Transition to the Market». St. Martin's Press. NY, 1990.

Yavlinsky G. Laissez-Faire versus Policy Led Transformation: Lessons of Economic Reforms in Russia // Journal of Comparative Economics, 1994.

Yavlinsky G. Russia's Phony Capitalism // Foreign Affairs, May/June 1998. P. 67—80.

Yavlinsky G., Braginsky S. Incentive and Institutions: The Transition to a Market Economy in Russia. Princeton University Press, 2000.

Yavlinsky G. Reforms that corrupted Russia. Financial Times, 02.09.2003.

Yavlinsky G., Kogan-Yasny V. Resurrecting Dostoyevsky's dictum: Why Russia and Europe need each other // Europe's World, Summer 2007. № 6. P. 28—36.

Yavlinsky G. Realeconomik: The Hidden Cause of the Great Recession (and How to Avert the Next One). New Haven – London: Yale University Press, 2011.

Jawlinskij G. 500 TAGE zur Marktwirtschaft. Die plane der reform-okonomen. Dusseldorf, Wirtschafts Woche, 1991.

Jawlinskij G. Reform von unten – Die neue Zukunft Ruslands. Verlag Bertelsmann Stiftung, Gutersloh, 1994.

Jawlinskij G. Das neue Rusland. Democratische Reformen als letzte Chance. Munchen. Der Goldmann Verlag, 1996.

Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и его последствий. М.: Голос-Пресс, 2010.

Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М.: РГГУ, 2001.

Ахиезер А.С. Социокультурный раскол и динамика нравственных идеалов // Цивилизационные исследования. М., 1996. С. 223–232.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Философское общество, 1991.

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.

Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии, 1995. № 6 (публикация вновь открытой работы 1923 г.).

Гайдар Е.Т. Уроки СССР. Очерки экономической истории // Вестник Европы, 2006. № 17 // http:// magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/ga3.html.

Гаман О. Бюрократия российской империи: вехи эволюции. М., 1997.

Герцен А.И. Россия // А.И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 6. С того берега. Статьи. Долг прежде всего (1847–1851). М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.

Герцен А.И. Русский народ и социализм (авторизованный перевод) // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 7. О развитии

революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Издательство Академии Наук СССР.

Глинчикова А.Г. Раскол и незавершенность русского модерна // Мир России. Т. XVIII, апрель 2009.

Голиков А.Г. Генерал А.А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история, 1998. № 4.

Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времён до 1569 г. М.: Фонд им. И.Д. Сытина.

Гудков Л.Д. Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения, 2007. № 4.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России, 2009. № 2.

Гудков Л.Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии, 2009, № 2 (100).

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2001.

Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. М., 2003.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические оценки. М.: Издательство Института Фонда «Общественное мнение», 2002.

Зубаревич Н. Социальное пространство России // Отечественные записки, 2008, № 5 (44). С. 172–191.

История России XX век. Под редакцией А. Б. Зубова. Т. 1–2. М.: Аст-Астрель, 2011.

Кагарлицкий Б.Ю., Сергеев В.Н. История России. Миросистемный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001.

Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке, традиция и модернизация. М.: Текст, 1994.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006.

Кантор А.М. Община, мир, государь, бунт – Реформы второй половины XVIII — XX вв.: подготовка, проведение, результаты, М., 1989.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: Corpus, 2014.

Карр Э. История советской России. Т. 1–2. М.: Прогресс, 1990.

Киселева М. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века. М.: Прогресс-традиция, 2011.

Кириенко Н. Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. Т. 1.

Ключевский В.О. Добрые люди древней Руси. Публичная лекция, прочитанная в 1891 году в пользу пострадавших от неурожая // Ключевский В.О. Литературные портреты. М.: Современник, 1991. С. 261.

Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // «История СССР», 1991. № 4.

Козлова Н.В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М.: Археографический центр, 1994.

Козлова Н.В. Некоторые черты личностного образа купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества) // Мента-

литет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН, 1996.

Козлова Н.В. Организация коммерческого образования в России в XVIII веке // Исторические записки. Т. 117. М.: Наука, 1989. С. 298–300.

Комисаренко А.И. Чекунова А.Е. Агрикультура в России в середине и второй половине XVIII в. // Особенности российского исторического процесса. Сборник статей памяти академика Л.В. Милова. М.: РОССПЭН, 2009.

Кондрашин В. Крестьянство России в Гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма. М.: РОСПЭН, 2009.

Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов. Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.

Космынин А.В., Прибыловский В.В., Чурсина С.И. 50 политических репутаций. М.: Панорама, 2007.

Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: «Захаров», 2005.

Куприянов А.И. Представление о труде и богатстве русского купечества дореформенной эпохи // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН, 1996.

Курукин И.Б., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, 2010.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003.

Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999. Предварительные итоги сравнительного исследования // Общество на фоне. М.: ОГИ, 2001.

Ле Гоф Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013.

Ле Гоф Ж. Рождение Европы. М.: Александрия, 2007.

Ле Гоф Ж. Цивилизация средневекового запада. М.: Прогресс-академия, 1992.

Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в предреволюционную эпоху (1901–1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М.: Институт российской истории РАН, 2003. С. 95—172.

Лепехин В. Группы интересов как основной субъект современной российской политической системы // Формирование партийно-политической системы в России. М., 1998.

Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб: Алтейя, 1997.

Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 345–355.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) СПб: Искусство-СПб, 1994.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2008. № 1 (93).

Мейендорф И. Рим. Константинополь. Москва. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2005.

Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история, 2001. № 1. С. 73—77.

Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI вв. М.: Институт российской истории РАН, 2005.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1994.

Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению проекта // Отечественная история, 2010. № 6.

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году. Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Ответ. сост. Д.Б. Павлов. М., 2000.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского и правового государства. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.

Немзер А. При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013.

Ненароков А.П. История одного письма. Политическое завещание Павла Аксельрода. М.: Медиум, 2008.

Орлов А.С. Древняя русская литература XI–XVII веков. СПб: «Дмитрий Буланин», 2008.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М.: Грантъ, 2000.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.

Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб: Журнал Звезда, 2008.

Поршнева О.В. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004.

Пушкарев Л.Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI–XVII веков // Ментальность эпохи потрясений и преобразований. М.: Институт российской истории РАН, 2003.

Рабинович А. Большевики приходят к власти: революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989.

Р*озов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

Розов Н.С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир истории. Т. XX. С. 100–111.

Руднева С.Е. Предпарламент. Октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 2006.

Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации. Парадоксы российской политики в постстабилизационную эру. М.: Гэндальф, 2005.

Рябушинский В. Судьбы русского хозяина // Русский колокол, 1927. № 3.

Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: ИНТЕР-ВЕРСО, 1990.

Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб, 2006.

Седов П.В. Ответ рецензентам // Отечественная история, 2008. № 4.

Седов П.В. Правящая элита русского государства 1660–1680-х гг. // Правящая элита русского государства IX – начала XVII в. СПб, 2006.

Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси в IX–XVI вв. СПб, 2000.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII века. Л.: Издательство ЛГУ, 1985.

Соколов Н. Русская колея: Власть колец // Ведомости. № 218 (3232), 16.11.2012.

Сухова О.В. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008.

Талина Г.В. Выбор пути. Русское самодержавие второй половины XVII–XVIII века. М.: Русский мир, 2010.

Троицкий С.М. Самозванцы в России XVII–XVIII вв. // Вопросы истории, 1969. № 3.

Трубецкой Е.Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке // Русская мысль, Берлин-Прага, 1923. № 1–2.

Трубецкой Е.Н. Над разбитым корытом // Русская мысль, год тридцать второй. Кн. II. М., 1911.

Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М.: Издательство Литературного института имени А.М. Горького, 2008.

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб: «Дмитрий Буланин», 2013.

Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1999.

Черникова Т. В. Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012.

Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб: «Дмитрий Буланин», 2011. С. 274–275.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России (XVII – начало XX в.). М., 1999.

Шульгин В.В. Дни, 1920. М.: Современник, 1989.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и чёрт. Исторические корни бытовой сказки. М.: Лабиринт, 2006.

Явлинский Г.А. Переход к рынку. Часть 1. Концепция и программа – 500 дней. Часть 2. Проекты законодательных актов (в соавторстве). М.: «Архангельское», 1990.

Явлинский Г.А. Нижегородский пролог (в соавторстве). М.: ЭПИцентр, 1992.

Явлинский Г.А. Уроки экономической реформы. «Laissez–Faire» в экс-СССР. М.: ЭПИцентр, 1993.

Явлинский Г.А. Экономика России: наследство и возможности. М.: ЭПИцентр, 1995.

Явлинский Г.А. Кризис в России: конец системы? начало пути? М.: ЭПИцентр, 1999.

Явлинский Г.А. Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990–1999 гг.). М.: ЭПИцентр, 1999.

Явлинский Г.А. Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М.: ЭПИцентр, 2003.

Явлинский Г.А. Всё впереди. Статьи и выступления о российской политике и экономике. М.: Интеграл-Информ, 2003.

Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI веков. М.: Интеграл-Информ, 2003.

Явлинский Г.А. «Дорожная карта» российских реформ. М.: РДП «Яблоко», 2005.

Явлинский Г.А. Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М.: Галлея-Принт, 2006.

Явлинский Г.А. Февральские параллели. М.: Новая газета, 2007.

Явлинский Г.А. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // Вопросы экономики. № 9, 2007. С. 4–27.

Явлинский Г.А. Успеть до заката. Публикации, интервью, выступления (2004–2007 гг.). М.: Медиум, 2008.

Явлинский Г.А. Преодоление сталинизма: 1937-й. Статьи и документы. М.: РОДП «Яблоко», 2007.

Явлинский Г.А. Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России (в соавторстве с С. Брагинским). М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.

Явлинский Г.А. Российская экономическая система. Настоящее и будущее. Политэкономический очерк. М.: Медиум, 2007.

Явлинский Г.А. Ложь и легитимность. М.: РОДП «Яблоко», 2011.

Явлинский Г.А. Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) (в соавторстве с А. Космыниным) // Журнал «Мир России». Т. XX. Социология, этнология. № 2. 2011. С. 3–33.

Явлинский Г.А. Перспективы российского общества в XXI веке – окончательный «уход» или модернизация (в соавторстве

с А. Космыниным) // «Мир России». Т. XX. Социология, этнология. № 3, 2011. С. 3—19.

Явлинский Г.А. Мутное время. Статьи, выступления, интервью. М.: Медиум, 2013.

Явлинский Г.А. «Компенсационный налог и проблемы защиты прав собственности» // Верховенство права как фактор экономики. Международная коллективная монография. М.: Мысль , 2013. С. 21–44.

Явлинский Г.А. Политическая преемственность: памяти Учредительного собрания // Ведомости. № 6 (3268), 21.01.2013.

Явлинский Г.А. Рецессия капитализма — скрытые причины. Realeconomik. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014.

Явлинский Г.А. Периферийный авторитаризм (2015) — готовится к печати.

Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-традиция, 2006.

Яковенко И.Г. Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый хронограф, 2009.

Янов А.Н. Россия и Европа 1462–1921. Кн. 1–3. М.: Новый хронограф, 2007—2009.

Яров С.В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. М.: Нестор-История, 2009.

Григорий Алексеевич Явлинский,
Андрей Васильевич Космынин

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ: народ, страна, реформы

Подписано к печати 27.01.2015
Формат 70×100/16
Гарнитура Permian Serif.
Печать офсетная.
15,5 печ. л.
20,0 усл. печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ 716

Издание отпечатано в типографии
ООО «Галлея-Принт»
111024, Москва ул. 5-я Кабельная, 2-б